

A photograph of a library or study area. On the left, a stone staircase leads upwards. To the right, a wooden bookshelf is filled with books. The shelves are dark wood and have a curved, modern design. The books are arranged in rows, with some spines visible. The walls are a light, textured color. The overall atmosphere is warm and intellectual.

*Зелёная
лампа
том 2*

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

ТОМ 2

сборник

Ульяновск, 2019

3 21 **Зеленая лампа. Том 2. Сборник.** – Ульяновск:
Ул-литка, 2019. – 282 с., илл.

Человек так устроен, что не может жить без каких-то рамок и границ – территориальных, духовных, жанровых. Но на самом деле – где-то глубоко внутри себя – мы все свободны, мы – творцы бесконечных миров.

В сборнике опубликованы тексты очень разных авторов. После их прочтения хочется создавать нечто подобное самому. И такая реакция – лучшая награда для любого писателя.

Книга является продолжением сборника «Зеленая лампа. Том 1», который можно найти на сайте группы Ул-литка: <https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>

© Гогин С.В., Ланцов А.С., Павлов И.С., Половов П.С.
Сафронов Е.В., Сланцев М.,
Цухлов А.Ю., Цыганов А.Ю., Шакун М.В., текст, 2019
© Ланцов А.С., Цыганов А.Ю., рисунки, 2019

«Зеленой лампы негасимый свет...»

Вместо предисловия

А то...

Начало XIX в. – зажгли впервые, 20-е годы XX в. – светит издалека, начало XXI в. – горит, хотя бы иногда... А вообще это так по-старомодному уютно и так по-домашнему непринужденно. В свете такой лампы можно и писать, и читать, и детям сказки рассказывать, и... в общем, есть чем заняться. Без лампы, конечно, тоже можно, но оно будет как-то не то, неудобно.

Особенно хорошо, если придут друзья, старые, добрые, да еще и с собой кого-нибудь приведут – сядем, разольем пиво и, не торопясь, смакуя, по глоточку, по словечку, также неторопливо заведем разговор о чем-нибудь простом, повседневном, но – мужском, серьезном. Как в старых русских повестях рассказывая истории...

Именно это было первым, что пришло мне на ум, когда я открыл «Зелёную лампу», включил ее свет. Всех знаю, всех хорошо слышу, их интонации, их словечки, даже то, как они молча слушают. Уютно.

Конечно, рассказывают они все по-разному и о разном. Кто прозой, кто стихами, кто часто и многословно, кто редко, иногда, попутно, завернет – и я ежился, видел кое-что, вот, мол, послушайте...

Истории слушать, конечно, интереснее, чем стихи – они же такие короткие, все больше об очень личном, почти интимном, даже если и о вечном, а ты подслушал ненароком – неудобно как-то, стыдно...

То ли дело – рассказ вечера на два! Пиво не кончается, автор в упоении, на тебя почти не смотрит, лишь иногда то строго, то затуманено взглянет – проникся ли?.. осознал ли?..

Да и не нужен он – автор, ты уже то ли фильм видишь, то ли в виртуальной реальности тоже пьешь пиво, плачешь, смеешься, – короче, живешь... И вот ползет гадюка, чтобы, наконец-то, ужа-

лить Стаса (а нечего по сгинувшим селам и старым кладбищам шарить с металлоискателем!).

Вот на службу (будь она проклята!) вышагивает толстый черный кот Батон (пардон, это его хозяин – Павел Петрович, Батон же только с балкона один раз сиганет или полетит – что поделаешь, луна не только людей, но и котов делает глупенькими).

А вот шавку Белку вырывает из рук Светки явно душевнобольной, ненавидящий все живое Марат, чтобы потом переродиться, стать мягким и пушистым, как игрушечный медведь.

А вот Мишаня (ну, конечно, только так, не Мих Мих, не Майкл, не какой-нибудь Мартин, а наш, родной Мишаня!) со своим дурацким «чики-пуки» держит Аркадия (а может и тебя, читатель?) за такого лоха, которого свет не видывал, ну просто за Лоха с большой буквы. А что же с такого Лоха возьмешь? Они на то и существуют на свете, извините, в повести, чтобы их лохарить и лошарить.

Про попрыгунчика Джанджгаву и Кольку-дурачка сказать нужно особо. Живое воплощение естественного человека (ах, Руссо!) они способны зародить в читателе смутное томление по какой-то другой жизни, которая, может, во сне мерещилась (чур меня!), или в детских фантазиях являлась, или в юношеских запойных разговорах с друзьями вставала у плеча...

Ну и в конце концов является в свете зеленой лампы сам Иван Окрошин, нашедший ответ (русский мужик все и всегда найдет!) на самый главный вопрос мужской зрелой жизни: «Ну и что после этого всего пить? Так, чтобы было хорошо, вкусно, весело и не отравиться?».

Но тут я, пожалуй, лампу притушу, пусть читатель сам все дослушает.

Да, вот еще что – про пиво не забудьте!

Михаил МАТЛИН,
фольклорист, кандидат филологических наук

Сайт Ул-Литка

Пространство, где встречаются творческие люди

<https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>

Сергей ГОГИН

* * *

Наливаются временем веки,
но глаза остаются сухи,
если кто-то уходит навеки
и уводит с собою стихи –

за калитку, за грань, за пределы
(что нельзя обойти стороной),
где моё сознающее тело
прозвучит в унисон с тишиной.

Эпоха обветшала и уходит.
Вторгается эстетика распада.
Студенческая скрипка в переходе
соперничает с бликами айпада.

Что было вашим, уплывает к «нашим».
Грусти, паяц, и, если можешь, – смейся.
Сапожки и ботинки месят кашу
пескосоляной снежно-грязной смеси.

Ни день, ни ночь, а что-то в промежутке:
и жутко, и куда-то надо ехать.
Пустой «баян» ветхозаветной шутки
пускает эхо сдержанного смеха.

И то, что Веник возвестил на «Эхе»,
и то, что скушал внук Эдиты Пьехи,
и хорошо ли слажен «домик утки» –
всё перетрут любезные в маршрутке.

И бесконечна эта остановка,
международна эта обстановка.
Мерцают в небе призрачные краски.
Бухой мужик выгуливает хаски.

Из цикла «Филологическое»

Не верю застольным речам,
не вижу себя седовласым,
как ватник с чужого плеча –
расхожее: «Время всевластно».

Я – словно мальчишка-щенок,
и длинные школьные стены –
пожизненно мне, и звонок
раздался с большой перемены.

Рыдает звонок, но – по ком?
С контрольной работы сознания
я снова сбегая тайком,
бессменный вахтёр баба Маня

в зелёном, как вечность, платке
меня, милосердствуя, судит,
пока на шершавой доске
вопросы спряжения судеб

нестарый ещё педагог
царапает в трёх вариантах,
он выдумать лучше не мог,
чем приборохлиться у Канта

в бутике забытых вещей –
«в себе», «вне себя» и «для прочих»,
где нет бытовых мелочей,
но нет и возвышенных очень,

где я, наконец, понял бы
в объятьях тоски непролазной:
свобода надёжней судьбы,
надежда сильнее соблазна.

Царапай, смешной педагог,
свои роковые вопросы,
летите стремглав за порог,
разумные, добрые осы,

спешите на помощь, пока
за мной еще можно угнаться,
ужальте мальчишку-щенка:
старую – пора просыпаться.

Нынче в доме пусто. Всё уже случилось.
Чацкий сгинул в дурке, Треплев застрелился,
Мурку закололи пёрышком (небольшо),
головы лишился глупый Берлиоз.

То ли ещё будет: многое опишут
инженеры чело-
вечьих душ бессмертных,
многое добавят в меру их таланта,
если не устроит их Екклезиаст.

В меру интеллекта и погоды в меру,
в меру простатита и болезни сердца,
в меру недосыпа или пересыпа
или если просто муза посетит.

Вот придёт и скажет: «Что-то в доме пусто.
Где товарищ Чацкий, где коллега Треплев?
Что случилось с Муркой – пела как по маслу?
Через то ли масло сгинул Берлиоз?»

И ответит эхо: «Вам бы только ехать!
Нынче пусто в доме, слышите меня?
Пустота – помеха, дальше надо ехать,
словно бубенцами, рифмою звеня».

Ибо в доме пусто. Что могло – случилось:
стал Печорин лишним, Мармеладов спился
и попал под лошадь, Ленский принял пулю
и Андрей Болконский тоже не жилец...
Что-то в русском слове мало оптимизма.
Может, англосаксы снова подсобят?

в ваш аккаунт выполнен вход через
Chrome Россия Ульяновск
бром Россия Биробиджан
бред Россия Бряндино
блин Россия Сенгилей
боб Россия Бобья Уча
бабья участь России
участок быльём поросший
бобыль на бобыле быльём погоняет
бельём бывшим белым когда-то
когда это было

когда это было
когда письма слали с оказией
а не с аккаунтов
когда хром был как праздник
а кирза на каждый день
чтобы пара служила лет двадцать
потому что зачем если можно босиком
выполнить вход через
лес поле реку болото и дальше
где белеется что-то Россия что ли
и что-то блестит не хром ли
и там же наверное выход
или исход
в исходную
точку
входа

Не учит жизнь. А может, тем и учит:
сам отделий, что истинно, что ложно.
Очередной хрестоматийный случай:
«Как дай вам бог любимой...» Сколько можно?!

Ушёл в стихи, как в психотерапию,
лечился эхом первобытных знаков.
Не осуждай её, не торопи. Ей –
«Как дай вам бог...» Наш мир неодинаков.

Но знаки собираются в общину,
вопят и обретают силу слова,
и значит, я пока ещё мужчина,
и значит, не исчерпана основа.

Не буду зарекаться, мол, ни в жисть я,
не по сезону белые одежды –
сегодня осень на дворе, и листья
ложатся так безмолвно, безнадежно...

*«Я – островок
посреди необозримого
прошлого».*
Аркадий Тюрин

На склоне века, ставшего началом
столетий новых, столь же быстротечных,
непостижимых медленным рассудком
и неподвластных взору ясновидца;
на склоне века, ждавшего устало
своей кончины в грохоте излишеств,
чтоб возродиться новою страницей
в календарях, историях и судьбах;
на склоне века, века-инвалида,
истерзанного язвами гордыни,
не знавшего простейшего отличья
безумного злодейства от дерзанья;
на склоне века, зрителя немого
кровавых войн и ярких милосердий,
открытий гибельных и радужных исканий,
упадка наций и восстаний духа, –
я осознал условность разделения
шкалы времён на равные отрезки.
Как только вспышка памяти, сверкнувшей
на краткий миг, собою озаряет
всю ленту жизни – все её события
одновременно будто происходят
во времени (и – вне его!) прошедшем;
сознание всего лишь ловит знаки,
успевшие при свете проявиться.
Грядущее сокрыто за стеною
бесплотной, но глухой и бесконечной,
которая зовётся настоящим.
Я – точка на стене, я – символ Бога.
Я – призрак вечности. Я – бытия трилистник.
Я – остров посреди необозримых
безвременного прошлого просторов...

На склоне века, или в середине,
или в начале нового столетия –
тысячелетия – миллионолетия! –
я озираю жизнь с недвижимой кочки
и нахожу, что люди постоянны
как в добродетелях, так и в пороках.
И где-то там, в конце времён, далёко –
иль через миг, что, в сущности, едино –
на горизонте сумерек бытийных,
сжимающихся в точку-невозможность,
в понятие, что некому освоить
скупым умом, но можно только – духом;
и вот на этом смутном пограничье
в последний миг, в конце концов, в пределе
абстрактном, нереальном – интересно,
какое Слово будет перед точкой?..

Стратегия

Начать хоть что-нибудь, потом,
на мудрость жизни уповая,
гадать, куда везёт кривая,
ловить дождевики языком,

любить детей, жалеть их мать,
носить, как чётки, цепь событий,
и обжигать горшки, и бить их,
лепить и – снова обжигать,

пасти гусей, учить азы,
по ходу смыслы создавая,
и колокол, не уставая,
тянуть за трепетный язык.

Планета Меланхолия

Идею конечности лелея и холя,
помыслишь о форме последнего привета.
У каждого человека своя Меланхолия
и персональный конец света.

Так общий случай становится частным,
комариный укус вырастает до феномена,
конвертируясь в радугу здесь и сейчас, но
по очень выгодному курсу обмена.

Потом и радуга погружается в Лету,
Время работать коровой дойной
отказывается, поэтому свою Планету
надо будет встретить достойно.

Лучше всего – поливая землю,
рисую кактус, рассаживая фиалку,
любя другого человека, внемля
ветрам, чтобы – не так жалко.

Даже если не родил детей, и
нет фиалки, не завел собаку –
важно отложить яйцо идеи:
идея способна пережить вакуум,

пустить корни, дать начало,
размножиться – за это много отдашь и...
Ну вот, кажется, и полегчало.
Можно жить
дальше.

«Счастье – это когда тебя понимают».
(Из фильма «Доживём до понедельника»)

Счастье – это когда тебя понимают.
Принимают. Запоминают.
Вспоминают и – обнимают.
И потом, когда поминают.

В этом есть элемент участия.
Словно целое есть у части.
Понимание – как причастие:
ты да я – одной веры части.

Одной Матери. Одного Бога.
Эти – в ногу, а мы – не в ногу.
Я твой посох, ты мне – подмога.
Посидим, отдохнём немного.

Помолчим, пока дремлет Логос,
пока дразнит Танатос Эрос,
пока серость высоким слогом
так вещает, что пахнет серой.

Надо как-нибудь проще, проще,
но не плоше, не в лоб, не площе.
Слышишь – ветер гуляет в роще
или словом вскипает площадь?

Не красна судьба пирогами.
Всё твоё, что прошёл ногами.
И расходится свет кругами.
И расходится свет кругами.

Поэтическая сурдология

Звенит в ушах. То, может, голос свыше,
и звездный ветер мне его пригнал?
Я – избранный? Лишь только мне и слышен
сверхразумом отправленный сигнал?

И коль я из такого сделан теста,
в мои локаторы, в мою тетрадь
вселенная божественные тексты
нашептывает? Жаль, не разобрать...

Зов галактический настойчив, безутешен.
Звенит, как стадо комаров в плену
пивной бутылки. Я устал. Я грешен
и текстам предпочел бы тишину.

Я недостоин столь великой роли
и не готов, по нищете своей,
представить, от какой высокой боли
страдал, внимая Яхве, Моисей.

О чём шумел камыш деревьям гнутым?
Неужто белый шум – вся жизнь моя?
Сижу, в бахилы синие обутой.
«Кто следующий?» – «Доктор, это я...»

Евгений Сафронов

Помаево – село, которого нет

повесть

Глава 1.

Мама еще с пятого класса, как только он этим увлекся, повторяла: «Стасик, ну зачем тебе эти монеты? Лучше бы ты за ум взялся и учился по-человечески! Тоже мне нумизмат!».

Стас с тех самых пор самого слова «нумизматика» на дух переносить не мог: оно почему-то напоминало ему о математике, которую тот не уважал с детства. «Стасик, алгебра и геометрия – основа основ! – эту пластинку его матушка в школьные годы тоже включала при первом удобном случае. – Какую бы профессию ты в будущем ни выбрал – математика всё равно пригодится!».

Бог мой, эти предки – сущие младенцы! Он преспокойно сдал три ЕГЭ (четвертый – на выбор) – и поступил на «технологию и предпринимательство» в местный пед. И уже через полтора месяца стал звездой студенческой осени в кавээновской команде «ТиПов»: раз плюнуть, как говорится. Там же, на КВН, он познакомился с Толяном, который учился на ест-гео.

«Ва-аще чумовая тема! Мы это дело отобьем за пару месяцев! – Толян впервые заговорил про поиск «всякого старья» в начале мая, когда на горизонте замаячила летняя сессия. – Меня в это дело камрад один втянул – типа копаря-поисковика был. Ему всё интересно было: черепа, котлы, шмотки солдатские. Но мне пофиг на это! Я ведь по монетам загоняюсь».

Толик предложил выкупить у одного своего камрада гудло́ и всю атрибуцию. Гудлом или металлкой друг Стаса именовал металлоискатель – как оказалось, вещь незаменимую при поиске монет.

Тот день, когда они раскопали свою первую добычу, ему иногда

даже снился. Металлоискатель запыкал, Стасик достал саперную лопатку и через пять минут извлек на свет Божий круглое металлическое чудо.

«Да это же пятачура – катка! Ну-ка, дай-ка, дай-ка! – Толян поковырял грязным ногтем монетку. – Точняк: катка, 1774 год. Повезло тебе. Дальше шагаем? Еще и не такое найдем, обещаю. Здесь же постоянный двор был раньше!».

Они копали на пустыре одного из сёл – километров в десяти от города. Увезли к вечеру семнадцать монеток. В основном, попадались бутылочные алюминиевые пробки и советская мелочь, но добыли и две пятачуры: одну взял себе Толян, а другая по праву перекочевала в рюкзак Стасу.

«Одно плохо: люди постоянно шастают. Увидят нас с металлоискателем – ментам могут настучать. Надо искать по заброшкам, вот это ва-аще чумовая тема!» – просвещал его Толян, развалившись на заднем сиденье рейсового автобуса, который вёз их в сторону города, усеянного желтыми пятнами уличных фонарей. Именно тогда-то у них и созрел план о поездке в заброшенное село. Или, может быть, они придумали его позже... Да кто же сейчас разберется в этом после всего случившегося?

– Вон оно! Видишь, да? – Толян весь подался вперед и, приставив ладонь к бровям, стал вглядываться в отдаленные заросли.

– Чего там? – Стас привстал на цыпочки. – Изба?

– Не-е, – его друг покачал головой и поправил большой рюкзак за спиной. – Чё-то побольше. Деревянное вроде. Может, магазин. Или клуб. Но это точно помаевское, вот смотри...

Стас мельком глянул на экран смартфона, где светилась заранее скаченная разноцветная карта местности, и вдруг почувствовал то самое – знакомое томительно-сладкое ощущение предстоящей охоты. Сотовой связи, кстати, здесь не было. Совсем.

– Здесь всё достанем? – он указал на рюкзак.

– Ты про гудло? Да можно и здесь, в принципе. Сейчас границы села уже не найдешь: всё травой поросло, одни кочки. Давай перекусим и начнем, ага?

Толян осторожно извлек прибор и закрепил насадку.

– Металлика хоть и бэушная, но хорошая, проверенная. Ни одной железки не пропустит, точно говорю.

Они примяли траву, которая местами доходила до пояса, и разложили на мягком зеленом ковре газету. Стас нарезал вареную колбасу крупными кусками.

– Тут клёво, да? Село-то вышло-кончилось лет десять назад, а Википедия об этом знать не знает!.. – более опытный охотник хохотнул и взял еще один бутерброд. – Избы, наверное, успели растащить или сжечь. Но нам так даже лучше: фундаменты прощупаем – точно без улова не останемся. Тут еще одна деревенька была недалеко – Козловка, но там уж никаких следов не отыщешь.

Стас слушал его с уважением. Всё-таки его напарник в полевой нумизматике смыслит куда больше: каких только старинных монет не перебывало в руках Толяна! Он и находил, и менял, и продавал их сотнями. А у Стасика была коллекция всего монет в семьдесят, ну и бумажных немного – червонцы да трешки дореволюционных времен. И это – за шесть лет собирательства!

По уверениям Толяна, он такую коллекцию мог за две удачных вылазки сострять. Не удивительно, что у его менее опытного товарища горели глаза и ноги сами порывались идти вперед – к таинственному высокому деревянному зданию, которое они увидели в зеленых зарослях.

Выцветшие одежды и лица святых едва проступали наверху – почти у самого купола бывшей церкви. Стас заметил, что у Христа, парившего над их головами, чья-то настырная рука выскоблила глаза, оставив вместо них два рваных углубления. Стены первого этажа были покрыты сложной вязью разномастных надписей – от признаний в любви, имён и дат до матерных слов и неприличных рисунков.

– Народное творчество, однако... – бормотал Стасик вполголоса, разглядывая граффити многочисленных визитеров. Юный нумизмат чувствовал себя немного странно – так, будто не он разглядывал стёршиеся лица подкупольных святых, а наоборот – внимательно рассматривали его. И всё никак не могли насмотреться.

– Кажись, тут вместо церкви кинотеатр раньше работал! – басом, как батюшка с амвона, провозгласил откуда-то сбоку старший охотник за монетами. – Вон видишь дыры в стене с двух сторон? Это для проектора. А вон на той – противоположной – стенке, наверно, экран висел.

– Наверное, – согласился Стас. – Клуб был. Это еще хорошо. А то могли и зернохранилище устроить.

– Тут нужно всё с металлоискателем облазить. Лучшего места для монеток, чем церковь бывшая, не найти! – сказал Толян и немедленно приступил к делу.

Они провозились в самом здании около часа; еще столько же потратили на поиски у высоких металлических ворот, задраенных наглухо, словно вход в подводную лодку. Когда-то церковь была разделена на два яруса, но неумолимое время перекроило всё по-своему: пол второго этажа почти везде обрушился, оставив небольшие островки торчащих деревяшек и линолеума. Ступени теперь вели в никуда, и это друзей вполне устраивало: лезть наверх они не собирались.

Металлоискатель звенел, в основном, на железки – кованые гвозди, скобы и подобную, как выражался Толян, чернину.

– Я хоть и фильтры на металликке включил, а всё равно она реагирует на железяки. А нам медь и серебро нужнее.

Опытный нумизмат-охотник уже не раз наставлял своего напарника, как правильнее работать с гудлом. Если прибор издавал круглые звуки, то это точно означает удачу.

– Вот водишь из стороны в сторону – если пикает ровнёхонько везде, то точно наткнулся на круглый предмет. Можно, конечно, и рубль бухарский выкопать, но есть шанс и нечто покрупче достать.

Бухарским рублем Толян называл алюминиевые пробки с водочных бутылок, которые были в ходу в советскую эпоху и в начале 90-х годов.

Поиски рядом с бывшей церковью ничего особенного не принесли: сапёрная лопатка извлекла на свет Божий лишь несколько копеек времен полета Гагарина в космос. Зато под ступенями полуразрушенного крыльца помаевского клуба металлоискатель обнаружил целое скопление каких-то круглых предметов.

– Это любопытно... – протянул Толян. – Здесь покопать надо основательнее, но для начала придется крыльцо доломать. Давай на завтра это оставим. Сегодня надо пробежаться по всему селу и заночевать поискать где.

На плече Стаса болталась скрученная в тугую сосиску небольшая палатка, которая должна была послужить им пристанищем на ночь. Друзья побрели от церкви в сторону пригорка, продираясь сквозь заросли разномастных колючек и сушняка.

– Тут, по логике, где-то кладбище должно быть, – рассуждал Толян, который плелся первым. – Но, может, и не осталось уж ничего.

От холма по левую руку располагались бескрайние кувайские леса. С правого бока виднелись заброшенные поля. Самое интересное было впереди: зеленело-белело плотное скопление берез и других деревьев, которые, скорее всего, скрывали кладбище; и – главное – в полукилометре от наблюдателей серела крыша уцелевшей избы.

– Вот это круто! – выдохнул Стас. – Дом остался! Полазаем там?

– А то! – заулыбался старший. – Зря мы, что ли, сюда припёрлись? Наверняка найдем что-нибудь этакое...

Вечерело. Они ускорили шаги. Если бы кто-то вдруг приподнял Стаса на высоту парящего квадрокоптера, он увидел бы расходящийся, разбегающийся в разные стороны рисунок улиц исчезнувшего Помаево. Над фундаментами изб цвет травы неуловимо менялся, приходил в какое-то неистовство, переливался оттенками чужого, инопланетного изумруда. Время от времени попадались

заросли старой, слегка пожелтевшей крапивы; сухие столбики прошлогодних колючек сцеплялись с их молодыми, свежими собратьями; на самом нижнем ярусе пробивалась своя, особая, желто-коричневая травяная жизнь, в которой протаптывали незаметные тропки чугунные ножки муравьев и красных солдатиков. С широких крон прицерковных деревьев, которые остались позади, недобро каркали воробьи. Прямо над головой в темнеющем небе зависла небольшая птичка, своими переливами настраивающая всё село на вечерний лад.

Вокруг избы сохранился местами забор, а за ним друзья заметили окученную картошку.

– Во как! – сказал Толян. – Неожиданный номер. Неужели кто-то здесь еще живет?

Однако провалившийся шифер на крыше вроде бы говорил об обратном.

– Ну, чего? Посмотрим хату? – спросил старший и, не дожидаясь ответа, нырнул за угол дома, где находилась входная дверь. Замка не было, на полу в сенцах валялись старые газеты, погнутая крышка от алюминиевой кастрюли, старые цветные тряпки. Пол закрипел под тяжестью Толяна, за ним в избу зашел его друг.

– Кто-то тут точно бывает, – послышался через минуту голос старшего, успевшего оглядеть три небольших захламленных комнаты избы. В одной из них в красном углу стояла икона, внутри, за стеклом, украшенная серебряной фольгой.

– Как думаешь: имеет она какую-нибудь ценность? – спросил Толян подошедшего Стаса. Старший снял изображение Божьей Матери с угловой полочки и пытался рукавом стереть толстый слой пыли со стекла.

– Не знаю, – ответил юный нумизмат и отвел глаза в сторону. – Лучше, наверно, на место поставить...

– Да я так – просто. Мне на картинки плевать, я монеты собираю, – хмыкнул старший и положил икону на растрескавшийся подоконник. – О, смотри – какие-то рогатки висят! Возле печки – видал?

Рядом с хорошо сохранившейся побелённой печкой на стенном крючке действительно висело собрание крючковатых палок, напоминавших большие рогатки.

– Зачем такие, не знай? – спросил Толян: он уже заскучал, стал

позёвывать и чесать левую руку. – Чё, пойдём? Нет тут ничего. Монеты тут тоже бесполезно искать. Лучше бы найти место бывшего магазина – вот там наверняка попадетса что-нибудь. И по фундаментам домов пошариться. Но это завтра. Где ночевать-то будем?

Удобное место для ночлега они нашли недалеко от церкви рядом с мелкой, но широкой речкой, на противоположном берегу которой сквозь осоку и камыш проступали черные развалины то ли сарая, то ли бани.

– Тут вот под пригорком костер разожжем, а вон там палатку поставим, – распорядился старший. Они стали возиться с установкой палатки, а затем Толян отослал друга за дровами.

– Иди вдоль берега – там должны быть дровишки. А я пока бугеров нам настроаю.

Совсем стемнело. Стас, подсвечивая себе смартфоном под ноги, побрел вниз по течению. Воздух заметно посвежел; хотелось уже глядеть на костер, весело швыряющий искры вверх, жевать бутерброды и строить планы на завтра. Ему показалось, что нечто холодное вдруг коснулось его щиколотки, а затем ускользнуло куда-то вбок. Озноб волною прошелся по его спине, и студент заспешил дальше. Слава Богу, сухие ветки обнаружились всего через несколько шагов. Он схватил столько, сколько смог, и уже повернулся, чтобы идти обратно.

«Коля! Ко-оля-а!» – голос был женский. Его интонации были знакомы Стасу с детства: так звали ребенка, до вечера заигравшегося во дворе на песочнице. Студент замер и начал оглядываться по сторонам. Смартфон пришлось спрятать в карман, чтобы сподручнее нести дрова. Глаза еще не привыкли к темноте, и он безуспешно пытался разглядеть силуэт той, что звала.

Всё так же по-смолянскому чернел остов бани на противоположном берегу. Ночные птицы и насекомые неспешно играли свой обычный концерт. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось. Стас слотнул ком, застрявший в горле, и почти побежал к палатке.

– О! Я же говорил: найдешь. Я еще днем этот бурелом приметил. Щас у нас костерок будет, – Толян принялся об колено ломать сухие ветки. – Шашлык, наверно, на потом оставим – не пропадет мясо, как думаешь?

Стас замотал головой, а потом присел на корточки.

– Ты чего какой?

- Толь, ты ничего не слышал?
- В смысле? – старший уже чиркал спичкой, тоже приземлившись на корточки возле сложенных вигвамом дровами.
- Голос... Крик женский.
- Женский? – костер разгорелся с первого раза. – Да ты чё? Откуда тут? Хотя, может, с Паркино кто? Наверное, ветер звуки донёс – такое бывает. До Паркино тут несколько километров по прямой, если полями идти. Там, в принципе, много народу еще живет.
- А-а! – Стас с облегчением выдохнул и сразу же согласился с объяснением друга. – Точняк... А я уж тут... напугался немного.
- Ба! Ну-ка, ну-ка... Видал, что ты приволок вместе с дровишками? – старший напарник держал в руках нечто черное, похожее на оплавленный толстый пакет.
- Что это?
- Похоже на кожу змеиную. Они ее сбрасывают, обновляют гардероб, так сказать. Вот только не знаю: ужики тут ползают или кто посерьезнее. Надо бы палаточку-то на ночь поплотнее закрывать. Да... А кожу лучше сжечь! – и Толян подарил находку языкам костра.
- Стас смотрел, как та быстро сморщивается, и думал о женском голосе, который звал неведомого Колю.

Глава 2.

- Ну что: порядок? – машинист всматривался в лобовое стекло, по которому струилась дождевая вода. Бегущие навстречу рельсы вытягивались и слегка подрагивали, преобразованные влажной стекольной границей.
- Да вроде да. Ни черта ведь не видно, дядь Коль! – Петька вернулся на прежнее место, с которого он вскочил, когда заметил встречный товарняк.
- Всё в штатном режиме! – сказал старший в черную рацию, и та пробурчала ему в ответ что-то благодарно-неразборчивое. Помощник Петька слегка расслабился: это был его седьмой самостоятельный выезд, и четвертый – с таким аксакалом железных дорог, как Федорыч. Больше всего его напрягала обязанность вскакивать, как только на горизонте маячила встреча. Он до рези в глазах всматривался в проносящиеся вагоны, боясь пропустить заискрение либо какую-нибудь другую беду.

– Тут взаимная помощь, Петр, никуда от этого не денешься: мы смотрим их вагоны, они – наши. Знаешь, сколько раз спасал жизни такой обычай? Бессчетно! – наставлял его старший, и Петька, вздохнув, кивал головой: надо так надо.

По слухам, Федорыч работал на «железке» уже лет сорок – старше его на всей Куйбышевской железной дороге, наверное, никого не было. Он водил и пассажирские, и маневровые, лет десять отпахал на электровозе, но родной считал все-таки дизельную вторую ТЭМ-ку. Два года назад его пересадили на пригородный, и старый машинист относился к этому как к личной трагедии.

– Пора, пора мне, Петр, закругляться! – любил повторять Николай, когда они вставали на светофорах или на долгих станциях. – Вот тебя обучу – и баста, карапузики. Поеду в свою деревню – заждаюсь меня Помаево родное!

Про «Помаево родное» Петька знал, казалось, всё, потому что Федорыч любил поговорить на эту тему. Три брата-основателя, знахарь Борькай, Белое озеро, клуб в здании бывшей церкви и... охота.

– Охота, Петр! Знаешь, какие там леса? Кувайская тайга – слышал такое? Наши старики говорили, что раньше даже на медведей напороться можно было. А кабанов-то я сам видал – неоднократно. Но, в основном, я на зайца и вальдшнепа хожу. Лисиц и волков трогаю редко – а на черта́ они мне?

Федорыч в последний раз был в своем родном селе в конце июня. Пытался поправить прохудившуюся крышу, даже посадил картошки немного в огороде. Земли теперь свободной было – хоть чемпионат мира по футболу проводи. Во всем селе больше изб не осталось: кто-то сам вывез на сруб, остальные дома либо сгорели, либо пали жертвой мародеров.

– Сволочи – те всегда найдутся, не пропадут, – сетовал Николай: он всегда так называл тех, кто, словно падальщики, напали на еще не остывший труп его Помаева. – Ведь в 1995 году там жизнь ключом била! Верись, нет? И МТС, и кузница, и детсад, и магазины – всё было. А сейчас – ничегошеньки не осталось. Жалко, как же жалко...

И Петька в эти моменты замечал, что вода струится не только по лобовому стеклу их локомотива.

В следующую смену аскакал железной дороги пришел мрачнее тучи. Буркнул что-то Петьке вместо обычного приветствия и отправился проверять оборудование после предыдущей бригады.

Помощник испробовал все известные ему способы разговорить старого машиниста. Применил даже запрещенное оружие – упомянул про Помаево. Но на Федорыча такой прием оказал обратный ход: он поскучил еще больше.

Они проехали несколько станций в полном молчании, и Петьке самому отчего-то стало так грустно, что захотелось стонать-выть, словно испорченный паровозный гудок.

– Смотри, Петр, смотри внимательно! – вдруг произнес машинист. Помощник вздрогнул от неожиданности и стал пялиться изо всех сил в лобовое и боковые стекла. Облезлые рощицы с мелколистными деревьями сменялись полями; деревянные и бетонные столбы перебегали с места на место, спаянные волнами бесконечных черных проводов. Вроде бы всё как обычно.

– Чего смотреть-то? – наконец-то не выдержал молодой.

– А? – словно очнулся от полусна Федорыч. – Смотреть? А я тебе не рассказывал, что ли? Э-э, брат, тут место-то непростое, святое! Раньше, в незапамятные времена, стояла там железнодорожная будка – ну, домик небольшой, видел такие, наверно, где-нибудь? Так вот: жил в нем Саня-Лапоть, путейщик от Господа Бога. Сам маленький, с бородёнкой, волос светлый, глаза навывкате...

Все – и машинисты, и помощники, и кочегары (тогда и кочегары были!) – знали его как облупленного. И не было такой бригады, которая хотя бы на пять минут не остановилась бы возле его будочки и не приняла бы «путевόго». Понял, про что глаголю, Петр? Ага. Самогон у него был – как маточное молочко! Боже ж ты мой – ум отопьешь!

– Пили? И машинисты даже? – усомнился молодой.

– А то! Ну не надирались, как свиньи – это понятно. А так – граммов по сто хапнут святой водицы – и пошло-пошло-пошло!.. Это сейчас тебя проверками задолбают: туда дунь, сюда сплюнь. Проверяльщики хреновы. Тогда люди другие были: сами за собой следить умели. А пять минут постоять в то время – нет проблем. График соблюдали как «Отче наш», ты не думай. Но мимо Сани-Лаптя проехать – это же грех непрощённый. Пути не будет! – Федорыч разулыбался.

Петька тоже было расцвел. Но затем возобновилось тягостное для молодого, растущего организма молчание. Рельсы сходились и расходились, сходились и расходились; провода по бокам плавно плыли от столба к столбу; время замерло на месте, как взгляд на фотографии.

– Петр, вот тебе когда-нибудь снились такие сны... – прервал мерный стук железных колёс голос старшего. – Такие сны... Не знаю даже, как сказать. Вот не вещи, нет. А вот будто ты там. Весь, целиком. А?

– Где там? – тут помощник вскочил, заметив встречу. Отвлекся на пассажирский из Уфы и Николай.

Когда последний вагон простучал мимо и короткие переговоры по радиации закончились, молодой помощник сам напомнил о прерванном разговоре:

– Так чего там про сны-то, дядь Коль?

– Да, – согласно закивал головой его собеседник. – Про сны! Вот взять хотя бы сегодняшнюю ночь: чертовщина сплошная. Подхожу будто я, Петр, к своей избе – ну той, что в Помаево. Темно, вечер... И такое у меня чувство, Петр, вот не объясню: холодок какой-то по спине бегаёт. А рядом со мной – парень идет какой-то. Смуглый, черный волос – не разберешь особо-то, ночь ведь. И вдруг по улице (ну там щас улиц нет – так, заросли одни) начинают загораться огни. Не огни, а окна домов. А я ведь знаю, что изб-то здесь никаких нет и быть не может: кончилось Помаево мое горемычное.

Тут вспыхнет, там зажжется: осветилась *Од-улица*, как полоса взлётная. А у меня радости в душе совсем нет – наоборот, страх какой-то, дикий, звериный. И тут замечаю, что парень этот, смуглый который, бочком ко мне как-то стоит. «Ага, – думаю. – Это что же ты, уважаемый, лицо от меня прячешь?». Кладу ему руку на плечо, пытаюсь его развернуть, а он ни в какую! Ну я тогда уже с азартом – разворачиваю его, а у него на лице – черви копошатся! Мертвяк, блин...

– Тьфу! Да ну тебя, дядь Коль! – передёрнул плечами молодой помощник. – Не люблю я такого: самому потом ночью дрянь всякая привидится...

– Вот и я не люблю, – закивал машинист и замолчал ненадолго. – А ведь я его узнал, смуглого-то. Это уж потом, как проснулся. В

школу вместе с ним бегали – в старшие классы, в соседнее село. Его в грозу убило, мне тогда лет пятнадцать стукнуло...

Снова на горизонте замаячила встреча.

В этот раз Федорыч поехал не на «УАЗике»-сапоге, а на допотопной девятке, которую он лет сто назад отдал старшему сыну. У того, понятно, через год-другой образовалась потрепанная иномарка, и девяточка снова перекочевала к отцу.

– Куда тебе две машины? – ругалась Маша, его жена; так-то она редко выступала, но иногда и на нее находило. – Продай хоть одну! И так концы с концами связать не можем.

Но старый машинист отмалчивался и не продавал своих боевых коней. Девятка девяткой – на ней, конечно, по городу удобней. И жрёт поменьше. Однако ж на этом корыте разве до Помаева доберешься? Да оттуда после первого же хорошего дождя хрен вылезешь! Не-е. Маша, конечно, умница, но в этом деле ничего не смыслит.

Впрочем, как известно, человек предполагает, а Богу виднее: еще накануне вечером Николай всё проверил, а утром его сапог камуфляжного цвета отказался заводиться. Напрочь. Ну что делать? Кто его знает, сколько он еще провозится – может, до полудня! А выходных у него всего два. Поэтому машинист сплюнул, обтёр губы и перекидал весь охотничий скарб в багажник и на заднее сиденье светло-зеленой девяточки...

Был такой поворот по дороге из Ульяновска, который он про себя называл «мой». С каким бы настроением он ни выехал из города, как бы у него ни болело и ни ныло левое плечо (последствие одной охотничьей истории) – когда до «моего» перекрестка оставалось несколько километров, сердце его ускоряло бег, и губы сами растягивались в улыбку.

Именно здесь в Усть-Урэне они отгуляли свадьбу с Машей – много-много лет назад. Столовая как раз была недалеко от поворота; сейчас там располагались мелкие забегаловки. Он всегда останавливался возле одной из них, степенно здоровался с хозяйками и просил борща. Непременно борща и пирожков с зеленым луком и яйцами – с десяток штук.

– Опять на охоту? – спрашивала его Валя, внучка Екатерины Сергеевны – той самой Кати, за которой он ухаживал давным-давно – еще до того, как встретил жену.

Федорыч важно кивал и садился за свой любимый столик – возле окна. После борща брал второе – какие-нибудь макароны с двумя сосисками. Потом – чаю.

– Там хоть чего-нибудь осталось? В Помаево-то вашем? – снова слышал он звонкий Валин голос.

– Осталось, – отвечал он. – Церковь стоит. И кладбище. Вот ведь странность....

– Что за странность, Николай Федорович? – Валя уже спешила к соседнему столику, куда приземлились два дальнобойщика. Он понимал, что его ответ прозвучит напрасно, никому не будет нужен – как и само Помаево. Но сдержаться не может.

– Странно, Валя, то, что сейчас самая живая часть села – это кладбище. Туда еще приезжают, за могилками ухаживают, кто-то даже подкрасил забор и ворота в прошлом году. Понимаешь? Для живых села уже нет, они его бросили, а мертвые родной земли не предают. Никогда...

Затем он медленно пил чай – из большой белой кружки с дурацким логотипом сотовой компании. Иногда просил подлить еще. Ведь в Помаево нельзя торопиться. Мертвое село не терпит суеты.

«Коля-а! Ко-оля!» – живо, реально, как в галлюцинации, он слышал голос матери, зовущей его домой.

Как они тогда велосипед-то нашли!.. Да, да... Вот смеху-то было! Это поначалу. А потом оказалось, что велосипед – дяди Борька. До сих пор холодок пробегал по его спине, когда он вспоминал о том случае из детства.

Он водился тогда с двумя братьями Петровыми – с *Verené*. Петровы – это по-уличному, прозвище по отцу. Так-то у них фамилия была Покшáевы. Братья хоть и считались двойнишами, но похожи были друг на друга, как вилка на бутылку. Один, Сенька, – тонкий и смуглый, будто татарин. А другой, Пашка, приземистый и с квадратным лицом, больше напоминал мордвина. В Помаево, как выражался их местный учитель-историк, всяких кровей понамешано – замучаешься разбираться.

Коле в то время стукнуло четырнадцать лет. Лето выдалось жаркое и влажное. С кувайских лесов и болот каждый вечер прилетала невиданная туча злошей мошкары, поедом евшей и скотину, и людей. Но днём было раздолье. Они с братьями не вылезали с берега Белого озера: Помаевка тогда текла веселей, и ил на дне не втягивал еще ноги купающихся с такой болотистой силой, как сейчас.

Велосипед обнаружил Пашка. Двухколесное сокровище припрятали в самых зарослях – так, чтобы никто не зацепился за него случайным взглядом. Но от мальчишек разве что укроешь?

– Рёбья! – заорал он, вылезая из кустов, куда убежал, чтобы справиться большую нужду. – Я велик нашел! Целый!

– Офигеть! – подтвердил его брат, уже через несколько секунд оказавшийся рядом с железным конем. – Целёхенький! Может, кто припрятал?

– А наплевать! – возразил другой двойняш. – Мы нашли – значит наш!

Троица быстро уволокла найденное за село. Там они до самого вечера катались по очереди по протоптанным скотиной и людьми полевым дорожкам. А уж совсем затемно, когда за кровавым ужинном поднялась с болот злая мошкара, мальчишки схоронили велик в зарослях крапивы: так оно надежнее будет.

Утром на следующий день Коля поехал с отцом в Никитино на совхозном грузовике. Обычно он любил помогать папе в его разъездных делах: тот всю жизнь трудился бухгалтером, его знали и уважали во всем Сурском районе. Но в это утро мальчику ехать не хотелось. Хороший велосипед действительно считался великим делом; у братьев Петровых валялся в сарае какой-то раздолбанный драндулет, а Коля – так тот и подавно мог подребезжать велосипедной цепью лишь в долг, выпросив покататься у одного жирдяя с соседней улицы.

«Накатаются там без меня! Раздолбают велик так, что потом на него и не сядешь. А я тут с отцом – как последний дурак!» – с тоской думал он, считая минуты до того момента, как отец освободится от своих скучных дел, связанных с ревизией. Это он потом – уже годы спустя – благодарил Бога, что не остался в тот день в Помаево и не перешел дорогу дяде Борьяку.

– Ха! Ты понял, да! Он к нам домой прям с утра нарисовался. Мать только после дойки вернуться успела, а он уж на пороге стоит,

зыркает! – рассказывал ему смуглый Сенька, стараясь придать своему рассказу весёлый характер: дескать, вот ушлёпок так ушлёпок этот старый пердун. Вот уж смешно так смешно! Ага, насмеялись они тогда досыта – до той самой грозы, после которой смуглого пришлось закапывать рядом с его дедом, по правую руку.

– Твои у меня велосипед украли. Пусть вернут! – знахарь якобы так и сказал. Прямо на пороге. И ушел.

Мать руками всплеснула, сунулась к сыновьям – те еще на терраске нежились, просыпаться не хотели.

– Мы ей сразу: какой там на фиг велосипед. Знать не знаем, ведать не ведаем. Что там этот сумасшедший дед выдумал! Пошел он подальше!.

Ну мать что: поохала, поахала. Старшего Петрова, отца их, вообще тогда не было: уехал в город, недели через две, что ли, вернулся только. Ну на этом вроде бы и закончилось. Мать попричитала, погрозила им, сказала, что Борька обманывать никак нельзя: он, мол, всё видит. А мальчишки что: пёс с ним, с этим дураком старым! И убежали – сначала на речку, а потом – к крапиве за велосипедом.

А ближе к вечеру, в тот момент, когда Коля с отцом трясся в грузовике, едущем из Никитино, дядя Борькай вырос перед ними, словно из-под земли. Братья даже остолбенели поначалу.

Смотрит он на них: брови у него седые, кустистые, глаза глубокие и черные. В руках – палка. Он без этого сучковатого посоха вообще из избы не выходил, разве что когда верхом ездил на своем железном коне. Зачем палка ему нужна была – никто не знал. Борькай ходил по-молодому, спину держал прямо. Частенько, кстати, видели его на том самом велосипеде: не любил он терять время на долгую ходьбу.

– Давайте, парни, по-хорошему. Покатались и буде. Мне по ягоду надо съездить. Травки кой-какой собрать. В лес нужно мне... – сказал и молчит. Ждет.

Братья посмотрели на него, потом друг на друга. И загоготали, дурачье.

– Наш это велик, дядя! Попробуй докажи, что не наш! Мы его нашли, понятно?! – и дёру дали. Один на колёсах, другой бегом.

В этот день Коля с Петровыми так и не увиделся: вернулись они с отцом из Никитина уже в темноте. Вечером старый Борькай снова вырос на пороге избы Петровых.

– Ты, Надежда, женщина умная. Всё понимаешь. Я ведь тебе помогал. С этими оболтусами, кажись, ко мне и приходила. Грыжа ведь у одного была. Так?

Бледная мать кивала головой и божилась, что допрашивала сыновей с пристрастием, но те отказываются от всего.

– Не брали, говорят! Что с дурней взять? Вот отец вернется – он уж с них не слезет, душу им всю вытрясет. Если они взяли – вернут, вернут, дядя Борькай! Куда они денутся!

– Не с руки мне, Надежда, ждать две недели. Мне транспорт сейчас нужён. У травы сила назрела: я на нём, на раме, траву вожу. Скажи, чтоб отдали, слышь?

И ушел.

А братья в тот вечер успели попасть в историю: Пашка катался по лесной просеке, наехал на сосновый корень в руку толщиной, который незаметно торчал в листве. Переднее колесо погнулось, крышка лопнула. Петровы, не долго думая, сняли оба колеса с рулем и унесли к себе в сарай. А металлический велосипедный остов утопили в здешнем болоте – от греха подальше.

Через два дня мальчишки снова повстречались со старым знахарем в проулке, ведущем к клубу. И Коле опять повезло: братья Петровы были без него; вдвоем и дело совершили.

– Транспорт-то мой когда вернёте? Или уж утопили где? – голос у Борькай спокойный, с хрипотцой. Он, когда лечил, никогда не шептал – так, как это делали все бабки-лекарки. Всегда говорил молитвы-заговоры вслух, четко и со значением. С хрипотцой.

– Пошёл ты, дядя, со своим великом! – вдруг заорал Сенька. – Не брали мы его, и не докажешь ты ничем, понял!? Привязался, как банный лист к заднице! И не ходи больше к нам, а то вон вечером встретим в темном месте, понял?

Ну и всё. Борькай смолчал. И Пашка, Сенькин брат, тоже не сказал ничего. Наверное, поэтому и жив остался, хоть и уехал из Помаева навсегда – ровно через год, как в Сеньку молния попала.

Люди разное про то судачили, но Николай-то знал изнутри, как дело было. И никогда никому про это не рассказывал. Даже Петьке – своему помощнику, который, как тому казалось, знает про Помаево всё. Ведь старый машинист любил повспоминать о родном селе, когда их пригородный стоял на светофорах и долгих станциях.

Глава 3

Утром они пошли к заброшенному зданию бывшей церкви.

– Что-то холодно по ночам на земле-то голой лежать, – ворчал Толян, вооруженный поскуливающим гудлом. – Дно у палатки тоньше, чем волос в причинном месте. Надо что-нибудь теплое найти: соломы, что ли, натаскать? Или на крайняк – в избе этой дурацкой заночуем. Всё потеплее. Ну а завтра – домой пошлём. Как на такой план смотришь?

Стас закивал. Он с утра был молчалив и задумчив. Что-то снилось ему этой ночью – что-то неприятное и тяжелое. Но, слава Богу, подробностей он не помнил.

Кстати, Толян-таки угадал: Стасу действительно пришлось провести вторую ночь в сохранившейся помаевской избе. Да только вот спал он там один одинёшенек, без своего многоопытного товарища.

– Так, начнем-с!.. Вот крыльцо – давай-ка расчистим тут завалы, – любимое дело подняло настроение у Толяна. Да и начинающий нумизмат тоже оживился.

Друзья принялись доламывать церковное крыльцо, освобождая пространство для работы металлоискателя. Уже минут через двадцать первый радостный крик огласил заросшие окрестности бывшего села.

– Рупь! Тыща восемьсот второй год! Ну ни фиги себе! – Толян почти танцевал, показывая другу грязный кругляш. – Я же говорил, я же говорил! Да тут клад самый настоящий! Ё-моё!

Через час-другой их восторг, однако, поубавился. Сотоварищи нашли в общей сложности еще монеток двадцать, и все – времен совхозов и покорения космоса.

– Фу-у! Ну и жарыща. Давай перекусим, а? – Толян вышел из здания бывшего клуба, стянул с себя футболку и закинул ее на ветку ближайшего дерева.

– Искупаться бы... – мечтательно протянул Стас.

– Где? В этом тухлом ручье? Нет уж. Я пас. Давай лучше костерок и шашлыки. Угу?

Подготовка к обеду отняла у них часа два. В пекло работать не хотелось, они ждали, пока хоть немного спадет жара. Толян даже умудрился вздремнуть. Вот в этот самый момент Стаса приспичило.

Студент порылся к рюкзаке, добыл смятый рулон туалетной бумаги и поспешил в сторону ручья: там как раз росли замечательные кусты. Хоть тут никого, кроме них с Толяном, и не было, но столь интимное занятие всё равно требовало некоторого укрытия. Когда дело было сделано, юный нумизмат решил вернуться другой дорогой – вдоль берега ручья. Проходя то место, где ночью ему почудился женский крик, он снова ощутил озноб. А затем его левая нога наступила на что-то мягкое.

Стас успел лишь опустить глаза вниз, как вдруг почувствовал резкую боль чуть выше лодыжки – там, где заканчивались его подвернутые джинсы. Что-то громко зашипело, он резко отпрянул в сторону и заметил извивающееся черное тело, шмыгнувшее куда-то в расщелину между корнями деревьев. Пару секунд он стоял, не понимая, что произошло. В голове было пусто, сердце стучало, словно колокол. А затем дикая боль в левой ноге заслонила всё остальное в мире.

Стас быстро присел на землю и, задрав брючину до самой колени, начал внимательно осматривать две кровавые глубокие ранки на ноге. Жгучая боль всё усиливалась, место укуса уже начало понемногу вспухать, словно дрожжевое тесто.

– Чёрт! – сказал Стас вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. – Меня только что цапнула змея. Долбанная гадюка! И что мне делать? Толя-ян!

Его охватил страх – почти паника. В то же время он почувствовал какое-то необыкновенное возбуждение, сладкими, медовыми волнами накатывающее на всё тело. Уже спустя две минуты он расталкивал своего разомлевшего от жары друга.

– Толян! – бледные губы укушенного кривила странная усмешка, глаза были расширены. – Вставай, вставай, говорю, мать твою! Меня гадюка цапнула, слышишь?!

Старший медленно моргал, затем мельком глянул на две кровавые точки на ноге товарища и кивнул, будто видел такое каждый божий день. Затем сладко зевнул, показав Стасу две пломбы на коренных зубах.

– Ну ты даёшь!.. Вода у нас далеко? Пить хочу – не могу.

Пока проснувшийся рылся в рюкзаке в поисках минералки, Стас молча следил за ним. Ему чудилось, что каждое движение его товарища происходит жутко медленно, словно тот плыл сквозь прозрачную густую сладкую жидкость.

– Что мне делать, Толь? А? Я умру? – спросил начинающий нумизмат. Голос его был так спокоен, что мать Стасика, пожалуй, завопила бы от ужаса: только она знала, как у ее сына проявляется крайняя степень паники.

– Дурак, что ли? Это полная ерунда. От гадюк никто не умирает. Редко очень. Вот если бы она тебе в шею вцепилась или в щеку прям присосалась – это другое дело. А тут – как оса. Распухнет и пройдет.

– Это точно? – Стас начал всхлипывать. – Ты это точно знаешь?

– Да конечно! Ну ты еще разревись, девочка моя! Говорю: всё хоккей будет. Аллергии у тебя нет? Не знай? Ладно, ты тут посиди, тебе двигаться поменьше надо – я читал в Инете про такое.

Стас кивнул, а Толян пошел за церковь – помочиться. Когда тот вернулся, укушенный тыкал пальцем в смартфон.

– Бесплезно, да? Тут не ловит ни хрена. Это надо в сторону Астрадамовки идти. Может, в Паркино есть связь. У тебя Билайн? У меня тоже. Не-е, связи нет.

– Толь, мне плохо... Тошнит. И... – бледный студент осторожно передвинул левую ногу. – И нога прям горит огнем!

– Да ла-адно! Дай-ка погляжу, – старший присел на корточки и, внимательно посмотрев на ползущую вверх опухоль, зацокал языком. – Да, дёрнула она тебя здорово. Яд щас бесполезно отсасывать – всё уж в кровь проникло. Да и не рекомендуется это: вред только один.

Они помолчали. Сладкое возбуждение уступило место сонливости. Стас икнул и виновато улыбнулся. Потом снова икнул.

– Да, выглядишь не важнецки. Чё-то прям быстро у тебя – за двадцать минут каких-то. Ладно. Я вот что думаю: тебе надо покой, может, поспишь немного. Я тебя сейчас в избу отведу, а сам пойду по полям – до дороги. В сторону Астрадамовки. Как дойду до того места, где сотовый ловит, «Скорую» вызову... Только вот как она до сюда доедет – асфальта-то нет? По полям придется. Пошли.

Он решительно потянул Стаса за плечо и, когда тот поднялся, повел его к холму, откуда был виден дом. Укушенный шел прихрамывая, но в целом юный нумизмат выглядел уже чуть получше. Так по крайней мере показалось старшему.

– Ну вот! Ожил немного! – сказал Толян с одобрением. – А то совсем раскис. Сейчас ляжешь, а я побегу за помощью. Тут сыво-

ротка нужна специальная. Только вот не знаю, куда лучше бежать: до Паркино-то поближе, но я боюсь заплутать. Весь вопрос – есть ли там хоть какой-то фельдшер? А связи там точно нет...

Старший рассуждал об этом вслух всю дорогу, которая показала Стасу бесконечной. Ему невыносимо хотелось спать, а дышать становилось всё тяжелее.

– Та-ак... Вот тебе лежаночка поудобнее. Гудло мы пока в сторону отставим: я его сюда вот в уголок размещу, ага? А ты ложись-ложись, – Толян вдруг стал суетливым. Он старался не смотреть на мертвенно-бледное лицо друга и особенно – на его посиневшую и отвратительно раздувшуюся лодыжку.

– Ты не думай. Я прям належке – быстро побегу. У тебя тут вода, всё есть. Пей побольше. Часа через два точно обернусь – какого-нибудь врача тебе притащу, куда они денутся? Тут человек умир... – старший запнулся. – Ну всё, брат, отдыхай. Я – мигом!

Когда его друг испарился из избы, Стас чуть склонился вниз (он лежал на полуразвалившейся кровати, наспех покрытой ветровой Толяна), и его вырвало прямо на грязный деревянный пол. Почти минуту он смотрел на выцветшую светло-коричневую половую краску, по которой расплывалось мокрое пятно плохо переваренной еды, а затем положил голову на сложенные лодочкой ладони и закрыл глаза.

– Тебе какого лешего надо здесь? – голос был молодой и наглый.

Стас разлепил веки и искоса посмотрел на говорившего. На запывлившейся табуретке рядом с голландкой сидел худой узкоплечий подросток со смуглым, выгоревшим лицом. Неожиданный гость смотрел не на укушенного, а в белесую помаевскую даль сквозь треснувшее, запыленное окно избы. Студент перевел глаза на свою больную ногу и заметил, что опухоль уменьшилась.

– Ну чё молчишь-то? – опять спросил мальчишка. – Это у тебя времени вагон, а мне тут не с руки сидеть и ждать.

– Ты кто? – студент выдал из себя слова с трудом. Ему вдруг сильно захотелось пить, и он привстал, чтобы дотянуться до пластиковой бутылки, торчащей из рюкзака.

– Дед Пихто! – отозвался хмурый подросток. – Кончай валяться здесь, вставай давай, пойдём.

Юный нумизмат присосался к минералке, пластиковая бутылка начала сужаться в его пальцах и потрескивать. Когда он оторвался от горлышка, смуглый уже приподнялся.

– Я два раза повторять не буду. Идёшь?

Стас пожал плечами и опустил ноги на пол. Затем немного потянул ступню вверх, проверяя, не вернется ли жгучая боль.

– Ну чего ты цацкаешься со своей ногой? – смуглый раздраженно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы; получился звук, похожий на шипение, и студент вздрогнул. – Всё у тебя заживет, как на собаке. Слушай, я серьезно: мне пофиг на тебя и твою лодыжку. Ты или идешь, или нет. В общем, я сваливаю, а ты оставайся здесь, жди своего друга-придурка!

И наглый подросток направился к перекошенной двери, скрепя половицами заброшенной избы.

– Эй, ладно, ладно, – примирительно позвал его Стас. – Я с тобой. Дай только рюкзак возьму. И гудло нельзя здесь бросать: оно денег стоит.

– Во пе-ень! – процедил сквозь зубы новый знакомец. – Ты на самом деле такой или прикидываешься? Оставляй всё здесь, никто ничё не тронет. У нас в селе можно дверь хоть палкой подпереть – никто сроду не зайдет. Это вы в городе за семью замками прячетесь, трясётесь вечно.

Охотник за монетами еще раз пощупал рукой чуть ниже колена левой ноги, боясь прикоснуться к опавшей опухоли, а затем кивнул: идти надо, он это понимал...

Как они добрались до берёз, Стас плохо помнил. Он почти не поднимал глаз от тропинки, стараясь шаг за шагом в след за смуглым, так как боялся снова не заметить гладкокожую гадину, греющуюся на какой-нибудь кочке.

– Всё, дошли! – немного сутулая спина подростка заметно ослабилась. – Дальше сам. Там всё просто: заходишь в ворота, надо крючок поддеть с внутренней стороны. Оставь дверь открытой, потом ее закроешь, когда выходить будешь. Иди сначала прямо, там поймешь – синий высокий крест с домовиной наверху чтобы по правую сторону был. Домовина – знаешь, чё такое?

Стас неопределенно вскинул брови в ответ: не хватало еще,

чтобы его тут просвещать начали. Подросток показал ему две ладони, соединенные в форме покато́й крыши дома.

– А-а, ну-ну... – начал Стас.

– Баранки гну. Так вот. Идешь прямо, могил пятнадцать прой-дешь, потом налево проход будет. Двадцать шагов сделаешь и при-дешь, куда нужно. Там тоже крест и фотка. Найдешь, в общем.

– А что там написано? – спросил студент.

– Где?

– Ну фамилия какая?

Смуглый секунд двадцать сверлил его взглядом коричневых глаз, а затем выдохнул, выпуская раздражение, словно лишний пар из котла.

– Фамилия как? Борькаев. Петр Федорович. Запомнил? Сядешь там на лавку, посидишь. Как отпустит он тебя, назад воротись, и тогда уж ворота на крючок закроешь. Всё. Давай, – и подросток довольно-таки сильно подтолкнул студента в плечо.

– Наглые тут у вас все... – забормотал было юный нумизмат, но потом скривился и махнул рукой: с местными нефиг связываться. Да и идти действительно надо. Стас просунул руку в заборную щель, снял крючок, открыл невысокую калитку и, не оборачиваясь, пошел по прямой мимо могильных холмиков. Попадались деревянные кресты, обычные металлические трапезиевидные памятники со скошенным уголком и современные прямоугольники а-ля мрамор; где-то торчала оградка, а где-то – просто холм без каких-либо опознавательных знаков. Обычное сельское кладбище, он на таких сто раз бывал.

– Ишь ты, распоряжается тут ... – он всё еще злился на смугло-го: этот сопляк младше года на четыре, а толкается, блин, указания дает.

Высокий крест с домовиной гость оставил по правую руку. Затем свернул налево. Памятник у дяди Борька и впрямь ничем особым не отличался. На черно-белой выцветшей фотографии, прикрученной к кресту, – бородатое лицо с густыми седыми бровями над черными глазами.

– 1897-й – 1981-й. Нормально так пожил мужик... – такие размышления Стас обычно не произносил вслух. Оградки на могиле не было, зато рядом располагалась скамейка – свежеевыкрашенная, с металлической спинкой, как-то резко выделяющаяся своей свет-ло-синей новизной среди остальной тусклой ветхости и запущен-

ности. Нумизмат приземлился на нее и принялся оглядываться по сторонам. Смуглого и след простыл; тишина кругом – гробовая. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка.

Он поёрзал минут пять, потом привстал и снова сел.

– И сколько мне здесь еще сидеть? – Стас спросил это вслух – так, будто совсем отучился думать про себя. Он почти случайно снова взглянул на могильную фотку Борькай и тихо охнул, заметив, что на старом керамическом овале ничего нет – одна сплошная белизна.

– Ну только не говори, что испугался... – где-то за спиной отозвался на его вздох мужской голос. – Я этого страх как не люблю.

Стас быстро обернулся и увидел бородатого мужчину лет пятидесяти. Он стоял, опершись на толстую сучковатую палку, и внимательно смотрел студенту прямо в глаза. Стоявший не улыбался, но от всей его фигуры, от его покатых худых плеч, расслабленной позы, какой-то неторопливости веяло добродушием. По крайней мере, никакой опасности Стас не почувствовал, и это его успокоило.

– Болит нога-то?

– Да так... Ноет.

– Ага. Ну, подвинься, подвинься, присяду с тобой, раз пришел, – мужчина присел на скамейку. Свой посох он заботливо прислонил сбоку к металлической спинке. – Вот и хорошо... Теперь и покалякать можно. Ты скажи, Стасик, сколько тебе надо?

– В смысле? – юного нумизмата почему-то совсем не удивило, что бородатый знает его по имени.

– Ну как «в смысле»... Вот мне Сенька, – это паренек смуглый, который тебя сюда привел. Не хотел он идти, кстати, не понравились вы ему оба сразу – как только пришли сюда. Ага. Так вот, Сенька мне всегда говорит, когда мы с ним об этом беседуем, ну вот прям как с тобой щас: «Дядя Борькай, не прав ты, мол, старый пердун! Счастье – оно у каждого свое. Вот им, говорит (это он про вас с Толяном, ага), нужна куча монет для счастья. Дашь им много, вот прям до хрена монет, – и они счастливы будут!». А я с ним спорю, у нас прям индо до слез иногда доходит, так вот спорим! Я ему в ответку: «Сенька, Сенька, как был ты бурелом, так и остался. Счастье, оно, может, у каждое свое, да только так выглядит всё на поверхности. А на самом-то деле мы все к одному идем, просто пути разные». Вот.

Бородатый замолчал, и сразу стало до боли тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка. Стас тоже ничего не говорил.

– Ага, – вдруг снова продолжил Борькай. – Вот я тебя, Стасик,

и спрашиваю: сколько тебе этих самых монет-то надо? Для счастья. Для настоящего. Так, чтобы ты радость подлинную ощутил. Чтобы прямо до слез, до дрожи, до сути самой. А? Вот разреши наш с Сенькой спор!

Стас опустил глаза и, найдя указательным пальцем едва заметный сучок в скамье, принялся его ковырять. Бородатый терпеливо ждал.

– Да это я так... просто. Коллекционирую, – наконец ответил он. Никакого стеснения юный нумизмат не испытывал: наоборот, ему неожиданно захотелось выложить всё начистоту. Просто он пока не мог подобрать слова.

– Ну-ну, – подбодрил его Борькай и почесал свою левую кустистую бровь. – Не юли. Бить-то тебя за это не будут.

– Ну вообще я с детства вот собираю. У меня почти сорок до-революционных монет, а остальные так – по мелочи. Есть даже одна первой половины восемнадцатого века.

Дядька одобрительно кивал, как китайская игрушка, в такт каждому его слову.

– А тут мы как... Начали искать вроде, ну по сёлам, но там люди-то ходят, всё такое. А с металлоискателем сейчас особо-то не разгонишься: могут так штрафануть, мама не горюй. Вот Толян и говорит: «По сёлам надо заброшенным пройтись!». А я...

– Ну это да, да, – мягко перебил его собеседник. – Это я в курсе. Но ты на вопрос мой ответь. Вот сколько тебе надо?

Стас еще раз скользнул взглядом по лицу бородатого и увидел, что тот спрашивает его вполне серьезно. С интересом.

– Ну как... Тут ведь сразу не ответишь. Еще ведь важно, какие монеты. Вот если катьки – ну там при Екатерине Великой которые – это, конечно, один разговор. А если советские, так этого добра везде полно, нам они и не нужны, по большому счету.

– Вам с Толяном пофиг на них? – уточнил бородатый и чуть улыбнулся.

– Ну да, – заулыбался в ответ Стас. – Не на все, конечно. Есть и советские монеты – очень крутые. Тут надо по каталогу смотреть, в Инете их полно: какие ценные, какие нет.

– Ага, ага! – закивал сидящий рядом с ним. Бородатое лицо чуть отвернулось от Стаса, склонилось к земле, и мужчина, протянув правую руку к посоху, стал гладить его по сучковатой коже. Они снова помолчали.

– А Сенька-то у меня – парень и впрямь не промах... – наконец вздохнул Борькай; голос у него чуть изменился, стал тише, с какими-то хрипами и сипом. – Знает, ведь как правильно спорить. Ничего не попишешь... Что же, Стасик, идти мне надо. И тебе тоже нечего здесь задерживаться. Отпускаю я тебя. Можешь возвращаться.

Стас послушно приподнялся с лавки.

– Иди, иди, Стасик. Поговорили мы с тобой – как воды напились. Только калитку на крючок запереть не забудь, а то ходят тут... Скотина всякая может забрести, а нечего ей на кладбище-то делать, сам знаешь.

Студент закивал и поспешил обратно. Всё-таки неуютно было здесь, да и, честно говоря, не любил он бывать на кладбищах.

Глава 4

Такие ловушки старый машинист умел обходить на раз-два. Но тут засмотрелся на показавшуюся вдалеке крышу бывшей помаевской церкви, ёкнуло его сердце от радости, колеса старой девятки повело по влажной колее, и сел он в аккурат на брюхо. «Приехали, мать твою растудыт!».

В общем-то, он и не рассчитывал на автомобиле добраться до самой избы. Не на «УАЗике» всё-таки сегодня, рисковать нечего. Кто бы его потом из таких дебрей выколупливал? Но чтобы вот так вот глупо сесть посреди бела дня на нормальной еще полевой дорожке – это уж совсем. Старость не радость, как говорится.

Он попробовал вытащить машину с налету, но не тут-то было. Понял, что придется провозиться почти час, и решил это дело оставить на завтрашнее.

– С новыми силами утром приду – и выковыряю родную. А сейчас домой хочу. Избу увидеть свою! – Федорыч поймал себя на том, что произносит эти мысли вслух и пожал плечами: никого здесь нет на добрые пятнадцать километров по диаметру. Тут не то что с собой вслух поговорить, тут можно хоть нагишом шастать день-деньской – всё одно.

Хотя на самом деле он так не думал: всякий раз возвращаясь в село, где он родился и вырос, Федорыч ощущал присутствие чего-то живого и родного. Да, люди здесь уже не жили, коровы не мы-

чали, тракторы не тарахтели, собаки не лаяли. Но Помаево никуда не делось, оно еще было здесь, дышало. И наблюдало – следило, чтобы, как любил говорить его отец-бухгалтер, дёбет с кредитом сходились. Не допустит село безобразия, точно не допустит.

Может быть, именно из-за этого ощущения он и любил сюда приезжать. Ну не ради же охоты он катается в заброшенное село. Нет и еще раз нет! Здесь качали зыбку руки матери, когда он был бесштаным младенцем. По этим зарослям – бывшим улицам – ходили его друзья. Здесь он знает каждую пядь земли: в каком роднике вода вкуснее, где растёт лесная клубника, в какой квартал леса лучше идти за маслятами, а куда – за белыми грибами.

Он до сих пор с закрытыми глазами мог указать, где чей дом стоял: тут жили Петровы, а тут Абаевы... Он помнил, как дойти до заросшей землянки, где, по уверениям старожилов, прятался сам Стенька Разин и там же где-то схоронил награбленное. Тут, на кладбище, у него лежат две бабки, дед, отец с матерью и сестра. Тут его душа и сердце...

– А вы, чёрт, развалили всё, разворовали, растащили! Дорогу асфальтовую они не успели проложить, село, мол, бесперспективное! Сволочи! – слова утонули в полевом ветре, погасились о деревья ближайшей рощи, ушли в леса кувайской тайги. Николай посидел еще немного, подышал родным воздухом, а потом принялся вытаскивать из багажника скарб. Через час он уже скрипел половицами своей избёнки.

Первое, что он заметил, – икону. Кто-то снял ее с божницы и положил на подоконник. Это было бабкино благословенье: с нею она провожала к зятю свою дочку, его мать. Бабка сама украшала икону фольгой и искусственными цветами. Она же выучила Николая «Отче наш» и «Богородице»: «Ты, грит, сынок, – бабка его часто сынком звала, – ты, сынок, молись и на Бога смотри. А Бог-то он тут, с нами», – и на икону глазами показывала...

– Кто ж тебя так? – забормотал Федорыч, будто нашел за старой поленницей котёнка с перебитой лапой. – Зачем сняли-то и на окно тебя сунули? Ладно хоть не унесли, ладно хоть так...

После он приметил рядом с табуреткой чей-то рюкзак, а чуть позже за голландкой в углу нашел припрятанное гудло.

Он присел на старый диван, поводил носом, будто старая гончая, и глаза его невольно скользнули вниз – к чехлу со старым охотничьим ружьем. Не нравился ему такой расклад; что-то носилось в воздухе – тревожное, неопределенное, то, чего раньше в Помаево он не чувствовал.

– Мародёры, мать их... – решил наконец машинист и вздрогнул от собственного сиплого голоса; во рту стало сухо, язык едва шевелился. – Ну я им покажу, как село чужое грабить! Дай только добраться до вас...

С этими словами он привстал и наклонился к рюкзаку, к которому был прикреплен коричневый потертый чехол. Федорыч начал судорожно отстегивать его, затем полез за крупной дробью, руки его дрожали, ему казалось, что вот-вот кто-то войдет и... И тогда он ответит им наконец – им всем. Тем, кто раздербанил, растащил его село-жизнь по кусочкам, тем, кто позволил умереть его Помаеву, тем, кто в душе, по жизни, ежедневно и ежесекундно мародёрствует, тем, кто... Он остановился лишь тогда, когда наставил дуло на полуоткрытую дверь, и так продержал ружье, наверное, с минуту. А после поймал себя на этом, зажмурил глаза – так, что задрожали веки, и медленно опустил на диван.

В избе давно не было часов – тех самых, светло-желтых, старинных, со звоном. Но тут он отчетливо услышал их мерное тиканье. Этот звук Николай помнил с раннего детства. Он любил по утрам, – когда солнце еще только раздумывало, подняться ли над горизонтом или наконец бросить всю эту опостылевшую круговерть, – прислушиваться к звукам дома и Помаева. Сначала кукареканье соседского петуха; потом скрип калитки – мать пошла на утреннюю дойку; громыханье цепи Тобика – на редкость глупой собаки, которую Колька обожал; а потом – все звуки пропадают, уходят, и остается только мерное тиканье. Тик-тик-тик-тик...

Иногда мальчик сам себе ставил такую задачу: не разжмуривать веки до тех пор, пока ветхий механизм часов не достигнет заветной точки, стрелки не совпадут, и из светло-желтой утробы не польется звон. Но так ни разу и не смог дождаться заветного момента. Секунды текли и утекали; Коля считал их и считал, принимался ворочаться под одеялом, сжимать и разжимать кулаки, терпел целую вечность. Но часы всё не били, и он сдавался. Раскрывал глаза, вскакивал с кровати – и всегда оказывалось, что нужно было подождать

всего каких-то пять-десять минут. Но он не мог. Что-то в мерном тиканье часов было такое, чего решительно нельзя было перенести, особенно – если слишком сильно прислушиваться...

«Коля! Ко-оля!» – машинист часто заморгал, оглянулся и посмотрел в окно. Солнце уже теряло силу. Еще часа три, и тени станут совсем длинными. Надо разведать хотя бы в ближних заповедных местах – там, где Федорычу всегда везло на птицу и другую мелочь. Но сначала, конечно, стоит поискать хозяев рюкзака.

Парень, почти мальчишка, лежал навзничь на небольшом холмике слева от кладбищенских ворот. Еще издали Николай понял, что тот жив: незнакомец иногда похлопывал себя по левому бедру, словно проверяя, не исчезло ли оно вдруг.

Федорыч сначала предположил, что мальчишка пьян, но, присев рядом с ним, запаха не учуял.

– Эй, пацан! Ты чего тут? – машинист решил спрашивать поглубже – почти басом, чтобы мародёр заранее знал, что с ним шутки плохи. Однако его артистизм воздействия не произвел: парень даже глаз не открыл, а только продолжал, шевеля пальцами, то и дела касаться своего бедра. Вытянув шею, Федорыч посмотрел на завернутую штанину лежавшего. Затем привстал и обошел его с другой стороны. Машинисту понадобилось с минуту, чтобы раскусить, в чем заваyka.

– И давно она тебя, дурака, укусила? – бурчал он, уже оценивая примерный вес найдёныша. – Ты хоть и худой, но мне, старику, тебя так просто не поднять. По траве волочить – тоже малоприятная процедура... Эй, как тебя там? Ногами-то перебирать можешь или как?

Стас понимал, что его куда-то ведут, но на этом его осознание себя и заканчивалось. Иногда он замечал идущего в двух шагах от него смуглого подростка, который кривил рот, когда видел туманный взгляд Стаса.

– Иди давай! – говорил наглец и, зевая, отворачивался от него. – Вон Колька тащит тебя, надрывается, а ты ноги свои не можешь нормально поднять и переставить. Я с тобой замаялся, чес-сна слово. Вот угораздило-то...

Стас хотел ему ответить чем-нибудь пообиднее, но на ум приходила всякая ерунда. Они шли по вечерней улице, освещенной ок-

нами домов. Любопытные лица мелькали за занавесками. Где-то в отдалении забренькали на балалайке, и в ответ засмеялись звонкие девичьи голоса.

Потом Стас и его спутник (кто-то ведь вёл его за руку, пока смуглый кривился от раздражения) мучительно долго пробирались сквозь стадо бредущих коров. Скотины было так много, что хотелось прижаться к забору, чтобы дать пройти этому мычащему, теплomu, пахнувшему молоком, травой и навозом потоку пятнистых тел. Стадо замыкал отчаянно косоглазый пастух с грязной веревкой вместо кнута.

Стас решил с ним поздороваться, но затем передумал и просто кивнул. Кто-то повел его дальше. А затем он спал. Долго, очень долго спал.

Глава 5

– У царя Ивана Грозного был проводник-мордвин – ну, как гид по здешним местам, звали его Отя. Откликался и на имя Пюкша. Да. Давненько, в стародавние времена, ага. Волос у мордвина черный, сам приземистый, голова большая. Знал здесь, ведал каждую кочку, каждое болотце. Вот однажды идет этот Отя с царским воеводой по кувайской тайге... Симбирском тогда еще и не пахло, в проекте не было еще твоего Симбирска, понял?

Стас кивал, блаженно шурился, смотря на угольки костра. Федорыч ему нравился; он с ним даже змей не боялся. Почти.

Еще вчера вечером он подышал на кровати в полуразваленной помаевской избе, а сегодня, поди ж ты, вот уже сидит, как огурец, греет кости у костра. Он отлеживался весь сегодняшний световой день, пока старый машинист ходил по своим охотничьим делам.

– Ты не бойсь: всё с тобой нормально будет. Опухоль уж спала, температуры нет. Полежишь, покумекаешь, к вечеру будешь в норме, – успокаивал его новый знакомец.

Федорыч, кстати, сумел дозвониться до запропадившегося куда-то Толяна: старый машинист давно испробовал различные симки и точно знал, какой сотовый оператор работает в здешней глухомани.

– В Усть-Урене уже твой друган, волнуется-переживает, спрашивает, как ты, мол, здесь. Будешь с ним общаться? – Николай протянул студенту свою кнопочную «Нокиа», но Стас скривился, совсем как смуглый Сенька, и покачал головой.

– Ну как знаешь. В общем, ты тут лежи-полёживай. Еда-вода есть, я к вечеру обернусь. А завтра мы с тобой домой покатим. Подсобишь мне вот только машину вытолкать – и фьюить!.. Прощай, дорогое Помаево. Понял?

Костер они устроили недалеко от избы. Федорыч общипал уже подбитых им лесных куликов и теперь готовил дичь по-походному. Истории про свое село он начал рассказывать сам – без просьбы Стаса. Юный нумизмат вообще старался больше молчать, но не потому, что чувствовал себя плохо: нет, физически он оклемался. Однако что-то внутри него происходило странное, будто он пытался нечто припомнить, но всё как-то не мог.

– И вот идут они, Отя с воеводой, по этим самым местам. А раньше тут – ого-го, не сравнить с нынешним: и выхухоль, и бурый медведь. А речка Помаевка, знаешь, какая чистая была! – продолжает Федорыч с увлечением – так, будто пересказывает очередную историю Петьке, своему помощнику, на каком-нибудь долгом светофоре. – И вот веришь, нет: заблудились. А воеводе к спеху, с ним войско. Темень скоро, мошки, болота. Волки кругом. «Ты, говорит, Отя, не балуй. Всё здесь знаешь, а вывести нас не можешь? Повешу на первом суку!»». А Покша сам не ведает, как так получилось: будто водит кто его. Ведь все приметы знает: вон сосёнка ободранная, вот болотце, а всё не может верного пути отыскать. А воевода ярится, грозит: до темени, дескать, не выведешь на нужную просеку – поминай как звали!

И стал тогда Покша молиться своим богам. Мордва-то она в православие позже ударилась, в курсе, да? Подошел Отя к березе, стал ей кланяться, шептать по-своему. А оттуда якобы голос ему: «Быть тут селу! Да не одному. И каждое село – для сына твоего, Покша. Первый сын – Аркай, второй – Паркай, а третий будет любимый – назови его Помаем». И всё. Через час Отя вывел воеводу, куда надо...

Сверчки оглушали; звёзды – выпуклые, весомые, блестящие – гнездились в небе, словно огромные светляки. До одури пахло жареным мясом; шумели деревья в заброшенных садах, хотя ветра почти не ощущалось. Стасу было очень хорошо. Иногда только вспоминал он о здешних хозяйках – змеях и ёжился под теплым пледом, которым с ним поделился старый охотник.

– Вот с сыновей-то Отиных и затеялись наши сёла. Тут, кстати, в Помаево-то, у каждой улицы свое название было – не как по индексу, по почте, значит, а свое, местное. Вон туда, – Николай машет куда-то в сторону, – Верепё была. С мордовского – Верхняя, значит. Дальше – Алопé, потом Крестовка, Томбáль и Од-улица. А из сколькo стояло – курочке покакать негде было! Шестьсот дворов! Веришь, нет? Я завтра с утра тебе всё покажу, кто где жил...

– Дядь Коль, – перебивает его Стас, – а Борькай – это кто?

– Борькай? – плечи Федорыча вдруг слегка передёргивает, будто от озноба. – Ты и про него знаешь? Борькай – это разговор особый... Сильный знахарь был. Ездили к нему со всей округи. Лечил любую болезнь – и сглаз, и крик, и собачью старость, и боль зубную, головную, всякую. Рассказывали, что силу свою он обрёл так... Не с рождения же у него это объявилось. Был тут еще один известный... Ну не знахарь он, а предсказатель. Провидец, ворожец. Звали его Ерошкиным, но жил он не тут, а в Кувае – тут недалёко. Не слышал?

Стас покачал головой и подумал о Толяне. Он не хотел думать о нем, но тут вдруг вспомнил. А если бы не Федорыч? Что было бы с ним? Почему напарник его не вернулся, а ушел, кинул его тут? Но обида, которая всколыхнулась на секунду в его сердце, тут же начала оседать куда-то вниз, пока не пропала совсем. Его внутреннее состояние сейчас было таким, что не до обид, не до... нумизматики, одним словом.

– Вот по молодости дядя Борькай и этот самый Ерошкин угодили в тюрьму. Ну там какое-то мелкое, наверное, было, несущественное, раз их отпустили-то скоро. А с ними в одной камере сидел старичок, больной совсем, на вид слабый. Умирал он. И ребяташки стали за ним ухаживать: то водички, то хлебушка. Добро ему, значит, делали. И старик этот, как умирать, подозвал их к себе и говорит: «За добро добром отвечу. Я, ребяташки, силу в себе храню непомерную. Поделюсь с вами, возьмите, не побрезгуйте». И поделил. Одному, вишь, дал предсказание: видел он всё, наперёд угадывал, а другому, Борькаю-то, – лечение. Болезни исцелять мог. Так-то.

Федорыч сунул Стасу жирное крылышко, сам тоже, обжигаясь, надкусил горячую, пупырышистую кожицу лесной птицы. Черное небо перечертила вспыхнувшая звезда. Затем еще одна.

– Примешь? Самогон это. Немного только, тебе много шас нельзя, – предложил старший. И они чокнулись кружками.

– Хочу сказать тебе, Стас, одну штуку, – снова заговорил машинист, после того, как они пригубили еще раз. – Потом, поутру-то, может, и не скажу. А меня это давить будет. Ведь вот когда вошел я в свою избу и увидел, что икону, бабушкино благословенье, кто-то на подоконник бросил, вниз ликом положил... И такое во мне разыграло, что аж страшно стало. Я словно всю мою обиду – вот за всё это, – Федорыч развел руки, будто хотел обнять темную тайгу, – снова почувал, ощутил. Взял я тогда свое ружьишко, наставил на дверь, и вот ей-богу – хорошо, что вы тогда не вернулись...

А ты, Стас, парень хороший оказался. Я ведь людей-то за версту чую. Не злой ты. Хотя Помаево-то тебя смотри как – удружило-то... – Федорыч гоготнул, указывая на левую ногу собеседника. Но затем старик погрустнел.

– Вот, Стас, думаешь, что нельзя вернуть уж ничего? Я про село. Ведь вот всё хочу я избу свою восстановить: и крышу поправить, и колодец, может, налажу. И вот всё мечтаю: может, ненадолго это? Может, вернуться еще люди в Помаево, а я – вот, пожалуйста, здесь жду вас. Охранником, так сказать, работаю. А потом думаю... А нахера, Стас? Ну кому это надо?.. А иногда... Иногда даже страшно делается, веришь?

Николай хлопнул еще четверть кружки – уже в одиночку. Становилось холоднее. Юному нумизмату захотелось в избу, веки его слипались сами собой. Змеиный яд, видно, еще бегал по крови, норвил всё куда-то утащить – на ту, свою, змеиную сторону реальности.

– Почему страшно, спрашиваешь? Да потому, Стас, что не отпускает меня это место. Ведь я всё понимаю, анализирую, я ведь технарь – мне до сути добраться хочется, до того места, откуда начинается и крутится, до причины то есть. Вот ведь не только я тут родился и вырос. Куча народу. Да, конечно, приезжают сюда, на кладбище ходят – на праздники там, летом особенно, потому что добираться посуху удобнее. Но ведь избы-то своей здесь никто не сохранил, жить-то здесь никто не желает. А я не могу, Стас, меня вот ровно кто сюда приковал и отпускать не хочет. Люблю я эти места, люблю. Согласен. Но и боюсь. Помаева самого боюсь... Знаешь, как я здесь охочусь? О-о-о!.. Ведь я сто раз позволения спрошу, прежде чем... Э-э, я гляжу, Стасик, ты носом клюешь. Спать пора, спать пора. Завтра договорим, если что. Угу?

Но утро получилось суетливым: не до бесед. Они как-то второпях попили чаю, Федорыч помог пострадавшему от помаевских змей упаковать рюкзак и металлоискатель. Затем пошли в сторону церкви и выезда из бывшего села.

Прошлогодние колючки цеплялись за рюкзак, царапали джинсы, пытаясь задержать идущих. Стас старался идти след в след за широкой спиной старого машиниста, который уверенно прокладывал путь, будто локомотив. В основном, они молчали. Лишь иногда проводник останавливался, кивал на какие-нибудь ничем не примечательные заросли и говорил: «Вот тут Покшаевы жили, а там – магазин стоял».

В одном только месте они задержались надолго – там, где бил Комариный родник. Федорыч снял с себя камуфляжную фуражку, наполнил ее ледяной водой и сделал несколько глотков.

– Попробуй. Такой воды нигде больше нет. Ты верь мне, я много родников за свою жизнь повидал-попробовал.

А потом – светло-зеленые бока старой девятки, на которых остались следы рук Стаса: машину они вызволили из колеи быстро, за десять минут. Дальше – грунтовка, асфальт, Никитино, Усть-Урень и – город.

– Телефон мой знаешь. Звони, если что, – Федорыч пожал студенту руку; расстались они недалеко от железнодорожного вокзала, так как машинист торопился: ему скоро на смену. – Я в Помаево в этом году, наверное, еще разок смотаюсь. А дальше уж осень-зима, туда не доберешься. Если захочешь со мной – дай только сигнал. Угу?

До дома Стас трясся на трамвае, потому что с гудлом в маршрутке не поместишься. За грязным трамвайным окном всё было по-прежнему: городская, дневная, муторная суета, первые признаки которой проявились еще там, в Помаево, накатила на него, ловко и четко расправилась со всеми его воспоминаниями о пережитом. Уже через час он привычно хлебал свой кофе, пялился в экран ноутбука и думал о сентябре, учебе и Толяне.

И только вечером, когда он забрался под одеяло, левая нога неожиданно заныла. Он вытянул руку и похлопал по бедру пальцами. Опухоль совсем спала; синеватый оттенок на месте укуса тоже постепенно проходил.

А ночью, когда он вроде бы заснул, его руки кто-то коснулись. Стас открыл глаза и увидел сидящего на краю кровати смуглого Сеньку.

– Ну, я тебе говорил, что всё с тобой нормуль будет? А ты нюни распускал!

Студент слабо улыбнулся и решил было присесть.

– Не-не, лежи, отдыхай, – смуглый зевнул и подпер кулаком свой подбородок. – У нас тут с Борькаем опять спор вышел. Он говорит, что ты вернешься, а я – что струсил. В прошлый раз помнишь, кто победил?

Стас прикрыл глаза; смуглый его, конечно, раздражал, но нужных слов, чтобы правильно послать его, опять не нашлось.

Утром он про визит Сеньки забыл. На третий день они наконец встретились с Толяном, и юный нумизмат передал ему гудло. С тех пор, встречаясь в университете, они даже не здоровались.

Через две с половиной недели, в пятницу вечером, сотовый Стаса завибрировал, высветив номер старого машиниста. Студент смотрел на экран и не брал трубку. Потом почти час ходил из стороны в сторону, из зала на кухню. Разболелась левая нога, пульсация от нее начала отдавать в шею, и он прилег на диван.

– Мне там нечего делать, – говорил нумизмат вполголоса, не в силах думать про себя, – пусть он сам со своими гадюками якшается. Пошло всё нахер! Я не обязан, я не хочу! И не поеду...

Однако утром в субботу они с Николаем встретились возле железнодорожного вокзала. «УАЗик» Федорыча был забит под завязку стройматериалами.

– Крышу подправлю, – объяснял старый машинист, выруливая на главную дорогу. – Дело к осени, а там дыры. Зальет всё к чертям собачьим. Пособишь?

И Стас кивал в ответ. Ему было действительно хорошо. Физически он точно оклемался, но помаевский змеиный яд, он это чувствовал, никуда не делся. Остался в его крови и бегал теперь от пятки до темечка по бесконечному кругу.

До заброшенного села они добрались после полудня. Стас вылез из «УАЗика», который Федорыч лихо припарковал возле остатков забора родной избы.

– Я шас, мигом, мне тут дело одно сделать надо! – сказал студент и почти бегом побежал в сторону скопления берез.

– Под ноги смотри, нумизмат хренов! – кричал ему вдогонку машинист. – Я тебя назад на себе тащить не собираюсь...

На кладбище Стас вынул из кармана пару припасенных заранее конфет и положил их у основания креста. Затем посидел пару минут на скамейке с металлической спинкой.

– Только не думайте, – сказал он наконец, – что я вам тут скаковая лошадь: ишь ты, спорят они тут на меня, ставки делают. Как захочу, так и будет, понятно?! Я вам не охранник, пусть вон Федорыч вас охраняет!

На следующий год весной, как подсохло, Стас приехал в Помаево уже один. Добирался до Паркино на попутке, потом шел полями пешком. Федорыч умер в январе – от инсульта. Стас об этом узнал лишь через месяц от его сына.

Гость обошел все прежние места – и Белое озеро, и бывшую церковь (она еще стояла, но второй этаж совсем обвалился), и Николаевскую избу, и даже побывал на берегу реки – в том самом месте, где его укусила гадюка. Переночевал он в доме, в котором теперь было намного уютнее: крышу они тогда с Федорычем основательно залатали.

– И не думайте, – в очередной раз повторял Стас окружающим стенам, шумящим без ветра деревьям, сверчкам и пульсирующим звездам, – что я тут охранником заделаюсь. Я Федорыча помянуть приехал. Только и всего.

И Помаево не возражало. Тут даже и спорить-то нечего. Никто никого не принуждает: приехал – и хорошо. Не забыл про нас – и то ладно.

Стас устроился поудобнее на покосившейся кровати, натянул до самого подбородка теплую куртку и, сложив ладони лодочкой, закрыл глаза. Всё-таки хорошо, когда левая нога не ноет и не болит. Нигде ему не спалось лучше, чем здесь – в родном Помаево...

Аудиоверсию повести «Помаево – село, которого нет» можно найти по адресу: <https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>.

Читает – Олег Булдаков.

Андрей Цухлов

Теремок

Ну как можно сомневаться, когда тебе ласковым, преисполненным доверия женским голосом говорят с экрана, что растворимая химическая лапша – это вкусно и полезно. Хочется знать, что цена соответствует качеству, слова – их смыслу. Что если ты что-то съел или выпил, то не отравишься. Потом разочаровываешься, обманываешься, становишься циником, черствеешь. Честность, доверие – теперь это или признак странности, ненормальности или – такой пиар-ход, быть честным, дескать, выгодно, это репутация нашей компании, и от этого зависят наши доходы. «Честно – дешевле». А кабы не доходы, нахрен вы нам нужны и тем более вся эта «честность»... Что там Остап Бендер со своими четырьмястами способами относительно честного отъема денег у граждан? Мелкий шалун. Сейчас почти все воробыи стреляные – обманывать всё сложнее. Вот и мчится «гонка вооружений»: мошенник – хитрее, жертва его – всё осторожнее. Заборы, сигнализации, видеокамеры, подтверждения, поручительства, удостоверения, подписи... Где эти русские сказки – «Пустите переночевать!» – «Да заходи, вот угощенья, вот баня, вот постель» – «А сам кто таков будешь?» – «Да такой-сякой разэтакий, допустим, Иван-Дурак или Иван-Царевич». И никто паспорт не спрашивал, предварительного звонка по телефону не требовал, замки на дверь не вешал. «Я – лагушка-квакушка! Я – мышка-норушка! Я – заяц-побегаец!». Всё, этого достаточно. Скрепили купцы сделку рукопожатием, перекрестились – всё, гарантия сто процентов.

Мы научены безжалостно удалять смски «Мама, я попал в аварию, срочно нужны деньги» и пролистывать объявления в Интернете «Помогите спасти больного ребенка». Американцы были на Луне? Черта с два. Картинка для дурачков. Возьмите кредит – купите пылесос! Идите вы со своим пылесосом! Любите Родину? – Какую именно? Уж не ту ли, где, товарищи богатеи, учатся ваши дети? Или ту, где вы отдыхаете? А может быть ту, где заоффшоре-

ны ваши капиталы? Ах, как он стал большим начальником? Известно как: связи. Откуда у этой красавицы такая иномарочка? Гусары, молчать!... И далее по списку и далее по тексту. Только надпись: «Не влезай, убьет!» – вызывает уважительное доверие. И здесь, где все давно друг от друга отгородились заборами, всё равно происходят чудеса. Исключения из правил. Просто-таки феерические исключения. В общем, звали это исключение Аркадий.

Конечно, было у Аркадия пионерское детство, в котором ему рассказывали, что обманывать плохо. Что если ты нарисовал на парте что-то, то должен поднять руку, встать и перед всем классом сказать: «Это – я. Я поступил скверно. Я больше так не буду». Что если тебе родители дали денег на мороженое, то сдачу надо принести. Что, если ты увидел, что хулиганы пристают к девочкам, нужно сообщить педагогам, что хулиганы пристают к девочкам. Да хоть бы и к мальчикам. Можно, конечно, как вариант, попробовать побить

этих нехороших мальчиков, но тогда можно незаметно самому стать хулиганом. А это нехорошо. Главное – быть честным и слушаться старших, верить в добро. Впрочем, уже тогда природная доверчивость Аркаши вошла в некое противоречие с клятвой пионера:

«Пионер! Всегда будь смелым,

Не бросай на ветер слов.

И проверить слово делом

Будь готов!

– Всегда готов!»

Через три года красные галстуки стало носить стыдно. Их снимали, комкали и совали в карман.

В подростковом возрасте обмана становилось все больше. Однажды он попросил полужнакомого мальчишку подвезти его на мопеде. Тот согласился, но сказал, что у него не хватает на бензин. Аркадий дал ему денег, тот заправил бак и попросил его пока слезть, после чего газанул и был таков. До обидного просто.

Чтобы прогулять уроки, многие одноклассники изображали плохое самочувствие. Аркадий так не мог.

Надвигалась юность девяностых с бандитами, уличными группировками, спиртом «Рояль», потерей сбережений и лохотронами государственного масштаба. Ваучеры родителей Аркадия благополучно сгорели в каком-то «Хопер-инвесте». Богател тот, кто был наглее, лживее, беспардоннее. Отец Аркадия потерял работу на оборонном заводе, который развалили дотла, устроился за копейки электриком в магазин. Мать тоже получала немного, будучи вахтером в драмтеатре. Аркадий, тогда уже студент политеха, попытался было торговать на рынке джинсами, кассетами, книгами. Но торговля не шла, потому что товар надо было разрекламировать, втюхать, а на это не хватало наглости. Кто был застенчив и порядочен, тот стал беден. Аркадий подался в сторожа: охранял местную школу. Охрана заключалась в том, чтобы закрыть входную дверь и, обойдя все коридоры, устроиться спать. К нему подкатили из местной шпаны и предложили: мы тебе даём денег, а ты ночью нам откроешь дверь. И мы тут маленько побухаем, может, девочек приведем. Аркадий не согласился, это же против закона. В ответ в одну из ночей злоумышленники проникли в класс, где обучали навыкам труда на станках. Подсадили мелкого в форточку, тот влез и открыл окно изнутри. Грабители вынесли точильный станок. Наутро учитель тру-

да убитым голосом сказал: «Ну а что, сторожу-то всё равно, не он эти станки покупал. Пришел да спать». Аркадию было невыносимо стыдно. В помещении, где обучали труду, на окнах не было решето, поэтому решили в милицию не заявлять, списали как изношенное оборудование. Уволился Аркадий с отвратительным чувством, будто он всех обманул.

Мишаня появился в его жизни уже в достаточно зрелом возрасте и как-то сразу, как-то помногу. Старые друзья Аркадия удивлялись: как ни зайдешь к нему – всегда он с Мишаней, толкуют, пиво пьют. Надо сказать, что Мишаня – именно так называл его Аркадий – на вид был располагающим к себе человеком: круглое веснучатое русское лицо, розовощекий, с брюшком, с широкой, нет, с широчайшей улыбкой. Чем он занимался и как зарабатывал, – об этом все имели смутное представление. А денежки у него, как видно, водились и переводиться не собирались – ездил он на серьезной импортной машине, о которой Аркадий, к тому времени инженер автоагрегатного завода, мог только мечтать. Нередко Мишаня угощал Аркадия в местном кафе «Теремок», где подавали вполне приличный шашлык. Попытки воспротивиться таким угощениям встретило искренне Мишанино удивление: мы же друзья, ладно тебе, забей.

– Да ты не дрейфь, всё будет чики-пуки! – приговаривал с улыбкой Мишаня, приобнимая друга за плечо. Ну как не поверить такому рубаха-парню?! А вы говорите, все люди стали злыми, так и норвят...

То, что произошло через два месяца тесного общения с Мишаней, можно было действительно назвать «чики-пуки». Для начала Мишаня закатил пару «пробных шаров» и спросил у Аркадия в долг. «Конечно, конечно, он столько раз меня угощал», – с этой мыслью очередные деньги исчезали в Мишаниных карманах. Попросить вернуть долг было неудобно. Во-первых, смотрите пункт про угощения, во-вторых, как только у Мишани появятся средства, он тут же вернет, он же сам это сказал, почему же ему не верить?

...Однажды они сидели на кухне у Аркадия и пили водку – обмывали полученные сегодня водительские права. Инженер наконец-то скопил некую достойную сумму для покупки своей первой машины. А кто как не Мишаня был, как выяснилось, ценным кон-

сультантом и помощником в этом вопросе. Да что там – ценным! Незаменимым.

– Я как раз могу договориться с ребятами, они пригонят из Владивостока «Тойоту». Да за такие бабки, что просто кайф. Ты же не хочешь отечественное барахло? – монотонно убеждал Мишаня.

С каждой рюмкой эта идея казалась Аркадию все более привлекательной. «А что? Будет у меня настоящая «япошка»....

Долго ли, коротко ли, Аркадий достал заначенные, трудно копимые 320 тысяч рубликов – немалые деньги для провинциальной России 2010 года. Конечно, деньги были переданы стопкой разномастных купюр, конечно, наличкой, конечно, без всяких расписок и свидетелей (как можно, Мишаня бы обиделся, нельзя его оскорблять недоверием). Когда деньги исчезли в кармане у Мишани, тот как будто протрезвел, но голос его стал еще слаще, интонации убедительнее, улыбка необъятнее. Они обсудили объем двигателя, пробег, клиренс, доступность запчастей, цвет и многое-многое приятно-машинное.

– Через две недели тачка будет у тебя, – мурлыкал Мишаня, – будешь гонять, как туз, все девки твои. Подробности схемы доставки сообщить не могу, сам понимаешь.

– Вот спасибо, вот спасибо, что бы я без тебя делал... – заплетаящимся языком говорил Аркадий.

На радостях откупорили дорогой коньяк. В ту ночь Аркадию снилась белая «Тойота», он с приятным звуком открыл дверь, сел за руль, ощутил приятное соприкосновение с рычагом автоматической коробки передач. Повернул ключ, загорелась панель приборов, двигатель заурчал. Хорошо... Только в машине почему-то не оказалось педали газа. Педаль тормоза была, а педали газа не было! Машина, естественно, не двигалась. Аркадий растерянно в зеркале заднего вида увидел довольное, круглое лицо Мишани. Потом в этом зеркале Аркадий увидел себя – в колпаке, какие надевают члены счастливой семьи в рекламах, когда у них случается праздник и они задувают свечи на торте или радостно едят какую-нибудь дрянь, которая по замыслу властителей зомбоящика, является средоточием вселенского блага.

Наутро голова Аркадия раскалывалась, его подташнивало. Как ушел Мишаня, он не помнил. Подспудная тревога за отданные деньги сменялась радостью: через две недели у меня будет крутая тачка-

ка! Впрочем, насладиться этой мыслью как следует мешала жуткая головная боль. На работу Аркадий не пошел, позвонил, сказал, что плохо себя чувствует. Хорошо, что начальник понимающий.

В 11 утра Мишаня пришел с пивом. Как добрый Доктор Айболит, как очередная доза обезболивающего.

– Ну всё, вариант найден, ребята работают. В конце следующей недели, сказали, пригонят. Зарегистрируешь, и гоняй. Все девки... Не дрейфь, Аркаша, всё будет чики-пуки!

Уныние сменилось радостью. Они снова пили пиво, рассматривали в Интернете фото выбранной модели. Мишаня – настоящий друг!

Следующие полторы недели Мишаня «работал» по заказу. Он с Аркадием почти каждый день созванивался, друг заходил, говорил, что тачка уже – смотрим карту – в Хабаровске, Новосибирске, Екатеринбурге, а сегодня «приближается» к Челябинску.

После «Челябинска» Мишаня пропал на три дня. Аркадий хотел, чтобы неделя до приезда машины промчалась быстро, но решил не форсировать события, потерпеть, не тревожить своего благодетеля. Наконец-то Мишаня объявился, и снова с пивом.

– Ну чего там с машиной? – спросил с порога Аркадий. Он явно ожидал добрых вестей.

– Да всё нормально, Аркаша, – Мишанина улыбка вновь излучала спокойствие и уверенность. – Просто под Уфой там небольшие проблемы возникли, гаишники тормознули, поставили на стоянку. Короче, надо эту проблемку решить, а то и машинка задержится, и ребят подставим.

– И что делать?

– Ну что, нужна еще десятка, чтоб все уладить.

– Но у меня денег почти не осталось...

– Ну займи у кого-нибудь, в чем проблема, – Мишаня похлопал друга по плечу. – Да ты не дрейфь, всё на мази. Будет твоя тачанка через неделю у подъезда стоять. Только баблишко желательно срочно забашлять, сам понимаешь, а то чем дольше она на стоянке стоит, тем дороже это будет.

И конечно, снова пили пиво, а потом еще водочки. Смотрели фильм, где супергерой раскидывал злодеев, валил их в рукопашной, простреливал им бошки, – а всё потому, что эта бандитская группировка взяла в заложники девушку супергероя. Не было сомнений

в том, что в конце он их всех победит, потому что в сказках всегда добро побеждает зло, возлюбленную освободит, они поцелуются, измазюканные в грязи и крови, самый упоротый главарь сдохнет последним. Хэппи энд обязательно настанет. Всё наладится, всё обрзается, справедливость восторжествует. Счастливая семья будет прыгать по стриженной лужайке, играть в какой-нибудь бейсбол. Смышленные детки будут заниматься авиамоделированием, прыгать со скакалкой. Блондинистая белозубая никогда не толстеющая и не стареющая жена будет улыбаться и кричать: «К столу, любимые!». И все наденут колпачки, потому что праздник, бесконечный праздник. Они не болеют никогда, у папы всегда полно денег, во дворе стоит дорогущая машина – машина, Аркадий! – и солнышко освещает всю эту идиллию.

Теперь Мишаня исчез на неделю и его телефон объяснял женским английским голосом, что абонент находится все зоны действия сети. А появившись, Мишаня сказал, что надо было срочно уехать по делам в Ростов, не уточнив, в какой: Великий или просто. Не одной же только машиной Аркадия заниматься, есть и другие дела, в конце концов! Но ребята сказали, что проблема решена и машина скоро прибудет. Через дня два-три. Ну максимум – пять. Ну совсем крайняк – неделя.

– Да ты чё, не веришь? – искренне обиделся Мишаня, наливая пиво.

– Да верю, только скорей бы уж...

– Да ты не дрейфь, все будет чики-пуки! Только ты это, не одолжишь, мне тут за Интернет надо заплатить?

Аркадий молча достал занятые у знакомых деньги. Отказать означало обидеть Мишаню, так много для Аркадия делающего, а это могло притормозить прибытие машины. Прекрасной белой «Тойоты». С объемом двигателя 2.4, коробка автомат...

Теперь Мишаня пропал на целый месяц. Надо сказать, что и у Аркадия появились дела, отвлекшие от машины. От завода его послали в командировку в Крым на три недели, надо было отладить производство одного изделия. Мишаня то не брал трубку, то телефон его был отключен. «Неужели он так мог поступить со мной? Не может этого быть! А может, с Мишаней что-то случилось, а я про него так думаю?».

Звонок от Мишани раздался неожиданно.

– Здравова, товарищ пролетарий! Как жизнь молодая?
– Привет, Миша! Ты куда пропал?
– Да никуда я не пропал. Надо было тут просто кое-какие проблемы порешать. Это у тебя всё понятно: пришел на завод, отрубил и домой, в командировку съездил и – домой, всё ясно, всё просто. А мне, Аркаша, крутиться надо, сам понимаешь, как у нас бизнес вести, с теми договорись, тому лаве сунь, там подьедь разрули. Думаешь, что легко так? Мне никто зарплату не принесёт, аванс не перечислит, премию не выпишет. Ну ничего, я же не мякну, не ною. Я туда-сюда...

– Мишань, а что с машиной?

– Как что с машиной? Все нормально с машиной. Завтра прибывает к нам в город. Ты чего, волнуешься, что ли? Ну ты даёшь! Машина да машина! Завтра я тебе с утра позвоню, и заберешь свою машину.

– Seriously?

– Ты чё, мне не веришь?

– Верю, конечно, но просто... Как-то это все долго получается...

– Быстро только кошки рожают. Всё, завтра тачка будет у тебя. Точка. Готовь коньяк попонтowej. Или лучше текилу. Всё, давай.

Аркадий посмотрел на телефон, и былая радостная уверенность снова вернулась к нему. Непонятно, что её вернуло: то ли бархатистый Мишанин голос, то ли его выражение про быстроту кошек (и правда, серьезные дела не делаются бегом), то ли некая игра звуков в словах «тачка-точка».

До обеда Мишаня не позвонил. А когда Аркадий набрал его сам, Мишаня оказался недоступен. Вечером Аркадий пошёл к Мишане домой. Дверной звонок протрезвонил раз десять. Казалось, за дверью слышались шаги, кто-то смотрел в дверной глазок, но никто не открыл. Аркадий вернулся домой и рухнул на диван.

Он начинал что-то подзревать.

Тяжелые мысли прервал голос Мишани из телефонной трубки:

– Здравова, Аркаша, тут, короче, такое дело, мне на неделю надо свалить из города по делам, приеду – вопрос с тачилой закроем твоей. Всё, давай, мне некогда.

– Мишань, через неделю не получится, я опять в командировку, на десять дней.

– А ты когда в свою командировку?

– Вот как раз через неделю.

– Слушай, Аркаш, будь другом, дай пока у тебя на это время в твоей хате пожить? Ну как пожить, чтобы там иногда зависать?

Через неделю Аркадий был в командировке, а Мишаня устраивал в его однокомнатной квартире пьянки и приводил туда жриц любви. Они творили там бардак, бордель, курили, сломали кран в ванной, разбили три рюмки и две тарелки, облили чем-то обои. Из вещей пропала бронзовая статуэтка, подаренная Аркадию на 30-летие завода, старинная, доставшаяся от бабушки икона и энциклопедический словарь. К приезду Аркадия Мишаня немного прибрался, но следы разгула всё равно остались видны. Мишаня сделал себе копию ключа от квартиры Аркадия, и они договорились, что когда тот в командировках – а они случались часто – «хата» будет в Мишанином распоряжении.

Тем временем, вопрос с машиной тянулся уже четвертый месяц. Мишаня то не брал трубку, то говорил, что заболел, то Аркадий сам уезжал в командировку. Всё это не мешало Мишане приходить в гости к Аркадию, пить пиво и на вопрос: «Что с машиной?» – отвечать, что с машиной всё нормально, она на стоянке, ты меня уже достал, завтра заберешь, не веришь, что ли? Да не дрейфь, всё будет чики-пуки, вот и старайся для тебя, на вот ключи от машины, на! И действительно: Мишаня отдал ключи, очень похожие на ключи от той самой «Тойоты», объем двигателя 2.4, коробка автомат... Ну вот, осталось мелочь – открыть заветную белую дверь, как в песне Пугачёвой, сесть за руль, завести двигатель. Только утром всё предсказуемо повторилось – Мишаня исчез из зоны досягаемости.

Бывает, расстраиваешься из-за какой-нибудь неприятности, нервы тратишь, переживаешь, и тут – опа! Приходит хреновина такая, что обо всём предыдущем забываешь. Так что всё познаётся в сравнении. Снявши голову, по волосам не плачут.

В общем, не Мишаней единым стал с некоторых пор существовать Аркадий. Нет, ну Мишаней, конечно, тоже, но история с машиной приобрела привычный, вялотекущий характер. Решил Аркадий – а твёрдо решал он что-либо не часто – приударить за бухгалтершей Машей, тоже с завода. Миловидная, большеглазая, остроносенькая,

всё при ней, причёсочка такая каре, только вот молчит и молчит. Царевна Несмеяна. Аркадий слабо рассчитывал на взаимность, но чём черт не шутит. Оказалось, что шутит, и ещё как.

Три раза он сводил её в кафе, два – в кино, один – в театр. Неоднократно провожал её до подъезда, и поцелуи становились всё менее дружескими. Прошел месяц. Наконец, Аркадий пригласил её к себе домой (пришлось хорошенько прибраться после Мишаниных оргий), купить дорогого шампанского, зажечь свечи. В общем, всё произошло как положено. И началась другая жизнь: на работу Аркадий шёл окрылённый, там по несколько раз виделся с Машей, ища повод заглянуть в бухгалтерию, а после работы – романтический вечер, перерастающий в романтическую ночь. Он был счастлив, и по сравнению с этим счастьем вечно ускользающий с обещанной машиной Мишаня был неприятной мелочью, словно муха, упавшая в суп. И если эту муху вовремя выудить, то можно сделать вид, что муха и не падала туда вовсе.

А что же Маша? А вот что. Чувств особых к Аркадию она не питала. Хорошенько всё обдумав, она решила брать быка за рога, хотя бык из Аркадия был неважнецкий, а скорее телок. Проведя с ним пару «романтических ночей», она поставила вопрос ребром: поматросил – женись. «Так быстро?!» – обескуражено думал взятый за рога, которые, кстати, Маша уже успела ему наставить. «А ведь и правда, я с ней... Ведь после этого не жениться было бы нечестно». Впрочем, колебания Аркадия были недолгими. Вскоре Машин брат, бандит местного пошиба, недвусмысленно предъявил ему ультиматум: или женишься, или мы тебя покалечим. Вот такая романтика и любовь с первого взгляда. А вы говорите: машина-машина.

И началось. Родители Аркадия дали последние деньги на свадебный банкет. Невесте купили дорогущее платье, в котором она смотрелась, как в белом мешке. Старые друзья Аркадия, с которыми он почти перестал общаться (Мишаня потеснил), неожиданно получили приглашения на торжество – открыточки с розочками и двумя колечками – одно побольше, другое поменьше. Бывший десантник Вован заметил, что они напоминают две чеки от гранат. Дескать, вот они соединились, и сейчас рванёт. Последовали заявление в ЗАГС, заказы банкетного зала, машин, тамады. А еще – постоянные посиделки у новых будущих родственников, родителей невесты, брата-бандита.

На мальчишник друзья собрались, как в старые добрые времена. Квартирка Аркадия казалась такой уютной. Будущие гости со стороны жениха травили анекдоты, выпивали коньячок, провожали свободу и Аркашино холостячество. Самым громким и говорливым гостем, конечно, был Мишаня.

– Не дрейфь, Аркаша, всё будет чики-пуки! Вот машину твою заберём со стоянки, будет тебе как раз к свадьбе!

– За будущую семью!

– За прогресс!

– А то все друзья женаты, один ты остался не отформатированный, через ЗАГС не пропущенный!

– Прощай воля-вольная, сам себе хомут организовал. Ха-ха!

– Тут как себя поставишь – расслабился и всё, тебя на поводке водят, ошейник душит, почувешь красивую сучку – а тебя сзади ка-а-ак дёрнут: «Домой!», а там – «Голос!», «Служить!», «Сидеть!», «Лезжать!», «Жрать!», «Бежать!», «А пить?», «Пить – фу!». «А погулять, а то приспичило, у-у-у!» – «Терпи, ты же меня любишь? Сейчас накрашусь, прическу сделаю – и пойдём. И вообще, почему ошейник нечищенный, как на нас люди посмотрят?», «Люди, гав-гав, тьяв-тьяв, у-у-у!».

– Ну что вы меня страшаете? Всё будет нормально, – слабо улыбался Аркадий, живо представив себя домашней собакой. То болонкой, то спаниелем, то гончей. И тут он так захотел быть дворнягой, пусть бездомной, голодной, с колтунами в грязной черной шерсти. Но свободным существом, без ошейника, без команд, куда захотел, туда побежал, где вздумал, там и заночевал... Только зимой можно окоченеть, от голода сдохнуть, под машину попасть. Под машину. Под белую «Тойоту», объем двигателя 2.4, автоматическая коробка передач...

– А жить где будете? – прозвучал среди веселья вопрос.

– Пока не знаю, – ответил Аркадий, – скорее всего, в этой квартире.

На этих словах привычная Мишанина улыбка исчезла. «Хата» для развлечений уплывала.

Потом компания переместилась в баню. В пару и похлестывании венчиков будущее Аркадия было смутным. Дело дошло и до вызова представительниц древнейшей профессии.

– Давай, Аркаша, оторвись напоследок! – призывал округлый и красный Мишаня.

– Да чё-то неохота, – отнекивался Аркадий, а сам думал: «Ну нельзя так. Это же нечестно. Там Маша к свадьбе готовится, а я – тут». Он сидел, обернутый в полотенце, словно какой-нибудь древний грек или египтянин, прихлебывал пиво среди звучных выкриков, девичьего визга. Он хотел, чтобы этот мальчишник побыстрее закончился.

– В субботу все подходим ко мне домой к 10 утра. От меня поедем выкупать невесту! – объявил он.

Троекратное «Ура!» сотрясло баню.

На свадьбе Аркадий выглядел с иголки, в сером, с отливом, костюме, в дорогом галстуке. Он был напряжён и желал, чтобы всё прошло «без косяков». А если ещё откровеннее, он хотел, чтобы Маша этим днем осталась довольна. А если совсем-совсем быть перед собой честным, то главным чувством к невесте и будущей жене был страх. Он боялся, что она станет раздражительной, надует губки, пожалуется брату, маме-папе. Они и так неоднократно прессовали его на тему «каким должен быть муж у нашей Машеньки». Собирали по этой проблематике «круглые столы», проводили лекции, конференции и брифинги. Если подытожить эти информационно-пропагандистские мероприятия, то лейтмотив был таким: надо отдавать ей всего себя без остатка. Это Аркадия томило, но он предпочитал просто не думать и верил, что всё будет хорошо. Он же работяга, не алкаш, если что – всё в дом, всё в семью.

Свадьба получилась весёлой для всех, кроме жениха и невесты. Маша была тоже напряжена и до самой росписи боялась, что рыбка сорвется с крючка. Но рыбка заглывала наживку все глубже, и освободиться стоило бы вырванных кишок и большой крови. Разумеется, свидетелем со стороны жениха был Мишаня, он непрестанно шутил, хохмил, ухлестывал за подружками невесты, за что чуть не получил в глаз. Друзья Аркадия видели невесту впервые. За всю свадьбу она сказала гостям только фразу: «Спасибо родителям, гостям и родственникам, что пришли поздравить нас!». По регламенту, сначала говорили родители, потом другая родня, потом – друзья-подруги. Машина подруга прочитала в адрес молодых

отвратительные стихи собственного сочинения: любовь-будет-вести-вас-сквозь-звезды-рука-об-руку-пока-смерть-не-разлучит-вас-но-прекрасная-любовь-вечна-ты-будешь-ему-готовить-он-будет-тебя-защищать-от-невзгод-смотрите-друг-другу-в-бездонные-глаза-вы-пронесете-пламя-свечи-сквозь-года-и-ваши-сердца-в-дыханье-ветра-будут-биться-в-такт-обручальное-кольцо-это-вам-не-просто-так-украшенье-это-символ-верности-запомните-этот-день. И вообще, муж – голова, жена – шея.

На фоне лозунга из надувных шаров «Совет да любовь» после напутствия родителей начался сбор подарков и денег под поздравительные речи.

– Аркадий и Мария, поздравляю вас с законным браком, вот если он был бы незаконный, я бы вас не поздравлял, – тостировал Мишаня. – Говорят, что хорошее дело браком не назовут, ну и пусть говорят. Не забывайте друзей, если придем в гости, – угощайте, а то надоедите друг другу. Живите, размножайтесь, и всё будет у вас чики-пуки!

На лице невесты появилась гримаса недовольства, и долго не исчезала. Слово взял её брат:

– Ну вы это... Типа седня главный день в вашей жизни. Кароче, поздравляем... Если чё не так, я всё порешаю. Ну мы это – дарим телевизор. И это, как его... Горь-ка!

Сторона невесты очень беспокоилась, что свадьба не принесет дохода. Поэтому, когда мальчик озвучил сумму вырученных средств, аплодисменты прозвучали вполне искренне.

Всё разнузданнее были танцы, все пошлее конкурсы, всё пьянее, озверённее вздымался крик: «Горько!». Машин брат спьяну «наехал» на тамаду, молодого парня, и сказал, что за такую работу «ты хрен чего получишь». Невеста пару раз пропадала, на что-то обидевшись. Потом она устроила скандал Аркадию: «Почему твои друзья себя так плохо ведут и почему не все они с жёнами?» и «Почему такие неинтересные конкурсы?». А конкурсы для пьяной невзыскательной компании были самое оно: парни наряжались в ползунки и чепчики, пары танцевали, зажав между собой надувные шары, и даже была разыграна сказка «Теремок», и собственно Михаилом Потапычем был Мишаня. В конце истории жители теремка доверились ему, пустили внутрь, Мишаня навалился на обитателей жилища. Давка, куча мала! Смешно.

Закончилось всё традиционным тортом, кусок которого продали на «аукционе», броском букета невесты через голову (никто не поймал) и прощальным танцем молодых. Увенчал вечер Мишаня, который обходил столы и, пошатываясь, собирал алкоголь к себе в пакет.

Первая брачная ночь не получилась радостной. Маленькие амурчики с луками и стрелами валялись вокруг брачного ложа, как дохлые голуби. Маша устроила Аркадию «разбор полётов»: то ей его друзья были неправильными, то ей машины приехали не вовремя, то ей платье не понравилось, то некоторые родственники были слишком пьяными и неуправляемыми, то горячее подали слишком рано. А еще его мама на Машу нехорошо смотрела, музыка была несовременная, а Мишаня вообще кошмарный тост про брак сказал. Аркадий все приговаривал: «Машань, Машань, ну всё нормально, ну хватит, всё нормально...». Была ли у них первая брачная любовь – до сих пор неизвестно.

Так Машаня выдавила Мишаню из пространства Аркадия.

На второй день молодые пригласили гостей в придорожное кафе, которое «крышевал» брат Маши. Сама молодая была куда разговорчивей, нежели на свадьбе, и всё спрашивала у Аркашиных друзей, почему они пришли без жён. Её родственники норовили налить им побольше водки и предъявляли претензии, довольно агрессивно, когда встречали отказ или просьбу не «борщить». Её родня во главе с братом-бандитом была очень шумная, ор стоял несусветный, и сторона вчерашнего жениха, даже круглый розовощекий Мишаня, поспешила вежливо ретироваться, оставив Аркадия на растерзание.

В общем, стали Аркадий и Машаня жить-поживать да добра наживать. И не было этой сказке конца. Машаня завладела его банковской карточкой и отбирала всю мужнину зарплату. Сколько он получает, она была осведомлена прекрасно – бухгалтер по месту работы всё-таки. А на работу они ездили вместе. Получалось, что с женошкой Аркадий проводил круглые сутки, семь дней в неделю. А по выходным они гостили у её родителей, дядь, тётъ. Пить Аркадию дозволялось только под присмотром Машани и только с её родней. Вся эта незамысловатая публика интересовалась, причем весьма досконально, всеми сторонами жизни молодой семьи, особенно тем, сколько получает Аркадий на заводе и в командировках, на что будут потрачены свадебные деньги. Аркадий снова пропал для своих друзей, и даже для Мишани.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Машанина родня, и прежде всего брат-бандит, убедили Аркадия продать свою однокомнатную квартирку, доставшуюся ему от покойной бабушки. По официальной версии – чтобы на вырученные деньги сделать евроремонт в новой двухкомнатной квартире, куда молодые заехали недавно.

Именно по этому поводу сидели в кафе Мишаня и Аркадий. Мишаня нападал, Аркадий отбивался.

– Да ты вообще с ума сошел? Это твоя собственность! – горячился Мишаня. – Люди за квартиры годами на ипотеку горбатятся, а тебе она за так досталась! Да это единственное, что у тебя есть ценного, и то хочешь отдать мошенникам. Это такая семейка! Если что не так – они тебя вообще выгонят, и куда ты пойдешь? В дом к родителям?

– Зато я поступлю благородно и докажу им, что я делаю всё, чтобы укрепить доверие в семье...

– Какой семье? Это твоя стервозина – семья?! А может, братья-сестры? Или теща с тестем?

– Ну я уж решил, – продам...

– Он решил! Решала какой! Рассуют твои деньги по карманам! Слушай! – у Мишани аж вспотели пухлые ладони. – Твою квартиру надо спасать! Давай ты на меня дарственную оформишь? И так она у тебя останется. Ты будешь её сдавать, мы будем там собираться, зависать, как раньше, все дела...А?

– Миш, а что там насчёт машины? – неожиданно парировал Аркадий.

– Какой машины? Да с машиной всё в порядке, стоит твоя машина на стоянке. Тебе не о машине сейчас надо думать, у тебя квартиру отбирают! А ты, как последний лошара, её сам – сам! – отдаёшь...

Но Аркадий только мотал головой, говорил, что «всё решил» и обезболивал себя водкой. Машаня звонила через каждые 15 минут и спрашивала: «Ты где?» и «Когда домой?»

Через месяц квартира была продана, и Аркадию от этого не досталось ни копейки.

Как-то он проболтался жене (у супругов не может быть секретов, так ведь?), что Мишаня должен был ему пригнать машину, но так и не пригнал. И Машаня стала грызть его с новой силой – ду-

рачина ты, простофиля, ступай к своему Мишане и добейся у него машины, а то ездим с тобой на завод, как быдло, на общественном транспорте. Не хочу быть пассажиркой автобусной, хочу кататься в «Тойоте» белоснежной и чтобы ты был у меня водителем! Закручился Аркадий, да делать нечего, стал опять звонить Мишане, а у того телефон снова вне доступа.

Прошло несколько лет. Говорят, нередко сидят Аркадий с Мишаней в «Теремке». Мишаня всё обещает пригнать машину. И давно бы Аркадий купил бы себе какую-никакую машинёшку, – да всё что-то надеется. Да и Машаня пошла на принцип – с Мишани надо страсти именно эту тачку. А деньги Аркадия – это её деньги, потому что они – семья. Хотела Машаня как-то на Мишаню брата-бандита натравить, но у того оказалась своя «крыша», и до серьезных разборок доводить этот вопрос не стали.

Годы уходят в песок, седина поселилась в когда-то черных, когда-то непослушных и непричесанных, волосах, дни растрачиваются на пустяки, нервы, переживания, на обретение этих дензнаков, на то, чтобы их сохранить, приумножить, облапошить ближнего, вложить заработанное в кухонный гарнитур и мягкие кресла, в ремонт ванной с перламутровой плиткой, в отделку балкона...

Аркадий, словно большой и потрепанный, загнанный в угол, заяц, пьет свое горькое пиво, спрашивает Мишаню о машине, боится Машаню, и верит, что всё ещё будет чики-пуки.

Андрей Цухлов

ДАЧНОЕ

В яблоках сок закатов,
в яблоках сок восходов.
Трели и свист пернатых,
летних дождей немного.

Люди плоды вкушают
просто или в шарлотке.
Ветер не дуть решает,
ветер уснул на сотках.

Августовская зрелость.
Яблоковая прелесть.
Грузно ворона уселась,
держится еле-еле.

Вкусно лимонно-мятный
чай ароматит воздух.
Буду такой занятный,
лягу сегодня поздно.

Каждой звезде припилю
свой инвентарный номер.
Пугало будет стильным,
если надеть пуловер.

А на дровах вишнёвых
будет шашлык в три шпажки.
Птицы, скажите, клёво
здесь или нет (мне важно)?

Лучше дышать свободно,
а суета – заразна.
Буду енотоподобным,
буду ежеобразным.

Буду грушелюбивым
и сливославным буду.
Лейся, песня и пиво!
И – осушись, посуда.

Много ли надо для счастья?
Лето не канет в Лету.
Нету на свете начальства.
И телевизора нету.

Отпечатки снов покрыли крыши,
чуть побудут, а потом сотрутсЯ.
Из депо трамвай на воздух вышел,
рельсами затренькал: ун-ца, ун-ца.

Ветер камни вылизет до блеска.
Впечатленья высохнут на солнце.
Ну давай – впрысядку иль в отместку,
подорви боезапас эмоций.

Так посмотришь – вроде всё нормально,
и как будто даже и неплохо.
Псы желают заслужить медальки.
Стены – в ожидании гороха.

То-то б на душе повеселело,
если б осы слов убрали жала,
если бы в карманах зазвенело,
если в кошельке бы зашуршало.

Только вот не слеplено, не сшито,
ничего такого, чтобы в радость.
К празднику – хоть новое корыто.
Рыбка-рыбка, ты не задолбалась?

Снег летит и тает втихомолку.
Дело-дело, и куда ж ты делось?
Вот уже в фойе воздвигли елку,
это значит, мало что успелось...

СНЕЖНАЯ ЗАРИСОВКА

Казалось бы, вулканов нет вокруг. Но налетело:
какой-то пепельный сюжет, заснеженный и белый.
Ворона – проследи за ней, – нелепая, смешная.
И машут ветви тополей, они припоминают,
слова, что были на листьях, которые опали,
слова, пропавшие в слезах – дождем карнавале.
Пустует парк, в нём тишина, а люди все в запарке.
И едут, едут кто куда горазды – иномарки.
И трактор, словно бегемот. Дорогу чистит щеткой,
она вращается, живот земли всю щекочет!
Ты на пути его не стой! Он сгрёб сугроб в охапку.
Вон памятник – давно в пальто, но холодно без шапки.
А вирус гриппа ищет плоть, – хоть он каплюшка-точка! –
Ему б хоть чье-нибудь тепло, дыханье б чье-то, срочно.
Снег стекловатен. Недосып. И ветер гадкий, хлётский.
И эти красные носы, и огоньки, и блёстки.
И пусть мороз почти не злой и мыслей – плотный трафик.
Но просто хочется домой, и всю работу – нафиг.

КОЛОДЕЦ-ЖУРАВЕЛЬ

К тебе вела тропа средь трав и ягод.
Девчонка, глянь, босая с коромыслом.
Встречай в поклоне, журавель-трудяга,
наполни ведрышки плескучим смыслом.

Подземный мир сокрытого журчания
холодных, вкусных и глубинных вод.
Поднимется вода и станет чаем,
преобразится в квас или компот.

Склонилось небо, птицами расшитое.
Дней и ночей угрюмый хоровод...
Вода что кровь земли – не просто жидкость.
Не жидкость – жизнь, которая течёт.

Колодец-журавель, клевавший недра,
ужель сковал тебя радикулит?
Девчонка та – старуха уж, наверно.
Ты сгорбился, оплёван и забыт.

Исчерпан ты, а мы-то всё с приколами.
Дома опустошились – не беда.
Пьём псевдопиво, тоник, или колу.
Где ж чистая, исконная вода?

Со временем усохнув и увянув,
во сне я вижу, сдерживая дрожь,
как ты взлетел. И в клюве деревянном
в пугающую даль меня несёшь.

И вот болтаюсь, по-бараньи мекая.
Как много разных уголков земли!
Но опуститься, приземлиться некуда,
ведь больше нигде жажду утолить.

В РАМКАХ

Внести рациональность в мирозданье
и систематизировать мировоззренье –
задача ох нелегкая такая.
Поможет мне словес хитросплетенье.

И вот с утра терзают непонятки,
ведь в области здоровья мы уж хрупки.
Что пили мы вчера в порядке пьянки?
Чем зажирали в качестве закуски?

Весна бушует майскими жуками,
головокружит ароматом жутко.
В разрезе, в соответствии и в плане
идет девчонка, вся такая, в рамках юбки.

И в целях от трудов отдохновенья
мы – на природу. В силу непривычки
вдыхаем кислород мы в сфере пенья
и в деле костерка подносим спичку.

Что б ни случилось с нами в ходе жизни,
хоть были пешкой, шашкой или дамкой,
но по итогам мало оптимизма:
и фотки, и картинки – в рамках, в рамках.

Но в части помечтать, и в силу мысли,
а может, в целях самооправданья
не хочешь прозябать согласно списку,
проспать охота, плюнуть в расписание,

направить в адрес тех, кто неприятен
посланье на основе и в разрезе
по линии трех букв (и путь понятен),
и в части воспитанья – тех, кто бесит.

И вообще об этом нефиг спорить,
ведь будет все похабно иль хвалебно.
Так хорошо купаться в рамках моря!
Дышать легко, свободно в рамках неба!

ИЗДАЛЕКА ДОЛГО

Смотри-ка, плывет бутылка, похоже, издалека.
И, видимо, долго, как поется в известной песне.
Содержимое выпито. Где та рука,
что беспечно выбросила ее, в каком это было месте?

У Калязина, где символ потопа и горя
часовней впился в кровоточащие небеса?
У Ярославля иль Плеса, с каких территорий?
И волны, и брызги, и брызги, что божья роса.

Бутылка пуста. Нету в ней никакого посланья
от предков – к потомкам, а также с верховий – к низам.
По водохранилищам по бескрайним
цветуще-гниющее море «сосет глаза».

И как расшифровывать эту пустопорожность,
как автора этого нам сосуда теперь искать?
Их тысячи тысяч бутылок таких, быть может.
Мусор и в Африке мусор. И всем – плевать.

Плевать на кладезь-колодец по имени Волга.
Хоть рыбы глазюки навькате, воздуха нет.
Плывет, и плывет, и плывет, издалека долго
бутылка
и поглощает солнечный свет.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Он бухал и без спирта не мог ни дня,
его трясло, по башке словно молотом.
С похмелья болел, и был как свинья,
а после десятка глотков – разболтанным.

Глаза заливал, выжигал мозги
и этанол считал эталоном.
На пол плевал, не видел ни зги,
мычал и рычал, матюкаясь снова.

Рвался из дома за новым «фанфуриком»,
продал часы, со стены их содрал.
Руку и ногу сломал. После сдуру
песни ревел, заглушая ветра.

Шел он по жизни, как по пустыне,
и только жажда – на всю вселенную.
Ждал, когда сдохнет, потом остынет.
Он человек-геморрой, человек-проблема.

Взял он как-то старую удочку,
(не пропил, смотри-ка, вот, затерялась).
В один из дней надрывно-бермудных
пошел на рыбалку в джинсах дырявых.

Дрожащими пальцами червь насажен.
Как тот кривлялся и в муках корчился!
Что б ни трындели, рыбак он со стажем!
Эх, как чего-нибудь выудить хочется!

Тихо! Поклёвочка... Дергает поплавок.
Ну-ка... Подсечка! Карасик! Увесист!
И чешуя золотистая! Ок!
Он, словно сердце, в ладони – трепещет!

Волны рябят, поплавок все размытей.
Черви в клубочек сплелись обреченно.
Мало на свете достойных событий.
Карась златоспинный – радостно очень.

Как он вернулся – не помнил почти.
Кто же дороги придумал эти?!...
Выпить хочется в этой ночи.
«Надо улов хорошенько отметить».

Ну и как водится – из горла...
Глянь, а карась-то живой, паскуда.
Он шевелится, смотрит в глаза.
Рот раскрывает. Живой покуда.

В таз водички налил. Запустил золотую рыбёху.
Надо же, плавает. И подышать не хочет.

Долго смотрели они друг на друга, им было плохо.
Выпьет, закусит и дальше бубнит-лопочет.

И тогда показалось, что рыба заговорила:
«Я исполню желанья, верну всё, что ты загубил».
«Вот ни хрена себе, кроет меня нехило».
Так он у таза сидел, с карасем говорил.

«Хочешь, – шамкая жабрами, молвил карась, –
будешь здоров, неседой, и жена обаятельная,
будет достаток, дело любимое, власть.
Власть – если надо, но это необязательно.

Будешь дышать полной грудью, не так, как рыбы,
которых поймали, и они уже вне воды,
жизнь полной чашей наполнится, без обид и
тряски и злобы, похмелья, грязи, беды.

Хочешь – ты восхитишься рассветом волшебным,
страны увидишь разные, горы, моря,
вкусы, запахи, песни, друзья душевные...
Что вообще ты хочешь, живущий зря?»

«Что там про полную чашу?.. Сплавай за водкой.
Сразу давай-ка ящик. А лучше два».
В ответ промолчала рыба, вплеснула только.
Глупо попусту рыбе тратить слова.

Оба к утру уснули. Карась – навечно.
Был он беспечен, а будет теперь испечён.
Спал человек несбывшийся, просыпаться – незачем.
Сон был тяжёл. Но и сон тоже был – ни о чем.

ГИМН ПЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Раскиньтесь скатертью, поля, луга и рощи, суходолы!
Здесь наши улики стоят, а в них снуют трудяги-пчелы!

И в рамках их не удержать, летите дальше, за заборы!
Обворожительно жужжа, летите, чтобы медосборить!

Нам чужды рейтинг и процент, столбцы, отчеты и контрольки.
Цветите, донник, эспарцет, подсолнух, липа и не только!

И взятку нам – ни дать, ни взять! Ведь нас интересует взятка!
Рожденных ползать и летать немало, и среди них – порядок.

Над нами командиров нет. Никчемен пышных лестниц мрамор.
Ведь наш куратор – солнца свет. Помощники – цветы и травы.

И мы добудем мед-янтарь. Лекарство, лакомство, награду.
Сейчас воскурится дымарь и ровно закадит, как надо.

В двунитку облачись-ка, брат, пусть даже с пчелами ты дружен.
Здесь дыманись! И аромат от воска – знак начала службы.

И пусть в вонючих городах истерика с гордыней правят.
А здесь – спокойствие в умах, здесь небо, воздух, разнотравье.

Не жаль, что жалятся порой. Благословен наш труд негромкий.
Скрипит, вращаясь, шар земной, как старенькая медогонка.

Пусть жены чуточку ворчат и телек лает до икоты.
Но матки тут растят пчелят, и сладко, сладко спеют соты.

Спасется пасечник пчелой, мы не чиновники, не трутни.
Поймаем рой, бездомный рой, его посадим в улей Рута.

Порою надо отдыхать от яндексов и википедий.
И просто пасекой дышать, облизываясь, как медведи.

И если спросит кто-нибудь: «К чему возня, к чему забота?» –
Ответим, не вдаваясь в суть: «Как вам сказать... Медку охота!».

22 ДЕКАБРЯ

Ночь не была такая уж полярная.
Но вот куда ни глянь – упадок сил.
И солнце крокодил лишь укусил,
раз проглотить не вышло. И упрямое

светило, скорчившись, собрав лучи в пучок,
упало и отжалось на востоке.
И встрепенулось всё, в чём были соки,
что не застыло и живет ещё.

Рептилия – она еще не раз
придёт сюда и пасть свою раззявит.
Куда деваться? Ждать её? Ну – щас!
Скачи, пока скакалку не отняли!

Оно спаслось, космическое сердце!
И грея, возродилось... Ты ж не глуп.
Свети, свети пока твоя светлица теплится,
чтоб талисманом – крокодилий зуб!

ПРЕДПОЕЗДНОЕ

Вот поезд, как китайская стена.
Неумолимый, мощный и длиннющий.
Осада началась. Ну, старина,
не ты ли в отпуск был вчера отпущен?

Мы одолеем эту цитадель.
Пусть окна смотрят хмуру, как бойницы.
Процесс прекрасен в поезде, не цель.
Тележки, сумки, разговоры, лица.

Прощанья, слезы, суетный перрон.
С хвоста иль с головы – не в этом дело.
Еще чуть-чуть и попадём в вагон.
Ещё немного – тронемся, поедем.

Мы лечимся дорогой и дождём,
а в рюкзакишках – сало с самогоном.
Билетообладатели, идём!
Чудесны чемоданство и вагонство.

«Ваш паспорт? Предъявите. Хорошо...»
Еще б не хорошо – пути начало.
И не беда, что день почти прошёл,
мы от печалей медленно отчалим.

Эх, железнодорожные слова...
Куда ты проведешь нас, проводница?
Начнись, колесный стук, едва-едва.
Потом все громче. В дали! За границы!

Расселись пассажиры по местам,
По полкам рассовались, будто книги.
Что не версталось, надо наверстать.
Что ускользало, надо бы настигнуть.

«До отправления осталось пять минут...».
И в этой фразе значимости столько.
Пусть, как сюжет, построится маршрут.
Поехали! Чур я на верхней полке!

ЗАГРАННИК МОЙ, ВИДАВШИЙ ВИЗЫ

Уже законсервирован в себе,
закостенел, всегда одно и то же...
Вот мой удел – воз бесполезных дел.
Но в паспорте – знакомая мне рожа.

Его достать приятно из штанин
и поздним вечером, и днем, и утром ранним.
С ним мир доступен и неповторим.
Он просто называется – заграник.

Печати не люблю, но эти – да.
И визы, визы, визы, будто марки.
В нем самолеты, сумки, поезда.
Потрепанный такой, немного маркий.

На той страничке след оставил чех,
на этой вот француз, а здесь – испанец.
И скоро проштампуют всё и всех.
И здесь клейма уж негде будет ставить.

Нельзя, как птица, взять и полететь,
коль как сокол, как неучтенный ворон.
Ты в базах есть, во всех системах есть,
зарегистрирован, изучен, оцифрован.

Ступаю робко, словно есть вина.
И пограничник смотрит так пытливо.
– Какая цель приезда в наш страна?
– Гулять, глазеть, купаться, выпить пива.

Шлеп-шлеп – прекрасный штампик, добрый звук.
И вот одной границей стало меньше.
И Родиной моей повеет вдруг
с названьем странным – «Russian Federation».

Читайте, но завидовать... Друзья!
Вы знаете, как счастьем распирает,
когда летишь в далекие края?
Я вновь прошу: оформите заграник!

КАШУ МАСЛОМ ИСПОРТИТЬ

Тропический лес шуршащий, зверьём и гадьём кишаший.
А в нём чудеса, да в перьях, ленивцы, активные звери,
лягушки и сколопендры, и обезьяны, наверное.
Как было раньше насыщено, дышали тропики лиственно.
Здесь всё стрекотало, лианилось, росло, выгибалось, осанилось.
Ночами здесь выли и ухали, и полнились тропики слухами.
Так было веками, эпохами, жилось хорошо ли, плохо ли.
Жилось там долго ли коротко, жилось там сытно ли голодно.
И звери не знали – не ведали, кто стал заправлять их бедами.
Эх, бизнес-идея классная – пальмы заморской масло.
И пилы завывали, залазгали в концовке тропической сказки...
Танкер наполнен, танкер, неумолим, как танк он.
Бурая жидкость налита. Приятного аппетита!
В булке, в печенье и в торте, в сырах, в молоке и в йогурте.
Пальма в тебе и во мне, пальма внутри и вовне.
Нет в молоке больше смысла, в селах мычання не слышно.
Лес вырубают в Малайзии. А здесь тоже – безобразие.
Молочные реки иссохли. Коровы и козы сдохли.
Вредно, противно, опасно. Кушайте мерзкое масло.
Березка – не актуально, символ родины – пальма.
Плюнули в русскую кашу маслом партнеры наши.
Танкер – ножом по волнам, пальмовым маслом полон.
Маслом, словно печалью... В Новороссийске причалит.

Рedeющий лес (ибо доски нужны и дрова).
И вянущая трава, как седеющая шевелюра.
Небо поделено птицами на сектора.
Был здесь когда-то юрский период де-юре.

Где-то неподалеку скитаются кабаны,
странники леса, ждущие ночи, как одеяла.
Ваши глаза такие, страхи в них все видны,
а пяточки – монеты, которых мало.

А под ногами шуршит листва, вновь шуршит листва.
Воздух, которым нельзя надышаться впрок.
Сырость, как милость, сентябрьский мыслепад.
Царапины тропок и раны лесных дорог.

Выпутаться из глобальной сети... Паутинки блестят.
Остановиться, перекусить, оглядеться, передохнуть.
Группа древесных грибов, как тарелки инопланетян,
пришвартовалась к березе, закончив путь.

Евгений Сафронов

Догхантер. Радужный мост

повесть

*«А когда умирает душа от греха –
плач от нее доходит до неба».*

Преподобный Ефрем Сирий

«Я приду к тебе гомоном птичьим в окне...»

Мэри Фрайер, «Эпитафия»

Интермедия 1

Тельце желторотого воробья было холодным и влажным, как у рыбы, выброшенной на берег. Перья напоминали грязные волосы, сквозь которые просвечивала розовая сморщенная кожа.

– Давай здесь! – предлагает Вовка, и они останавливаются возле бордюра недалеко от серого здания сельской школы. Маратик согласно кивает. Он держит воробышка в сложенных лодочкой ладонях.

Совсем недавно прошел ливень. Дождь хлестал землю и траву белыми, вспененными еще в небе струями воды. Ветер снова и снова заставлял деревья кланяться, а затем всё затихло и неожиданно показалось солнце. Маратик и его двоюродный брат выскочили во двор, успели заметить, что земля в бабушкином саду вся усыпана опавшими яблоками, и рванули на улицу к школе. Там, на полузаброшенном стадионе, полчаса назад кипели футбольные страсти, но ливень всех разогнал по домам.

На стадион они прибежали первые и ждали минут пятнадцать. Остальные не торопились: то ли боялись мокрой травы, то ли их просто не пускали родители. И вот тогда-то братья нашли под де-

ревом мертвого желторотика. Наверное, его выбил из гнезда порыв ветра, а потоки дождевой воды довершили дело.

– Похороним его? – спросил Вовка с той интонацией, которая означала у него очередную «клёвую штуку». Маратику было тогда шесть лет, а брат учился в третьем классе. Вовка верховодил во всем – тем более он же был местный, опытный, всё здесь знал, а Марат приезжал сюда на лето из города. У двоюродного братца голова будто бы целиком состояла из одних клёвых штук, от которых шестилетний гость из города просто обязан был приходиться в полный восторг.

– Яму копать есть чем? – спросил Вовка, оглядываясь по сторонам. Маратик тоже начал оборачиваться со сложенными лодочкой руками.

– Постой, я сейчас вон тот кирпичон принесу. Им копать будем!

Старший приволок кусок кирпича и принялся, сидя на корточках, ковырять мокрую землю. От мокрого тельца в руки перетекал холод. Он не испытывал страха или отвращения, лишь любопытство. Тайком от брата Маратик приоткрыл ладони и посмотрел в образовавшуюся щелку на жалкую желтоватую головку птенца. Глаза у него были закрыты розовой тонкой пленкой с едва заметными синими прожилками.

В первый раз он ощутил это именно тогда – нестерпимое дрожь в руках желание узнать и увидеть.

– Открой глазки! – прошептал он мертвому воробью. – На одну только секундочку. Ну, пожалуйста. . .

– Чё ты там бормочешь? – брат, всё так же сидя на корточках, повернулся к нему. – Молишься, что ли?

Маратик почему-то испугался его вопроса, побледнел и закрыл ладони.

– Ладно, давай, бросай его, – Вовка вскочил и отбросил кирпич в сторону. – Готова могилка! И крестик надо из веточек.

Гость из города не двигался и смотрел на чернеющую ямку, вырытую рядом с растрескавшимся бордюром.

– Ну чего застыл-то? Кидай его сюда! – снова потребовал старший.

– Глазки! У него глазки там. Его нельзя в ямку, – Марат скривил губы и начал шмыгать носом.

– Во дурак! – засмеялся двоюродный брат. Он выбил из ладоней младшего тело желторотика, потом брезгливо подобрал его двумя пальцами и, кинув в могилку, одним движением ноги в рваных кедах сравнял яму. – Вот так. Все дела. А теперь смотри: веточки вот перевязываешь и втыкаешь. Мы так сто раз делали уже!

Вовка связал ветки травинкой и воткнул крестик в черное пятно на мокром газоне. Потом он побежал в сторону подошедших футболистов с соседней улицы. Марат за ним не пошел. Он вообще в тот день в футбол больше не играл.

Через два дня он впервые увидел сон про желторотика с закрытыми розовой пленкой глазами. И снова ему нестерпимо захотелось, чтобы птенец их открыл.

Глава 1. Матрёшка

Кладовщица была шалавой – об этом все знали. А на заводе ведь как в селе: ничего не скроешь, любые сплетни разбегаются со скоростью пожара. Вот и про Таньку чего только не говорили: один со сборочного хвастал, что прямо возле дальнего стеллажа у них дело было. В инструментальном и вовсе каждый третий подмигивал Марату насчет этого.

Танька ему не особо нравилась, он больше к бухгалтерии при-

сматривался. Но в заводоуправлении у жены водились подруги: могло выйти боком. А Матрешка – та на фиг никому не нужна, главное подкатить умеючи.

На складе он бывал нечасто, и поэтому вздрогнул, когда услышал над самым ухом басовитое карканье, эхом отразившееся от ближайших стеллажей, погруженных в темноту.

– Напугал, дур-рак! – пробормотал он, пригладил двумя пальцами свои усы и пошел к светлой комнатке кладовщицы. Танька была яркой сторонницей энергосбережения и включала свет только в тех местах склада, откуда брали детали.

– Татьяна, ты здесь, что ли? – сказал он и снова услышал карканье в ответ.

– Я тут, – улыбающаяся Матрешка выплыла с другого входа. – Чего как поздно? Во вторую, что ли, сегодня? За оснасткой пришли?

Кладовщица улыбалась всем, и он знал, что ее улыбка ничего не значит. По крайней мере ему она точно ничего не обещает и ни о чем не говорит.

– Нет, – сказал Марат и помолчал, пристально рассматривая Таньку. – Я так, просто. Вот конфеты тебе притаранил, держи.

Он достал из пакета коробку «Птичьего молока» и протянул кладовщице. Та засмеялась – мягко и по-доброму, широко раскрывая рот. Он заметил, что два нижних зуба у нее с блестящими металлическими коронками.

– Конфеты – это хорошо. На стол положите. Но лучше бы Карлику принесли чего-нибудь. Вы его, кстати, видели?

– Да видел-видел! – гость нетерпеливо махнул в сторону стеллажей и в упор посмотрел на круглые матрешечные груди, прикрытые спецовкой, – да так, что та слегка порозовела. – Может, чайку попьем?

– Прям щас? – брови Таньки чуть поднялись вверх. – Щас некогда. Со сборочного приедут скоро.

– Ну не щас. Потом, – Марат почувствовал, что всё выходит слишком грубовато, но, по его мнению, с ней так и надо было. Все говорили, что с ней так и надо. – Я зайду потом – завтра, наверно.

Он развернулся и пошел к выходу, чувствуя, как Матрешка пялится ему прямо в затылок. Возле самой двери кто-то вдруг прошелестел у него над ухом и закаркал. Марат шарахнулся в сторону и услышал тоненький смех Таньки, заметившей его испуг. Он чертыхнулся и вышел на воздух.

Матрешкой ее прозвали не из-за внешности, а потому, что как-то на одном из расширенных заводских совещаний, на котором присутствовал сам генеральный директор Семен Иванович, она вдруг подняла руку и сказала:

– Вот мы повторяем: «Инвестиции, инвестиции!». А мы все должны вкладываться не в производство, а друг в друга, понимаете? Как матрешки: одна за другую держится, одна в другой содержится. Ведь всё от людей зависит, а не от оборудования. Тогда у нас и развитие будет!

Все долго смеялись и аплодировали ее словам – тогда еще предприятие работало и управлялось по какой-то советской инерции, можно было и кладовщице иной раз слово молвить. Особенно долго смеялся Семен Иванович и одобрительно на нее посматривал. С той поры прозвище «Матрешка» к ней пристало намертво.

Поговаривали, что старый гендиректор даже предложил назвать одну из новых моделей автомобилей «Вороном Ка» – якобы в честь известного всему заводу Танькиного Карлика. Тогда многие решили, что кладовщица – давняя любовница Семена Ивановича. Но, быть может, и это тоже были сплетни.

Ворон появился на Матрешечном складе года четыре назад. Кладовщица спешила рано утром к проходной и увидела прыгающую на одной ноге иссиня-черную небольшую птицу. А за ней по пятам кралась полосатая кошка, у которой кончик хвоста нервно ходил из стороны в сторону. Матрешка долго не раздумывала: замахнулась на кошку черной тяжелой сумкой, а затем протянула руку к вороненку. Тот, важно переваливаясь и помогая себе крыльями, спокойно забрался на ее запястье.

– Да он ручной, я точно говорю! Сбежал, наверно, от хозяев, – рассказывала Матрешка каждому встречному-поперечному на проходной. И уже через два дня ползавода знало, что на складе у кладовщицы появился новый помощник. Некоторые приходили и приезжали только для того, чтобы посмотреть на найденьша.

Сначала вороненок подпускал к себе всех, охотно садился на плечи и на головы гостей – к общему восторгу посетителей. Но затем выбрал себе в хозяйки Матрешку и остальных стал сторониться, каркая на них с высоты стеллажей. Правда, от еды не отказывался – и благосклонно брал подачки почти от всех проходящих.

А несли ему всё подряд – и ягоды, и мясо, и вареные яйца: Карлик был прожорлив и всеяден. За несколько лет он вымахал в полуторакилограммового красавца, и его многие любили, охотно прощая бело-коричневые следы помета на деталях и инструменте. Одно время появилась даже мода ходить к Таньке на склад и фотографироваться с Карликом – тот всегда подлетал позировать, если Матрешка его звала.

Кладовщица любила своего птенца страстно, лечила его от всех вороньих болезней, перечитала кучу книг про птиц и перескомилась со всеми городскими орнитологами.

– Семьи-то нет – вот и сходит баба с ума по своему Карлу, – говорили недоброжелатели, которых было также немало среди заводских. Они-то, видимо, и распускали слухи про то, что, дескать, Танька «слаба на передок». Сплетням охотно верили, некоторые шутники хвастались своими победами на Матрешкином фронте. А правду про нее знали только она сама да Карлик.

Марат через два дня снова попал во вторую смену и заявился к ней на склад уже ближе к вечеру. Карканья на этот раз он не услышал – да и не до этого было: он сумел пронести через проходную бутылку коньяка и сейчас срывал с нее газету и скотч, в которые та была заботливо спрятана-упакована.

– Татьяна, ты здесь? – спросил он хриплым голосом. Не получив ответа, он приоткрыл дверцу ее «светлицы» и увидел, что та дремлет, сидя за столом рядом со вторым выходом. Матрешкина голова была прижата лбом к правой руке, согнутой в локте, и пришедший заметил приоткрывшуюся соблазнительную ложбинку между круглыми грудями.

Марат осторожно прикрыл за собой дверь, провел привычным жестом по своим черным усам, поставил коньяк на стол и, подойдя к спящей, присел рядом с ней на корточки. Оттуда, снизу, ему сподручнее было смотреть на ее закрытые глаза. Татьяна почти не красилась и розовая поверхность век чуть вздрагивала: по всей видимости, ей что-то снилось.

Непрошенный гость, как загипнотизированный, смотрел на Матрешкины глаза. Во рту у него пересохло, грудь судорожно вздымалась, и он, совершенно забыв, зачем пришел, начал шептать: «Открой глазки! Ну, пожалуйста!».

Таня вздрогнула и, открыв глаза, увидела сидящего в странной позе мужчину. Она взвизгнула и, вскочив, опрокинула стул. Марат от неожиданности упал на спину.

– Да чего ты орешь? – недовольно сказал он. – Это я.

– Что вы здесь делаете?! – Матрешка была не из трусих, но сейчас перепугалась не на шутку.

– Я к тебе пришел – вот коньяк принес.

– Уходите, пожалуйста! Слышите? Я на помощь позову! – Таня сделала два шага к другому выходу из «светлицы» – противоположному тому, откуда пришел гость.

– Ой да ладно строить из себя недотрогу! – Марат решил пойти ва-банк: ее сопротивление даже нравилось ему. Он двинулся в ее сторону, та еще раз взвизгнула и юркнула за дверь.

Мужчина, не ожидавший такой прыти, помедлил немного и вышел вслед за ней. Склад был едва освещен. Высокие стеллажи серыми рядами возвышались над непрошеным гостем. Он услышал шуршание, включил фонарик в сотовом и сделал несколько шагов вправо.

– Эй, Матрешка! Нефиг прятаться. Я тебе чё: конфеты за просто так, что ль, носил? Выходи давай! – темнота придала ему какой-то странной смелости. Он почувствовал себя охотником – совсем как тогда, в детстве, когда они с дядей ходили на уток и тетеревов.

Кладовщица, конечно, ориентировалась в своем хозяйстве неплохо, но у него-то слух более натренированный. Главное – не пропустить ее к выходу со склада. Снова шуршание. Он, крадучись, обошел стеллаж и увидел ее фигурку, прижавшуюся к одной из нижних полок. Рывок...

– Попалась, Матрешечка! – она завизжала, начала отбиваться, будто кошка, но его руки сами знали, что делать. Он слегка сдавил ей горло, а другой начал срывать спецовку.

Затем что-то звякнуло сверху, посыпались детали, и вдруг его голову пронзила острейшая боль – будто несколько ножей одновременно чиркнули по затылку. Когда он резко повернулся, кто-то с силой воткнул ему что-то острое прямо в ухо. Марат взвыл, женщина оттолкнула его – прямо на полки с инструментом. На голову гостя снова повалились разнокалиберные детали. Матрешка исчезла, и через несколько секунд послышалось хлопанье входной двери. А затем в тишине несколько раз победоносно прокаркал Карлик – откуда-то с верхних полок стеллажей.

После неудачи на складе он вернулся домой в самом сумрачном настроении. Жена с сыном уже спали, хотя обычно Юля дожидалась его и после второй смены. Он только обрадовался этому. В последнее время они ссорились все чаще. Раза три ему даже пришлось немного успокоить ее – показать, что перед ним выпендриваться не стоит. Нет, он ее не бил, а так – заломил руку, прижал лицом к стене и долго что-то шептал на ухо, пока она тихо давилась слезами. Ни она, ни он не хотели, чтобы Костик что-то услышал.

У жены сбоку на шее было такое отвратительное родимое пятнышко с волоском посередине. Он искренне ненавидел ее за этот волосок. Когда Марат пару раз прижимал ее на кухне, ему так хотелось надавить чем-то острым на это пятнышко – чтобы его не было. Совсем...

Он налил себя чаю, плеснул туда же коньяку – того самого, не оставлять же шалаве. А затем осторожно потрогал свое залепленное пластырем распухшее ухо: сволочная птица здорово прихватила его клювом. Адски горели и царапины на затылке.

«Ну, ничего, Матрешечка, ты еще пожалеешь, что на свет родилась!» – решил он и, залпом допив кружку, отправился на боковую.

Интермедия 2

В то лето соседская собака – обыкновенная дворняга молочного цвета с кофейным пятнышком на ухе – повадилась таскать бабушкиных кур. Маратику исполнилось уже тринадцать, а брат Вовка к тому времени вырос в высоченного семнадцатилетнего парня с волосатыми руками.

– Соседка-то, пьяница страшная, не кормит псинку, видно, и на цепь не сажает – вот она за курами-то и охотится. Сделали бы вы, ребятишки, хоть что-нибудь? Может, увели бы куда ее... – пожаловалась им однажды бабушка.

И Вовка, конечно, тут же придумал очередную клёвую штуку. Они дождались, когда бабка уйдет в магазин, – тот располагался далеко, у самой железной дороги. Соседка, как обычно, лежала в умат пьяная в своей избе в сенцах.

– Короче, так: я беру вилы, а ты – палку какую-нибудь. Не бойсь, твоя работа не пыльная – просто не дашь ей смыться. Я сам всё сделаю, понял? – сказал Вовка. И Маратик подчинился – по

привычке. В особый восторг, понятно, не пришел, но куда деваться: верховодит-то Вовка. Мальчик шел за двоюродным братом, словно в тумане: он предчувствовал, что будет страшно, но даже и представить не мог, во что ввязался.

Вовка за свою сельскую жизнь много чего видел и много чему научился. В их доме всегда было полно скотины и птицы. За лето-осень ему приходилось резать по три-четыре свиньи и отрубать головы несчетному числу кур и индоуток. Он охотно рассказывал городскому «братику» о том, что иногда, если отрубить голову быстро, а потом поставить курицу на ноги, та еще может пробежать несколько шагов.

– Ты пойми, – авторитетно объяснял старший, пока они пробирались огородами к соседскому участку. – Тут принцип простой: эту сволочь все равно уже не отучишь – псина кровь почуяла, понимаешь? Так и будет теперь к бабке шастать, пока всех кур не передушит. Способ тут один – пришить ее, и все дела. У нас тут село, не до городских нежностей.

Маратик кивал головой, чувствуя, как палка – черенок от лопаты – странно тяготит его руки. Белочка (соседка именно так ее называла, он помнил) обнаружилась не сразу. Пьянчуга, как всегда, забыла ее привязать, и собачка спала во дворе, нервно подергивая ухом с кофейным пятнышком.

– Смотри: у нее часть цепи болтается на ошейнике, – прошептал ему Вовка и переложил вилы в правую руку. – Нам повезло. Надо ее поймать... Пстой-ка.

Брат чуть пригнул голову и, как лис, стал красться вперед. А затем быстрым движением всадил вилы в цепь. Белка подскочила вверх от неожиданности, но было поздно: вилы намертво прижали цепь к земле.

– Попалась, сучка, – удовлетворенно сказал Вовка с какой-то протяжкой гласных – будто пел. – Не уйдешь теперича.

Собака прижала уши к голове и несколько раз неуверенно мотнула хвостом, видимо, всё еще надеясь на благополучный исход.

– Давай-ка сюда иди! – брат сгреб цепь в руку и, вынув вилы из земли, подтащил собачонку поближе к ноге. – Тут главное ее не испугать раньше срока. Белочка, Белочка, хорошая, хорошая...

Собака завилыла хвостом сильнее и, высунув язык, часто задыхалась. Было похоже на то, что она заулыбалась.

– Ага, расслабилась наша собака-улыбака. Щас мы ее поближе к будке, та-ак. Привяжем на цепь, вот так, отлично.

Маратик стоял на одном месте, не шевелясь, и опирался на черенок, будто на посох. Он, как и Белка, чуть расслабился: почти поверил, что ничего страшного не произойдет. Не может же вот так – среди белого дня, кустов красной смородины за забором, спокойно плывущих в небе перистых, чудесных облаков – случится что-то страшное. Так ведь?

И вот именно в тот момент их общего с Белочкой расслабления и веры Вовка быстро и четко всадил в белый шерстяной бок заржавевшие иглы вил.

Раздался не визг и не скулеж – он услышал пронзительный, выворачивающий наизнанку крик. Он не мог и представить себе до этой самой секунды, что в природе есть такой крик – нервы его будто разом намотались на какой-то маховик, а потом рваными струнами вернулись обратно. Палка выпала из рук, и глаза расширились.

Белочка рванулась в сторону, цепь жестко вернула ее обратно. Она бросилась снова, а затем шмыгнула в большую будку и там прижалась к дальней стенке и затихла.

– Не уйдешь, собака! Мы тебя и там достанем, – вилы свободно проходили в отверстие будки, и Вовкины волосатые руки принялись методично просовывать их в самую глубину, натываясь на что-то живое и мягкое. Раз за разом. Снова разверзся звуковой ад; от крика дворняги, казалось, некуда было деться, он был везде, заползал в самый мозжечок и вопил оттуда каждой мозговой клеточкой.

Марата парализовало. Ему хотелось убежать, упасть, закрыть уши руками, забиться в самый темный угол. Умереть. Но он не двигался с места и смотрел во все глаза на то, как вилы, поддерживаемые волосатыми руками, снова и снова исчезали в темном отверстии будки.

Сколько это продолжалось, он не помнил. Минуту? Две? Полчаса? Под самый конец, когда из будки доносился уже не крик, а хрип, Маратик услышал дребезжащий, испитой голос соседки. Вовка, вынув из будки красноватые вилы, тоже обернулся в сторону говорящей.

– Будьте вы прокляты! – просипела женщина с туманными, еще не проснувшимися глазами. Она покачивалась из стороны в сторону; ей можно было дать и сорок лет, и все семьдесят – свой

точный возраст она давно пропила. – Вы не люди совсем, не человеки. Белочку мою... истерзали...

Она икнула, плюнула в сторону братьев и, повернувшись, поплелась опять в избу спать. А вот Маратику не удавалось нормально поспать еще долгое время – до самого возвращения в город.

Человека меняют и определяют не сами события, а воспоминания о них. А лучше всего ему запомнились не окровавленные иглы вил и не волосатые руки братца. И даже не проклятия, произнесенные сильным голосом пропойцы. Ему запало в душу иное: он ощутил, что значит власть над жизнью и смертью, когда только от тебя зависит, жить дальше кому-то или умереть. И вот в этот миг тоненький ручеек щекоотящей энергии перетек от умирающей, хрипящей Белочки в его солнечное сплетение и ниже – в промежность. И происходящее ему понравилось.

Глава 2. Карлик

Как он и думал, шалава-кладовщица никому не проболталась про его вечерний визит на склад – ни вечером, ни на следующий день.

«Боится, что снова ославится на весь завод, – улыбался он про себя. – Подожди. Ты еще не так у меня забоишься, сучка!..».

Сначала он решил на повторное посещение склада, но затем сам себя отговорил: все-таки Матрешка могла подготовиться к его приходу или кому-то шепнуть лишнее. В общем, вряд ли он теперь ее застанет врасплох – спящую в соблазнительной позе. Тут надо что-то другое.

«Вот если Карлика не будет. Вот тут она запоеет, тут она завоет – в ногах валяться будет у меня...» – думал он. Когда ему впервые пришла в голову идея отравить ворона, он почему-то вспомнил о ненавистном родимом пятне на шее жены.

«Есть между ними что-то похожее – и тот меченый, и эта. Бог шельму метит».

У Танькиного ворона на шее тоже была особинка – небольшое белое пятнышко, которое у Матрешки по неведомой причине вызывало чувство особой гордости: дескать, ни у кого такой птицы нет, Карлик – уникальный, такой нигде не потеряется и т.п. В общем, Бог шельму метит, это точно.

«Весь вопрос: какую отраву лучше использовать?» – размышлял он, идя с работы домой. Марат хорошо знал, что буквально на соседней улице есть магазинчик со звучным названием «Дератизатор». Там можно было легко приобрести отраву для крыс и мышей.

«Но ведь эта тварь зерна клевать не будет. Ему мяско подавай, такие кусочки – не слишком жирные. А где я ему мяса отравленного раздобуду?».

Он раздумывал над этим несколько дней, нашел даже несколько сайтов, где предлагали «совершенно анонимно» доставить ему любые яды для любых целей. Но вбивать во всезнающий Интернет какие-то сведения о себе – пусть только электронный адрес – показалось ему опасным. И он пошел другим путем.

– Почем у вас вот эта, да, помельче которая? – Марат тычет пальцем в стекло большого аквариума, наполненного мелкими опилками. На стекле остается мутный след от его указательного пальца.

– Вот этот? – улыбается миловидная продавщица в прямоугольных очках. Она опускает руку в аквариум и ловит серо-белую крыску с черными глазами. – Мы его Сырком прозвали. Правда, красавец?

Сырок смешно свешивает передние лапки с тонкого указательного пальца женщины и смотрит по сторонам. Затем его темные глазки сосредотачиваются на усатом лице Марата, крыса вздрагивает и пытается «утонуть» в кулаке продавщицы.

– Дурачок, чего ты испугался? – она перекладывает серое теплое тельце в другую руку.

– А под хвостом у него чего торчит? Болеет, что ли? – покупатель морщится.

– Да нет! – смеется хорошенькая собеседница. – Многие так думают. Это у самцов так... яички, в общем. Некрасиво немного, конечно. Может, вам лучше самочку взять?

– Не-е. И такой пойдет. Почем?

Марат на клетку тратиться не стал – выпросил в зоомагазине ненужную коробку, соврав очкастой дуре, что клетка у него уже есть.

– У меня уже была крыска, сын их любит. Ага. Подарю ему...

Он вышел с картонной добычей под мышкой и направился в парк. Пакет с отравленными зернами красного цвета Марат приобрел накануне.

– Голодный, небось? – спрашивает он Сырка, высунувшего серую мордочку навстречу дневному свету. – Щас пожрешь. До отвала.

Мужчина с черными усами устраивается на свободной скамейке и сыплет горсть зерен в коробку. Потом еще. Затем удовлетворенно слушает, как крыса шуршит коготками по дну коробки.

– Вот так, вот так. Молодец, Сырок. Ешь побольше. Мне концентрация нужна.

Марат сидит минут 15, время от времени пробегая глазами инструкцию на пакете с отравой. Потом он приоткрывает коробку; серая морда с усиками немедленно устремляется к свету. Мужчина почти инстинктивно загораживает ладонью путь беглецу и вертит временный домик Сырка, пытаясь увидеть дно. Из коробки на маратовские джинсы падают несколько красных зернышек.

– Черт, ты жрешь их или нет? Так дело не пойдет... Средство-то от мышей, а не от крыс. Внимательнее надо было читать. Черт! – ему жуть как не хотелось тащить крысеныша домой живым. Жена и сын обязательно заметят, начнут спрашивать. Блин. Надо было от крыс покупать, а не от мышей, голова садовая. А «Дератизатор» ведь закрыт уже... Он решает подождать еще полчаса.

– Мама, смотри, смотри! У дяди мышка! У дяди мышка! В коробочке! – детский голосок верещит совсем близко. Марат вздрагивает всем телом и, не понимая, где он, начинает оглядываться. Сон сморил его незаметно, руки ослабли и потеряли контроль над коробкой. Сырок вылез почти наполовину и балансировал сейчас на картонном краю. Щеки его странно раздулись, одна лапка цапала Марату джинсы.

Рядом со скамейкой стоит улыбающаяся мамаша, держащая за руку мальчишку лет четырех. Глаза ребенка блестят от восторга, будто он встретился с живым волшебником.

– Это ваш крысеныш? – спрашивает женщина. – Какой забавный! Он не упадет?

Сырок, казалось, только и ждал этих слов. Он прыгает на асфальт и серо-белой молнией несется к парковым кустам. Усатый мужчина охает, почти рычит от злости и, отбросив коробку, устремляется за хвостатым беглецом. Мальчишка хохочет, а его мать морщит брови и чувствует, как неприятный холодок бежит по позвоночнику.

– Сынок, пойдем! – говорит она торопливо. – Не надо смотреть... Не будем мешать дяде.

– Дядя ловит мышку? Он играет в догонялки?

– Да, точно. Но мы не будем смотреть, нельзя.

Молодая мамаша не понимает, что с ней – почему ей всё это так неприятно? «Что-то в его фигуре... Как он погнался за крысенышем. Как хищник – паук или птица какая-то. Жуть», – пронесется мысли в ее голове.

Сын надувает губы, ему очень хочется увидеть, как дядя догоняет серую большую мышку. Но мать дергает его за руку и почти тащит к выходу из парка.

Марат быстро открыл входную дверь и тут же сунул коробку на самую нижнюю этажерку с обувью. Он заранее это всё просчитал и обдумал – так, чтобы жена с сыном не успели ничего заметить. Юлька делала что-то в зале и не вышла его встретить. Это хорошо. Он успеет выключить свет в коридоре и, глядишь, всё обойдется.

Мужчина, которого в парке на несколько секунд приняли за волшебника, рывками снимает черные туфли и спешит в ванную. Там он тщательно моет руки и лицо.

– Как на работе? – Юля старается изобразить спокойную заинтересованность, но удается ей плохо: он чувствует, что она напряжена и боится его. Это тоже хорошо – поменьше будет выпендриваться.

– Да так – нормуль. Как Костян? – он доедает макароны и не смотрит ей в глаза.

– Температура еще держится, но получше сегодня. Дня через два в садик уже можно отправить. Да и я что-то засиделась... – она зевает, почти не открывая рта, и он замечает родимое пятно с волосяком на ее шее. Настроение портится окончательно.

– Мама, папа, у нас мышка! Слышите? Мышка! – вдруг раздается веселый простуженный голос Костика из зала, и время для Марата на несколько секунд останавливается...

– Да, конечно, хотел сюрприз сделать!.. Конечно, конечно, для Костяна, да... Ой, точно – у нас же старый аквариум есть, как я мог забыть!.. – усатый мужчина скрежещет зубами и про себя матерится так, как ругаются водители на скользкой дороге.

«Ну почему эта тварь не сдохла? Что за черт? Он что – зерна за щеки запихал? Это же не хомяк в конце концов? Ах ты, чтоб его!» – Марат снова в ванной, трет холодной водой глаза и пытается успокоиться. Он чувствует, что искренне ненавидит людей, которые мешают его планам – ту, что с пятном, и этого – мелкого, сующего свой нос куда не следует.

Ночью он несколько раз вставал, осторожно подходил к заляпанному аквариуму и пытался осветить его внутренности белым светом смартфона. Его встречали выпуклые глаза и тонкие чувствительные усики Сырка, блестящие от белого света. Проклятая крыса еще дышала, недобро посматривая на своего отравителя.

– Сдохни же наконец! – шептали его губы. Он успокаивал себя тем, что спешить особо некуда: лучше он завтра купит еще яда – настоящего, крысиного, не чета этим дурацким мышинным зернышкам. Чем сильнее траванётся крыса, тем больше шансов убить Карлика. «Подожди, Матрешечка. Потерпи еще немножечко».

Костик ревел с утра, а его отец божился, что отнесет назад бедного крысика.

– Костян, будь мужиком! Это бракованная крыса, мы тебе потом купим новую – в сто раз лучше! – успокаивал сына Марат, и у мальчика постепенно высыхали слезы. Не успел он еще к нему привязаться, да и отец не позволял брать Сырка в руки.

– Пусть сначала попривыкнет к новой обстановке, а то еще цапнет! – пояснял он жене, глаза которой впервые за долгое время блестели неподдельной радостью. Но так было вечером, утром – вместе со смертью Сырка – всё вернулось на круги своя.

«Надо же – крысе рады, а меня с работы встречают с кислыми рожами!» – думал он, заклеивая скотчем коробку со сдохшим грызуном. Ему еще надо умудриться протащить этот «груз двести» через проходную. Ничего – он пойдет через северные ворота, там часто дежурит Витек, его друг. Точнее не друг, а так – приятель. Друзей у него на заводе не было – он туда ходил работать, а не дружить.

Он не мог дожидаться вечера, делая свою рутинную работу по заточке инструмента. Рутину он обожал. Марат считал, что нет ничего лучше инструментального цеха и сборочного конвейера: тут всё идет своим чередом, нет неожиданных взбрыкиваний и виляний

хвостом, и главное – никто не выпендривается. Все четко размечено, знаешь, что будет через час и через два, что случится утром и что – вечером.

А вечером он пойдет на склад и подбросит нарезанного кусочками Сырка. Каждый кусочек крысятину он дополнительно вывалял в яде, купленном в «Дератизаторе». Благо, в старой раздевалке, которая находилась на задворках инструментального, можно было делать что угодно: туда редко кто заглядывал. Это тебе не двухкомнатная «хрущевка», где негде скрыться от глаз меченой и ее сыночка. На то, чтобы освеживать Сырка, снять серо-белую шкурку и, хрустя мелкими косточками, нарезать его тельце удобными кусками, ушло всего сорок минут. Ведро воды и ароматное средство для мытья пола стояло тут же – никаких тебе следов крови...

Он шел мимо серо-желтых заводских зданий, стараясь держаться подальше от фонарей. Скоро пересменка, и народ хлынет к проходной. Нужно успеть дойти до склада. Зато потом можно встроиться в поток и ускользнуть незамеченным. Тут светиться нефиг. Он ошибки не совершит.

Советское время заставляло людей строить большие здания и отдавать предприятиям многие гектары земли. Сейчас можно было обойтись и половиной всех этих разномастных построек: заводское пространство давно надо оптимизировать и ужимать. Так оно и происходило, жизнь и работа постепенно покидала здания, оставляя за собой мертвые, заброшенные цеха и склады. Медленное умирание, как раковая опухоль, захватывало все больше и больше заводского тела. Утром и днем умирание было не слишком заметно, но вечером чернеющие окна заброшенных зданий вызывали тревогу и тоску. Заводское население чувствовало это и старалось схлынуть побыстрее, убежать в сторону светящихся окон цехов и многоквартирных домов. А вот Марат наоборот: любил встречать вечер именно здесь, стремился к заброшенному заводскому телу... Ага, вот и он – Матрешкин склад.

Она не должна его увидеть, не должна узнать, что он приходил. Надо просто улучшить моментик – и хоп! Цып-цып-цып, Карлуша, где ты там затаился, мальчик мой?

Усатый мужчина чуть приоткрыл дверь с торцевого входа и прислушался. Как там говорил дядя-охотник? Маратик, стой и слушай. Стой, пока можешь стоять. Терпи до последнего. Когда тебе

покажется, что больше стоять не вмоготу – постой еще минут десять. И тебя вознаградят за терпение. Обязательно вознаградят.

Он услышал звук Танькиного голоса. Либо на складе был кто-то еще, либо она болтала по сотовому. «Та еще болтушка!» – он улыбнулся. Зато он точно теперь знает, где она находится. Это хорошо.

Он просочился через приоткрытую дверь, прошел несколько шагов и снова остановился, прислушиваясь. Ворон точно где-то здесь. Дура-кладовщица его не заметила и не заметит, а вот Карлик давно уже знает, что на склад пожаловал непрошенный гость. Марат нащупал в кармане спецовки пакет с мясом и медленно выудил его наружу. Стеллажи, где он стоял, были не освещены, и пришедший мысленно благословил Матрешкину энергоскупость.

Мужчина осторожно, стараясь не касаться кусочков мяса голыми руками, надорвал пакет и положил подарок на верхнюю полку стеллажа.

– Цып-цып, Карлуша. Угощение подано, – прошептал он, вновь улыбнулся и скользнул в тень – к выходу.

Марат нашел лакомство уже после того, как ушла та, которую он любил. Мясо слегка горчило, но все равно было вкусным. Кусочки ровно того размера, что ему подходил: не нужно рвать их, а сразу можно заглатывать, чуть запрокинув голову.

Плохо ему стало на верхней полке – в том месте, где он обычно спал, чуть нахохлившись и думая о хозяйке. По его большим черным крыльям вдруг прошла судорога, и он, резко раскрыв их, затанцевал на одной лапке к краю стеллажа. Другую лапку он подволакивал – с тех самых пор, как его нашли возле больших серых ворот. Тогда он впервые увидел ту, которую любил.

Балансируя на краю, Марат чувствовал, как что-то обжигает его изнутри – что-то связанное с тем черным человеком, непрошеным гостем. Он клюнул его в ухо и жалел, что не сделал этого дважды. Горечь внутри разрасталась, ему захотелось искупаться. Хозяйка у дальней двери всегда ставила ему таз с водой. Он любил подлетать туда и бултыхаться в свежей холодной воде. Блаженство для перьев и клюва. Потом он вдруг вспомнил то, иное место, где он жил раньше, а затем память его ушла дальше – в кроны зеленых деревьев, где летали такие же черные птицы, как он. Воздуха не хватало, горло

его зажило своей отдельной жизнью, зоб заходил туда-сюда, а затем он рухнул вниз. Одно крыло неудачно подогнулось и встретилось с металлическим полом склада. Раздался едва слышный треск мелких костей, но птица уже ничего не почувствовала – потому что ее уже больше не было...

Усатый мужчина резко дернул рукой, перевернулся и скатился с дивана, на котором он спал вместе с женой. Та не проснулась, но, пробормотав что-то, перевернулась на другой бок. Марат присел на корточки и вытер застывшую струйку слюны в уголках губ. Его тошнило, желудок скручивало судорогой, и он, прикрыв ладонью рот, побежал в туалет. Там он проблевался зеленой массой с отвратительными кусочками плохо прожеванного ужина.

Он долго сидел на краю ванны и смотрел мутными глазами на стену с облупившейся краской. Сон уже почти выветрился из его головы, но правая рука всё еще ныла: он неудачно подогнул ее под себя, когда скатился с дивана.

Завтракал он в плохом настроении, вяло жевал кусок ветчины с батоном и молча следил за тем, как Юлька в коридоре собирает сына в садик.

– Ты обещал ему купить нового крысенка или хотя бы хомячка, помнишь? – сказала она ему как бы между прочим, и он, сузив глаза, ничего не ответил. Волосик на ее родимом пятне доставал его все больше и больше.

А вот на заводе – еще на проходной – настроение его пошло в гору.

«Карлик умер, слышали? Танька сама не своя. Вороненок и впрямь такой хорошенький был...» – говорила охранница своей товарке, пропуская ее через турникет. Марата так и подмывало поправить ее: не умер, а сдох. Умирают люди, а черные твари с тяжелым клювом дохнут и правильно делают.

Работал он весело, иногда насвистывал мелодию из любимых «Scorpions». Царапины на затылке и левое ухо перестали ныть, а о руке он и думать забыл. Матрешка теперь принадлежит только ему: куда ей деться-то с подводной лодки? Вот всё немного уляжется-утихомирится, и он обязательно наведается к ней в гости на склад. Танюшка заждалась, наверное.

Интермедия 3

Они с Лешкой облюбовали эту свалку давно. Вообще, свалки бывают разные, но самое клёвое место – то, куда свозят строительный мусор. Девятиэтажный дом, где жил Маратик с родителями, располагался возле городской черты – рядом с полем и лесопарком. А если идти налево от остановки, то уже метров через триста начинался огромный пустырь с колючками, небольшими холмиками и ямами. Там водились ящерицы, ужи и – главное – туда свозили остатки строительных блоков с небольшими плиточками. Белые плиточки ценились мальчишками на вес золота: в них можно было играть, их копили и собирали.

А еще у них с Лешкой был там свой шалаш. Неведомые основатели великого пустыря зачем-то вкопали в землю большую бетонную трубу, конец которой неприметно выходил наружу возле зарослей акации. Друзья расчистили вход, натащили туда всяких картонок и сумели просунуть в узкий лаз сиденье от полуразвалившегося кресла. В трубе было темно и тесно, пахло старым цементом и песком, но зато об их шалаше больше никто не знал. Именно там Марат впервые понял, что такое свой дом – собственное пространство, на которое никто не сможет покушаться, место, где хозяин – только ты.

Однажды в их дворе объявилась большая и ласковая дворняга с рыжей свалявшейся шерстью. Сердобольная баба Катя с соседнего подъезда, которая неустанно следила за порядком в их большом дворе и этим самым надоела всем детям без исключения, стала ее подкармливать. Девчонки Танька и Наташка – одноклассницы Маратика – тоже таскали собаке кусочки, гладили ее, нашли где-то ошейник и умудрились насадить на рыжую голову старый белый бант.

Лешка и Марат с Рыжей подружились не сразу. Они считали дворнягу девчачьей собакой и не подходили к ней. Но как-то раз Рыжая увязалась за ними на свалку, таскалась за мальчишками везде, как хвостик, и в конце концов растопила их сердца – тем более что дурацкий бантик давно уже где-то потерялся.

К трубе она сначала отнеслась с подозрением и ни в какую не хотела идти туда. Но затем Лешка сумел заманить ее в шалаш кусочком вареной колбасы.

– Вот теперь у нас самый настоящий дом! – объявил Маратик и осветил фонариком внутреннее убранство шалаша. Противоположный от выхода конец трубы, наглухо заваленный кусками кирпичей, украшала большая потертая картина «Дети, бегущие от грозы». Ее друзья нашли рядом с мусорными контейнерами, стоявшими неподалеку от детского садика. На крюке из арматуры, торчавшем сбоку, висело почти целое велосипедное колесо. Марат, кстати, чуть не выколол глаз этим крюком, когда в первый раз залез в трубу – чтобы разведать, что да как.

Рыжая, высунув язык, тяжело дышала и смотрела умными глазами на своих новых хозяев.

– Да, – важно подтвердил Лешка. – Это настоящий дом – у нас даже собака теперь есть. Рыжая будет охранять шалаш!

– Точно! – восхитился идее друга Маратик. – Мы ее оставим здесь, принесем ей воду и еду, а Рыжая никого сюда не подпустит – охранять будет!

Дворняга мальчишкам полностью доверяла и поначалу спокойно отнеслась к тому, что кольцо ее ошейника охмутили веревкой, которую привязали к крюку из арматурины. Однако когда друзья выползли на свет Божий и принялись, как обычно, замаскировывать вход в шалаш ветками и камнями, рванулась и залаяла.

– Рыжая! Посиди немного! Мы щас вернемся, принесем тебе миску, хлеба и колбасы, – наставительно сказал Лешка в трубу. Но Рыжая не понимала всех тех радужных перспектив, что ждали ее в будущем, отчаянно скулила и с надеждой смотрела в сторону редких полосок света, что остались после тщательной маскировки.

Всё это случилось в воскресенье последнего дня жаркого августа. А в понедельник пятиклассники Леша и Марат пошли в школу. Началась сентябрьская кутерьма – дурацкая линейка и выдача учебников. Им поставили аж три физкультуры в неделю; в среду на первом же уроке русского Маратик умудрился схлопотать двойку за поведение. Мать в четверг из-за этого не разрешила ему пойти гулять. В субботу они тоже теперь учились, а в воскресенье отец Лешки увез всю семью за грибами.

В общем, по-нормальному погулять вместе друзья смогли лишь в следующее воскресенье – через две недели после начала учебы. Сначала они поиграли в ножички, затем шелбанами загнали белые плиточки в ямку.

– Слушай, – сказал Лешка, вдруг вспомнивший про свалку. – А ты тогда вечером еду-то отнес Рыжей?

Марат замотал головой:

– Не-е, тогда же «Утиные истории» начались. А потом уж темно было.

И они решили сбегать к своему шалашу. Уже на подходе к трубе мальчишки почувствовали запах. Воняло чем-то нездешним – тем, от чего хотелось убежать и спрятаться. Они раскидали ветки и кирпичи, и запахло сильнее.

– Я туда не полезу, – сказал Лешка и шмыгнул носом. – Рыжая, наверное, умерла.

Маратик не ответил и, задержав дыхание, сунулся с фонариком в шалаш. Долго он там не смог находиться – пахло слишком страшно. Когда он вылез и, отряхивая колени от цементной пыли, поднял глаза на друга, то увидел, что Лешка плачет.

– Ну, чего ты разнылся? – спросил его Маратик злым голосом. – У меня в поселке двоюродный брат есть – он этим... знаешь, как... Курице вот топором – хрясь! Голову. И потом ставит на ноги – а она еще бежит. Подумаешь – собака... Пошли лучше еще в ножички поиграем, а?

Глава 3. Развод

Сначала к нему подошел этот – хмырь со сборочного конвейера. Такой здоровый бугаина, его все почему-то звали «Стул». Марат даже не знал его настоящего имени – Стул он и в Африке Стул.

– Слышь, Марат, дело есть одно. Ты на обед пойдешь?

Усатый смерил его взглядом и покачал головой. Он не обедал в заводской столовой: приносил с собой домашнее и ел потом в старой раздевалке. Туда ведь редко кто заходил.

– Чё? Брезгуешь, что ль, со всеми жрать-то? – скривился хмырь. – Ну, ладно. Я тебе так скажу, по-простому: ты если еще раз к Таньке подойдешь, я тебе ноги вырву и в жопу вставлю. Понял? Ну вот и океюшки. Бывай.

И ушел. Козёл... Марат потом сидел в раздевалке на потертой скамье, смотрел на неработающий рукомойник и грязно-желтый столик, на котором он несколько дней назад готовил подарок для Карлика. Руки у него тряслись, и губы побелели.

«Что именно они знают? Только про то, как я эту шалаву возле стеллажа прижал? Или про Карлика – тоже?».

Его снова тошнило и хотелось домой. А на следующее утро его поманил пальцем бригадир – редкая гнида, всего два года назад пришедший после политеха и уже сделавший карьеру. Он вывел Марата из цеха на лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь было потише и разговаривать можно, не повышая голоса.

– Васандеев, я это... Что хотел спросить... Ты в инструментальном-то давно?

Марат провел указательным и большим пальцами по усам и ответил:

– Девятый год. А что?

– Да так. А до этого где работал?

– До этого я учился. В техникуме.

– А-а, – у бригадира появилась складка на переносице, будто он о чем-то задумался. – Ну, ладно. Иди. Это просто меня тут спросили про тебя, а я даже ответить не смог – я же сам-то недавно на заводе. Давай, пойдем работать.

В обед Марату опять стало нехорошо. Он перетащил желтый столик в другой угол старой раздевалки, так как ему показалось, что на нем заметны коричневые следы крысячьей крови. Есть не хотелось. Он всё вспоминал лицо бригадира, и на душе было тревожно.

«Кто это мной так заинтересовался? Кто спрашивает-то? Проклятая шалава Танька разнесла по всему заводу – сплетничает про меня, наверно, с каждым, кто приходит к ней. Вот только бы добраться до Матрешечной шеи...».

Но на склад он идти трусил. И дело совсем не в Стуле и его идиотских угрозах: он просто до тошноты боялся опять увидеть темные стеллажи, тянущие свои полки до самого потолка. От одной мысли о темном складе у Васандеева перехватывало дыхание, кружилась голова и ныла правая рука.

В субботу Марат с семьей поехали на вещевой рынок. Обратного решили пойти пешком. День выдался замечательный: несмотря на то, что был конец сентября, по-летнему грело солнце, небо нежно белело и синело над головой, дышалось легко.

Юля уж и не помнила того дня, когда они с мужем и сыном гуляли вместе. Костик убежал вперед и возвращался к родителям, Марат взял ее руку в свою, и в памяти вдруг всплыло, что именно в эту пору – когда зеленые листья превращались в красные и золотые – они семь лет назад впервые с мужем поцеловались.

– Ты меня любишь – хоть немножко? – ее глаза заискрились.
– В кино, что ль, сходить, а, Маратик? Давно мы что-то не ходили никуда.

Она потянулась к нему, и муж ее поцеловал. Губы у него были холодные и сухие, но Юля этого почти не заметила. А затем Костик закричал.

Васандеевы проходили мимо потертой двухэтажки, окна которой заросли сиренью. Сын опередил родителей шагов на тридцать и, увидев что-то в кустарнике, заинтересованно вытянул голову. Как раз в тот момент, когда Юля потянулась за поцелуем к мужу, Костик нырнул в кусты – поближе к перевернутой набок коробке из-под старого телевизора. Там копошились и поскуливали несколько мохнатых комочков с черными ушками. А затем серой стрелой к нему метнулась взрослая собака – не слишком миролюбивая сучка Найда, которую подкармливали несколько здешних кумушек. Одна из них и принесла два дня назад коробку для кутят.

Почему лохматая мамаша решила, что Костик угрожает ее выводку – об этом так никто и не узнал. Сучка вцепилась мальчику в левую руку и взрезала ему запястье острыми клыками. Ребенок закричал от боли и выбежал на тротуар, подняв окровавленную ручонку навстречу родителям. Ему вслед залаяла обозлившаяся Найда.

Юля, расширив от ужаса глаза, бросилась к сыну и тут же, плача, стала осматривать рану. Марат несколько секунд не двигался с места, глядя на кусты. На сына и жену он не обратил внимания. Костик кричал от боли и рыдал в голос, и Юле казалось, что ничего страшнее этих звуков она еще не слышала. А затем муж прошел мимо и нырнул в сирень. И буквально через несколько секунд под балконом потертой двухэтажки разверзнул пасть настоящий звуковой ад. Сначала супруга Васандеева услышала глухой тяжелый удар и визг Найды. А потом кто-то там, в сиреневых кустах, добрался до коробки с кутятами.

Всё длилось недолго, но Юля за это время успела забинтовать руку сына своим шейным полупрозрачным платком и на руках

унести его почти на сотню метров назад – подальше от звуков, от которых стыла кровь в жилах и холодел позвоночник. Кто-то методично рвал и топтал, превращал в мертвое месиво комочки с черными ушками – и старался не пропустить ни одного. Там на минуту из ниоткуда возник завод – сборочный конвейер смерти, где нельзя пропустить кого-то и оставить в живых. На хорошем предприятии так не принято.

Юля правда не хотела смотреть – она бы дорого дала, чтобы не увидеть именно этого момента. Но не смогла. Глаза ее оторвались от укушенной руки сына и посмотрели вперед. Потом, когда у них случился тот самый скандал, она в запальчивости прокричала ему это – и получила свое. А потому что нечего выпендриваться...

– У тебя на губах была шерсть! – содрогаясь от ужаса, говорила она ему. – Красный пушок от их шерсти! Слышишь? Что ты там с ними сделал в кустах?

Она собирала одежду, документы и деньги в страшной спешке. Слезы давно высохли, остались только страх и боль – в тех местах, куда полторы недели назад попал кулак ее мужа. В лицо он ее не бил, руки уже не заламывал.

Да, раньше ограничивалось именно этим: Марат резко выкручивал ей руку и, прижав лицом к стене, принимался шептать ей в ухо. Это сильно пугало ее, особенно в первые два-три раза. Но в конце концов из-за сына можно и не такое перетерпеть. Мало ли у кого какие бывают странности? Подруга с работы, сидевшая за соседней кассой, как-то шепнула Юле, что ее муж может заниматься этим только на природе. Из-за этого они не раз попадали в смешные и нелепые ситуации.

Женщина решила про себя, что мужья вообще – существа непростые. И если уж родила от такого, то терпи и не выпендривайся, как любит говорить Маратик. Но полторы недели назад всё изменилось. Скандал начал он сам – заговорив про сложности на своей работе.

– Я увольняться буду, Юль. Там невыносимо работать больше.

– А куда? Уходить-то надо не в пустоту – сначала поискать новое место нужно.

Муж сузил глаза и пригладил усы двумя пальцами.

– Ну, еще ты меня учить будешь! Найду, не беспокойся. Я, может, вообще хочу пока дома отдохнуть. Несколько месяцев посижу-покумекаю.

– Да у нас же кредит! – не выдержала Юля и тут же пожалела об этом.

– Опять выпендриваешься? – жилки на лбу у него вздулись, он смотрел на нее так, будто оценивал.

– Это ты сам выпендриваешься! – не выдержала мать Костика, которая вообще-то была не из робкого десятка – по крайней мере, еще каких-то семь лет назад. – Моей зарплаты не хватит на квартиру, еду и кредит. Я...

И вот тут он ее ударил. Не вставая с места – в грудь. Та охнула, пошатнулась и начала оседать на пол. Он навалился на нее сзади и стал бить коленками и кулаками. Первые полминуты она не кричала: думала, что он перестанет. Но ее сильные, тихие стоны только раззадорили мужа, и он перешел на пинки.

На крик прибежал игравший в зале Костик и, открыв рот, стал смотреть на родителей. Марат его заметил не сразу, поэтому сын наверняка успел увидеть многое.

Ей пришлось обратиться в больницу, хотя, слава Богу, серьезных ушибов не было. Но почки все-таки частично пострадали. Заявление в полицию она тогда так и не написала. А вот вчера дошло и до этого. Она сумела вырваться от взбешенного мужа и запереться в детской комнате. Дрожащими руками набрала номер и через 20 минут приехала дежурка. Эти 20 минут ожидания были страшнее его ударов и странного шепота в ухо.

Он уговаривал открыть, угрожал разбить дверное стекло, матерился так, что Юля закрывала сыну уши. Именно тогда она сказала ему через дверь о том, что увидела, когда Марат вышел из кустов сирени – о собачьем пушке и крови на его черных усах. Муж после этого затих на целых десять минут, а потом полицейские застучали в дверь.

Ее приютила подруга. К матери она не поехала, так как знала, что именно там он будет искать ее в первую очередь. А затем началась мучительно долгая процедура развода и дележа совместного имущества.

Глава 4. Группа помощи

– Я нечаянно! Я же только улицу указала – номера дома не было, я его точно не написала! – Светик хныкала и скулила. Слезы щипали ей щеки и щекотали нос, она шмыгала и вытирала их пухлым кулачком.

– Не написа-ала, – передразнила Наталья, не смотревшая в ее сторону. – Я уж сто раз упоминала и в постах, и в комментах об этом! Нефиг вообще лезть, если не умеешь. Помогать – помогай, а в группе не пиши больше ничего. Понятно? Или тебе про беседку в парке напомн...

Говорившая осеклась и быстро взглянула на девушку. Светик шмыгнула носом и, вздохнув, кивнула головой. К группе помощи она прибилась через ту же Наталью («Натаху» – как ее звали друзья и администраторы в ВК). Так-то она года два до этого волонтерствовала в частном собачьем приюте в Поповке, но это – по словам резкой Натахи – не считается.

– Чушь собачья – вот что такое твоя Поповка. Сколько там собак-кошек содержится? Сколько? Тридцать пять? Курам на смех! Мы за месяц пятьдесят пристраиваем. И не просто пристраиваем – а лечим, стерилизуем и следим, чтобы они потом снова на улице не оказались. Понятно?

Света с искренним восхищением смотрела на свою старшую подругу, которая вполне годилась ей в матери. Она на многих смотрела с восхищением, и этих многих такой подход к людям напрягал.

– Светик, ты в жизни-то вообще что хорошего видела? – спрашивала ее Татьяна Федоровна, самая пожилая в их группе. – Отца не было, мать испарилась, бабка из тебя личную рабыню сделала. А ты от всех встречных-поперечных просто млеешь! Да разве так можно, дурочка? Тебя уж сто раз обманули и еще сто тыщ раз проведут. Доверять никому нельзя!

Шестнадцатилетняя волонтерка кивала в ответ светлой головой и радостно смотрела на своих повидавших жизнь наставниц. Те только разводили руками. Правда, сейчас радость потухла в Светикиных глазах.

– Ну скажи, тетя Наташ, неужели они тоже убили этого таксёныша? Как же так можно? – спрашивала девчонка и снова готовилась плакать.

– А куда же он по-твоему делся? Я миллиард раз говорила: конкретный адрес пишем только в личку проверенным людям. Ты видела, сколько в нашей группе подписано человек? Двадцать три тысячи с хвостиком. И ты думаешь, что все они – хорошие люди? Черта с два!

Когда Наталья говорила о числе подписчиков их группы Вконтакте, тон ее смягчался и настроение всегда улучшалось. Ведь именно она пять лет назад эту группу и основала. Именно она ее раскрутила – и теперь всё работает, как часы. Точнее – работало...

– Ладно. Попробуем сейчас еще пост сотворить – может, таксёныш твой просто в другой микрорайон подался. Или хозяева настоящие нашлись, – Натаха говорила это без особой надежды. Раньше, буквально месяц назад, ее тон был бы более уверенным. Но в последнее время что-то изменилось. В их городе появился кто-то (*они*, как называла эту неведомую силу дурочка Света) серьезный и быстрый. Кто-то очень умный и жестокий.

Всё началось с той кошки – с Ленинского района. Одна из левых «френдов» часов в девять вечера выложила в принципе банальнейший пост: мол, там-то там-то, на Робеспьера, 51, в третьем подъезде кошечка окотилась. «Я взять домой не могу, а сосед с третьего этажа грозит их всех на улицу выкинуть. Ночью уже холодно, я боюсь за котят. Кто может взять на передержку?» – и всё в таком же духе.

Обычно в комментариях быстро проявлялись волонтеры – из тех, кто живет поблизости: кто-то мог подкормить, а кто-то на месяц-другой угол предоставить. Затем по обычной программе: котятки подрастали, их прививали, обрабатывали от паразитов, стерилизовали – и раскидывали по хозяевам. В группе были и люди, которые собаку съели на организации всяких выставок-продаж животных. В общем, не мытьем, так катаньем найденьшей пристраивали.

Но с кошкой на Робеспьера что-то пошло не так. Когда до подъезда в одиннадцатом часу ночи добрались местные девчонки, состоявшие в группе второй месяц, там никого не было. Автор поста (левый «френд») разводила руками и божилась, что полчаса назад коробка с котятами стояла возле подъездной батареи на первом этаже.

Волонтеры обыскали соседние подъезды, а после разбрелись по домам: кому в школу завтра, кому в универ. А на следующий день в ВК – душераздирающий пост о том, что котят нашли на помойке.

«Это ужас, девчонки! У каждого на шейке – шнурок. Вы понимаете? Я даже фоткать не стала – не смогла. Тут маньяк действует, больной на всю голову. Весь вечер проплакала» – снова из заметок той же френдихи.

Стати, ее обращение к читателям «девчонки» – не случайность. В созданной Натахой группе процентов 95 подписчиков – женское население их города.

– Мужикам это всё нахер не надо! – говорила Натаха – как всегда в своем резком стиле. – У них телек, футбол и бабы голые – вот весь круг интересов. А ведь чиновники, которые могли бы бродячими кошками-собаками на бюджетные бабки заниматься, – все, как на грех, мужики. Я миллиард раз в мэрию по этому поводу писала: нужен хороший муниципальный питомник, нужна программа по стерилизации, поддержите тех, кто частные передержки содержит – хотя бы жратвой. Не-а. Ноль реакции. Мужики, блин, это такая скотина – их самих стерилизовать надо...

Татьяна Федоровна, бывшая училка математики, посмеивалась в ответ на эти феминистские тирады основательницы группы и говорила, что шансы у Натахи когда-нибудь выскочить замуж «давно находятся в седьмой размерности евклидова пространства».

После случая на Робеспьера никто из администраторов-основательниц так и не допетрил ввести новое правило – ни в коем случае не указывать в общедоступных постах точный адрес найденышей. Итогом такого разгильдяйства стал еще один дикий случай.

12 сентября (эту дату Наталья запомнила точно – у нее как раз днюха случилась) ей в личку прислали письмо: «На 40 лет ВЛКСМ бегают беременная собака – кажется, породистая и даже с ошейником. Людей вообще не боится, ко всем идет. Нужна передержка». И фотку со смартфона переслали.

Нет проблем. Натаха состряпала пост, прикрепила фотку и, естественно, указала адрес – дескать, те, кто там поближе, откликнитесь, пожалуйста! Отклики пошли сразу же. Помусолили тему в комментариях, определились, кто идет. Даже с колесами проблем не возникло – это чтобы потом собаку в ветклинику на проверку отвезти. И вдруг – дежавю, блин. Не могут найти, вот бегала только что и – пропала.

Натаха уже тогда ночью сообразила, что дело нечисто. Утром она сама поехала на 40 лет ВЛКСМ, хотя и дела в компании были,

и микрорайончик этот – не ближний свет. Одну только ошибку она тогда сделала, о которой и сейчас жалела, – взяла с собой Светика. Светловолосая «радость», как называла ее Татьяна Федоровна, прыгнула к ней на борт – на переднее сиденье ее «Киа» – и вылезть не захотела. А у Натальи под ложечкой сосет: интуиция у нее при опасности обострялась так, что самой страшно становилось.

Приехали на место, стали объезжать микрорайон. 40 лет ВЛКСМ одним концом в федералку упирается, другим – в парк. Когда подъехали к деревьям, Натаха еще затормозить не успела, а ее горе луковое уже – прыг на тропинку и ускакала. Пока основательница группы пристраивала тачку, пока цокала своими каблучищами по тротуару, не решаясь залезть на размокшую тропку парка, Светик ушла Бог весть куда. И через пятнадцать минут выбежала навстречу растрепанная, без шарфа, в слезах и соплях. Старшая не могла добиться от нее ничего связного целых полчаса. А затем потопала туда, куда указывала Светик. Лучше бы она сразу уехала, блин.

Совсем недалеко от тропки на спуске к небольшому оврагу виднелся остов беседки. Ржаво-гнилое строение, наверное, сохранилось еще с советских времен и пережило многое: на ее лавках не раз разводили костры, не по-детски гадили и внутри, и снаружи. Однако, как ни странно, металлическая крыша с потрескавшимся шифером сохранилась. Именно уцелевший навес позволял старой беседке не развалиться и не сгнить окончательно.

Шестое чувство Натахи тут же подсказало, что причина истерики Светика – там. Она раздвинула ветки и, вдавливая каблучками опавшие красно-желтые листья, подошла к обугленному боку строения. Судя по смартфонской фотке, у собаки была черно-коричневая лохматая шерсть и длинные забавные уши. В крови у нее точно намешано что-то от кокер-спаниелей и шнауцеров. Однако теперь утверждать так Наталья не стала бы. Ей вообще теперь было наплевать и на породу, и на цвет шерсти беременной сучки.

Отрезанная длинноухая голова была насажена на верх немногих досок, что остались от напминавшего частокोल ограждения беседки. Сердце у подошедшей подпрыгнуло куда-то ближе к горлу и там остановилось, едва подрагивая. Собачья голова смотрела на Натаху, не мигая. Черные, вылезшие из орбит глаза, будто две взорванных изнутри лампочки, стекленели на морде убитой.

– Урод, – как она говорила потом Татьяне Федоровне (Наталья

не сомневалась, что изувер – мужского пола), – умудрился вырезать ей веки. Понимаешь? Разве может так сделать человек?

То, что валялось на лавке – мелкие и крупные кусочки собачьей плоти и шерсти, потертый ошейник – пришедшая не стала разглядывать. Ее «железный желудок», который, как она уверяла, мог переварить и гвозди, и собачьи консервы, вдруг изменил ей. Отбежав от беседки, женщина переломилась пополам и освободила себя от легкого завтрака. Выйдя на тропку, она достала из сумочки влажные салфетки и вытерла губы.

К своей «Киа», где на переднем сиденье скрючилась фигурка светловолосой, она подходила уже прежней Натахой. Сев за руль, она сузила глаза и некоторое время смотрела на лобовое стекло, покрытое мелкими каплями осеннего дождя.

– Не бойсь, Светик, – сказала она и повернула ключи зажигания. – Мы этого гада еще прищучим. Попадись он мне только!.. Сатанист гребаный.

Однако ночью, пряча руки под одеяло на своей одинокой большой кровати, она плакала. Плакала не потому, что ей было страшно и очень жалко убитого кокера – хотя было действительно страшно и жалко. Она чувствовала, что и здесь, как в не слишком удавшемся бизнесе и в несостоявшейся семейной жизни, кто-то снова встал на ее пути. Кто-то опять и опять разрушает ее законное счастье. И эта сволочь, этот козел – точно мужского пола.

Натахина мать была ветврачом с большим стажем, отец – инженер-механик на автозаводе. И та, и другой умерли лет семь назад.

– Животные, как люди, Таша. Только лучше, намного лучше, – любила повторять ее маман. И дочка не возражала.

Отец у них в семье всегда был на втором и третьем планах.

– Федь, надо бы окна заменить на кухне! – бывало говорит маман; отец кивает. – Федь, лучше пластиковые или деревянные? Пластик-то, вроде как, на легкие влияет, – отец кивает.

– Чего киваешь? – злится мать. – Пластиковые или деревянные? Наверное, лучше пластик – как у всех?

В итоге ставят пластиковые. Когда маман притаскивала с собой полубольную кошку или прооперированную собаку, которых хозяева привели в ветклинику, чтобы усыпить, – никто не возражал. Таша

к этому давно привыкла, а отец – даже если очередные лохматые постояльцы гадили ему в тапочки – лишь кивал и соглашался.

Первый ухажер у Таши появился еще в десятом классе. Она давала ему списывать, он водил ее в кино. А потом она встретила его с шалавой из параллельного класса – и всё, тью-тью, гудбай, мой мальчик. Вали, одним словом, к своей расфуфыренной Катьке.

Она потом не позволяла себе влюбляться до последнего курса в институте. Училась на экономиста, получала только повышенную стипендию и посылала всех ухажеров лесом.

Так-то она сама ничего была: стрижка каре, губы подкрашены, груди – побольше, чем у остальных. Есть, в общем, за что зацепиться глазу. Но – идите лесом...

И вот тут-то объявился новый препода – Евгений Николаевич. Скажите пожалуйста! Чуть полноватенький, очки с золотой оправой, усы, как у певца Игоря Николаева, на лекциях – постоянно шутит. И глаза – она влюбилась в него из-за глаз. Когда он глядел светло-карим оком из-под очков, айсберги таяли и камни говорили.

В универе (тогда – еще институте) была столовая на первом этаже – точнее не столовая, а так – «чайхана», как ее прозвали студенты. Как-то после лекции она увидела, что мечта всей ее жизни сидит за дальним столиком один-одинешенек с надкушенным пирожком на тарелочке. Пьет кофий.

– Можно? – подсаживается к нему Таша и сама задыхается от собственной наглости.

– Гм-м. Конечно, Борьк... Бори...

– Борисова, – подсказывает девушка и улыбается. – Наталья Борисова. Пятый курс.

– Точно. Я пока еще не запомнил всех. Что-то вы припозднились – уж пятый час ведь? – Евгений Николаевич поправляет очки. Он лет на десять старше ее, но выглядит младше, чем Ташкин брат, которому всего двадцать шесть.

– А у нас сёдня репетиция – последний звонок готовим. Придете к нам в июне?

– Ну, до июня еще дожить нужно, Наташа, – отвечает препода и краснеет. Чуть-чуть. Она его о-бо-жа-ет!

– Доживем, куда мы денемся! – смеется его собеседница тоненьким голосом, хотя все подруги в общаге (с родителями она не жила принципиально) часто говорили ей: «Ты, если заржёшь, Таш-

ка, консьержка на первом этаже за сердце хватается! Чистый конь, ей-богу».

Затем они еще раз в чайхане пересеклись – уже ближе к зимней сессии. Таша к тому времени правдами-неправдами выведала о своем принце с золотистой оправой практически всё. Так она думала.

– Не женатый он, девчонки. Вот клянусь! Точно знаю! – докладывалась она своим одноклассницам, бытующим с ней в одной общаговской комнате. – Живет с матерью на Кирова. Девятиэтажный дом.

– Ты чё, Ташка, сумасшедшая? Следила за ним, что ли? – Маринка гогочет, театрально упав на разобранную кровать.

– Ну и что, что в этом такого? – Наталья отходит к окну и смотрит на падающий снег. – Я гуляла, он – шел с универа. По пути всё было.

– Ага, рассказывай. «Следствие ведут знатоки», блин. По пути! Общага налево, Кирова – у черта на куличках, – худющая Тайка зеваает. – Ничего у тебя с ним не выйдет. Он старше, маменькин сынок и – самое главное – препод. И он – толстый!!

– А чё: препода – не люди, что ли? – возражает Маринка и снова гогочет.

Ташка дуется на подругу за слово «толстый», старается не обращать внимания на говорящих и смотрит на снег.

Встретаться начали в феврале. День влюбленных в начале 1990-х годов был в новинку; он преподнес ей шоколадный торт в виде сердца. Потом было роскошное кафе – «Золотой телец» называлось. Там играл саксофонист с белой бородой, и посетители могли заказывать музыку.

– Знаешь, Натали, эту песню Крис де Бург посвятил своей жене Диане, – шепчет ее кавалер, пока они плавно качаются туда-сюда под «Lady in Red». И у нетрезвой Таши всё плывет перед глазами – не от выпитого и не от звуков саксофона, а от его слов «Натали» и «своей жене».

– Дальше, казалось бы, должно пойти как у всех, – разоткровенничалась она разочек с Татьяной Федоровной. – Долой девственность, вперед к семейному счастью. Он, сволочь пузатая, пригласил меня как-то к друзьям – якобы отметить день рождения хорошего человека. Я тогда вообще ничего не видела и не слышала: как говорили общаговские девчонки, если выключить свет, могла по но-

чам комнату глазами освещать от радости. Разоделась, купила новое платье на родительские деньги, подружки меня провожали – будто на свадьбу...

Наталья заявила в условленный час «на хату», а там – странности за странностями. Сидят два незнакомых мужика и Женя, то бишь Евгений Николаевич. Ее ухажер верхнюю одежду у нее принимает, за стол провожает. На столе – пир горой. Салаты, пицца, вино, водка.

– Вот, Натали, разреши познакомить – Сергей Сергеевич, мой друг, ему сегодня, как Христу, тридцать три исполнилось. И еще один мой товарищ по аспирантуре – Анатолий Иванович.

– Ну что ты, Женька! – улыбается именинник. – В старики-то нас записал. Серега да Толян – все дела. А то по отчеству – бр-р, не люблю.

– Сидим мы, значит, – Натаха снова возвращается к своему откровению для Татьяны Федоровны. – И постепенно выясняется, что никого, кроме нас, четверых, и не будет вовсе. Ну, ноу проблемс. Сообразим, как говорится, на четверых. А чё такого: Женя с подружкой и двое его приятелей отмечают днюху? Так ведь? Так да не так, дорогая моя Татьяна Федоровна. От козлов добра не жди никогда. Ни-ког-да.

Таша лишь потом поняла, что ее поили, словно последнюю деревенскую дуру. Наливали и подливали, мешали и перемешивали.

– Думаете, я только их виню, а себя нет, Татьяна Федоровна? Я же понимаю, что и я виновата в этом – пришла сама, пила сама. Но, Господи, я ведь была молодая влюбленная дуреха – вот совсем, как Светик, разве что постарше. А он – пре-по-да-ва-тель. Крис де Бург гребаный, леди ин ред, понимаете?

Сначала она пробовала, кажется, сопротивляться. Затем перестала. Потом вообще отключилась. Но четко помнила одно: они делали это все втроем. Не по одному, а именно втроем – с ней. И делали долго.

Заявлений в полицию (тогда еще – в милицию) никаких не было. И родителям – никаких объяснений.

– Ушла из института в конце пятого курса. Со справкой. И так потом и не восстановилась: незаконченное высшее у меня. Я даже вид этого здания университета теперь на дух не переношу... Ну что, Татьяна Федоровна, вы теперь мне будете доказывать, что мужики бывают разные? Ни хрена подобного. Все – сволочи. До последнего.

Потерянную таксу они тогда, к великой радости Светика, нашли. Странные пропажи и убийства бродячих животных тоже вроде бы не повторялись больше. Но Натаху на мякине не проведешь: она ощущала, что кто-то держит их группу под колпаком. Чувствовала своим внутренним радаром, как чьи-то злые темные глаза следят за каждым ее Интернет-движением, чтобы нанести очередной удар.

– Интуиция, Светик! У меня, как у старой ведьмы, волосы на загривке начинают шевелиться, когда я приближение чужих слышу. *Он* или *они*, как ты говоришь, где-то рядом. Так что – никаких адресов! Только в личку. Будем выжидать.

Интермедия 4

Над ней – удивительное. Неопределимое. Она не знает слов «красное, круглое, погремушки, веревочки». Зрение у нее еще очень смутное: очертания лиц становятся видны лишь вблизи. Но маму она узнает сразу – стоит той лишь показаться в дверях и улыбнуться. Мамина улыбка освещает весь мир, и девочка тянется к ней, хочет схватить маленькими ручонками, но не может.

А вот то, что над ней – красное, круглое, удивительное – она может схватить. Но не ручками. Просто – схватить. И погремушки гремят, веревочки вертятся, а Светик смеется...

Мама исчезла, когда ей исполнилось четыре. «Исчезла» – это почти в буквальном смысле. Однажды она ушла на работу, а Света осталась с бабушкой. И больше маму они не видели. Искали, обращались в милицию, много плакали.

За два-три года бабушка Марья Петровна превратилась в бабку Машу – сварливую, строгую старуху, которая свою внучку любила, но повторять прежних ошибок не собиралась.

– Я твою мать расслабила слишком, – говорила она Свете. – И вот что из этого вышло: кинула она нас, как последних дворняжек. За отцом-дураком твоим, наверно, пошла. Оставила жить старуху и девочку на одну пенсию. Так бывает, когда молодым слишком много позволяешь. С тобой я этого не допущу!

Впрочем, строгости ее, в основном, сводились к четкому расписанию: Светик должна – вот хоть ты умри – быть дома не позднее 18-00.

– Мне на твои звонки наплевать. И на возраст наплевать. Шесть часов вечера – будь любезна пожаловать домой. Иначе – ты меня знаешь!

Света знала. Бабка в детстве драла ее часто, но не больно. Да и бросила она такое воспитание, когда той исполнилось десять.

– Я какой-никакой, а педагог, – ворчала бабка Маша. – В детсаде отработала без малого четверть века. Детей после десяти лет воспитывать уже поздно. Ты у меня уже воспитанная.

Еще одна старухина особенность – она на дух не переносила животных и птиц. Любых.

– Ты вот мне перышко от канарейки или волос из задницы кота покажи издалека – я уже чихать начну. Так что даже не заикайся, поняла? Да и негде у нас! – так реагировала она на редкие просьбы внучки завести какого-нибудь завалявшегося хомячка в их однокомнатной «хрущёвке». Зато Светик впадала в редкую разновидность кататонии при одном виде лохматых и четвероногих.

– Ей-богу, Тонь, ведь дура дурой! Замерла посреди площади, и я с ней раскорячилась, как баба-Яга. Охаю-ахаю, да ты что, Светонька, что с тобой? Ведь стоит недвижима, как статуя! И zenки остекленевшие, ага. А потом-то оказывается – она лошадь увидала! Елки-палки! Петуха гамбургского узрела! Эка невидаль! – рассказывала она соседке по лестничной площадке о своем походе с внучкой на День города.

Старуха праздников не любила, людской толчеи тоже. Но в тот раз восьмилетняя Света была в ударе и сумела уломать бабку. Вот там-то на площади в толпе она впервые увидела украшенную в ленты лошадь, которую впрягли в имитацию сказочной кареты. Сутки Светик грезила наяву и ни о ком другом не могла говорить и думать. Бабкино сердце дало трещину, и она таки записала ее в местный клуб «иппотерапии».

– Свалишься, шею сломаешь – и слава Богу! Я рада только буду, так и знай! – свирепствовала она всякий раз, когда видела, как внучка после школы торопливо собирается на стадион, где дети и их тренеры занимались с лошадьми. Сама бабка Маша ходить туда отказывалась, уверяя, что после будет болеть неделю из-за запаха конского пота и навоза.

– Бабуля, он живой, понимаешь? – рассказывает Светик вечером, сметая с тарелки гречку с подливой.

– Кто живой? – старуха поднимает глаза и смотрит на нее поверх толстых стекол в прозрачной оправе. В руках у бабки – сканворд.

– Ну, Сокол... – внучка прячет взгляд и краснеет.

– Конь твой, что ль? А какой же он еще? Известно – живой!

– Да он, как мы, живой – такой же...

– Охи-ох... – вздыхает мать ее матери и возвращается к сканворду. – Свихнешься ты, Светка, со своими конями. Точно говорю!

А Светик правда теряет голову, когда садится в седло и, покачиваясь, едет по овальной дорожке стадиона. Ей так хочется прижаться к Соколу, зарыться в гриву и говорить с ним, говорить...

Школьных подруг она тоже здорово достала – те в конце концов стали над ней просто издеваться.

– Ну, Светка, расскажи, как ты с Соколом разговариваешь? – с невинным видом спрашивает ее Катька Сорочина. Это был ее любимый прикол, когда они учились в пятом классе.

– Он показывает. И я тоже.

– Что показывает?

– Картинки.

– Как по телевизору?

– Нет. Как на песке – рисунки.

– Светик ду-ура, Светик ду-ура! – напевает в ответ Сорочина.

– Конская гри-ива, врешь краси-иво!

«Конской гривой» ее дразнили долго – до двенадцати лет. До самой желтой машины. Потом – перестали.

Были у Светика и другие странности, из-за которых с ней отказывались сидеть одноклассники.

– Столярова опять руки тянет! – канючит ее очередной сосед по парте. Классный руководитель Светлана Сергеевна чуть вздыхает, поглядывая на свою светловолосую тезку. С «конской гривой» пересидел за пару лет чуть ли не весь класс, пока у Светика не прошла ее причуда.

– Боже, это кошмар какой-то! – делилась наблюдениями в учительской классный руководитель пятого «В». – Я и бабушке ее говорила, а та только брови нахмурит – и вся реакция. Посреди урока, представляете, вдруг вытянет свои худые ручки к окну и тянет их, тя-янет. Ее соседка по парте однажды аж расплакалась: «Не буду, говорит, я с этой сумасшедшей сидеть!».

– Ну вы-то у самой у этой, как ее? Столяровой, да, светленькая такая, я помню... Спрашивали у нее – зачем она так... тянет? Как она сама объясняет это? У нас ведь вообще-то школьный психолог есть. Может, ей и не место, извините, с нормальными-то? – интересовалась завуч по воспитательной работе.

– Да спрашивала, спрашивала, – Светлана Сергеевна пугается перспективе потерять одну из лучших учениц своего класса и торопится ее защитить. – И с психологом она общалась много раз. Так-то она на «отлично» ведь учится.

– На «отлично»? Хм-м. И что она говорит? – завуч берет чашку чая и шумно пьет.

– Энергия. «От солнышка идет – вот я ее «пью», – говорит...

Брови завуча округляются, она молча допивает чай, а затем снова интересуется:

– А психолог, Роза-то Николаевна, что? Какой диагноз-то ставит?

– Да так, – пожимает плечами ее собеседница. – Пройдет, говорит, может, само собой. С возрастом.

И точно – прошло это у Светика. В школе она так перестала делать. А дома-то кто за ней уследит? Куда она там руки свои тянет... Но желтая машина изменила всё.

Была весна. Девочка выбежала на улицу и остановилась. Густой, как помутневшее стекло, туман расползлся по двору, крышам автомобилей, висел на ветках деревьев. Она, расширив глаза, смотрела вокруг, и всё ей казалось сказкой.

– Если я не буду наступать на трещинки в асфальте, то Сорочина дразниться сегодня не будет. И туман не уйдет – со мной полетит, – решила она и, повеселев, побежала в школу. Таких «примет» она выдумывала по десятку на дню и потом старательно соблюдала условия договора. Возле школы – на «односторонке» – трещин, как назло, было пруд пруди. И Светик стала старательно их обходить:

– Одна, вторая. Ой, нельзя! Назад, еще назад... Ой!

Потом медэкспертиза показала, что водитель такси был полностью трезв.

– Торопился клиент – на поезд опаздывал, понимаете! И туман этот чертов. Еду, как обычно, – да вроде все соблюдал: скорость сорок, потом лежачий полицейский. И вот из ниоткуда она прыгнула – как из дыры какой-то, честно слово. И под колеса прям! – таксист

эту историю сотни раз на разные лады потом пересказывал – в полиции, друзьям, жене, на посиделках с приятелями. Запомнилось ему это надолго: дали полтора условно и еще на два года запретили за баранкой сидеть.

А у Светика – перелом в двух местах правой ноги и серьезное сотрясение мозга. Бабка сутки из реанимации не вылазила, пока она в себя приходила.

Поправившись, девочка изменилась и внешне, и внутренне.

– Что-то толстеть она у тебя стала... Корми ее поменьше, – рекомендовала бабке Маше соседка по площадке.

Марья Петровна в ответ лишь рукой махала. Толстеть – это полбеды. Раньше Светик была веселее солнышка, а теперь ходит, словно кто-то камень ей на шею повесил.

– Я, бабуль, не хочу больше в клуб ходить... – сказала она однажды за завтраком.

– Да чего ты шепчешь-то? Говори шибче – совсем рта не открываешь, – хмурится бабка.

– Не пойду больше я к лошадям!

– Почему это? – удивляется старуха. – А Сокол как же?

– Не пойду! Не слышу я его больше! Понимаешь! Не слышу! – и в слезы.

– Ну не ходи, – Петровна огорчается ее слезам. – Баба с возу – кобыле легче. Ты только не реви. Болит головка-то?

Светик вскакивает из-за стола и убегает в комнату. Бабка Маша снимает очки, протирает их и смотрит в окно. В глазах ее тоже дрожат слезы, но не из-за очередной внучкиной причуды. Просто вспомнилось что-то. Что-то связанной с дочкой – такой же причудницей.

– Где ж ты, моя горемычная? Неужто написать-позвонить сложно? Жива ли? Э-эхх...

Глава 5. Сны

– Как у тебя бабка-то? Поправляется? – Натаха в темно-красном пиджаке и такой же юбке сидела, положив ноги в черных колготках на журнальный столик – привычка старая, подсмотренная, видимо, в сериалах. Поза словно говорила возможным посетителям: мой офис, что хочу – то и делаю. Полупрозрачный дым от ее длинных сигарет поднимался к натяжному потолку и там растворялся.

– Ага! – Светик взяла пухлой ручкой еще одну печенюку. – Второй раз ее прихватывает. Сегодня она уже дома – выписали.

– Инсульт – дело такое, серьезное. Но ты не бойсь, Светулек, если бабку шибанет окончательно – я тебя под опеку возьму, – основательница группы гогочет. Ее давние общаговские подруги наверняка бы вспомнили в этот момент про консьержку, хватающуюся за сердце.

Светик хмурится, что с ней случается редко.

– Ну, не дуйся, – женщина в красном лохматит светловолосую голову своей собеседницы: посторонний мог бы действительно подумать, что они мать с дочерью. – Ты лучше скажи, куда пойдешь, когда ЕГЭ свои дурацкие сдашь? В этом году выпускаешься?

– Ага! – лицо девчонки снова светлеет. – Нас с пятого класса на ОГЭ-ЕГЭ натаскивают – уже слышать про них не могу.

– Ну так куда пойдешь? Может, ко мне? Возьму тебя в свою управляющую компанию – будешь как сыр в масле? А? Да шу-чу-шучу...

– Я хочу... только вы не смейтесь, тетя Наташ!

– Ну?

– На кинолога учиться пойду.

– Кого? – Натаха спускает ноги на пол. – На кого? Кинолога? Да это разве профессия? Собачья работа, Светка. Тебе надо в сельхозакадемию – на ветеринара какого-нибудь. А уж с таким фундаментом тебя куда хошь возьмут – и в кинологи, и в мультологи...

Борисова опять гогочет над своей шуткой.

– Так я это... Теть Наташ... Крови боюсь, – Светик бледнеет. – Не переносу совсем. Даже вида.

– Ладно. Решим еще. Давай про группу – чё там, как? Я сегодня даже не заглядывала – времени вообще нет. Тут такая кутерьма: щас же тарифы на содержание и ремонт принимают. Мама дорогая! У

меня старшие по домам все как один взбесились – никто не хочет ни копейки уступить. Ужась, одним словом! – Натаха пересела поближе к ноутбуку, стоявшему на краю высокого черного стола. Светловолосая пристроилась рядом с ней на кожаный диван.

– Четыре новых поста – нашли двух кошек, собаку на Ленинградском шоссе и пару кутят на автостоянке, – отчитывалась Светик.

– Про Ленинградское – из лички, надеюсь, узнала? – женщина в красном уже открыла страницу группы Вконтакте.

Девчонка быстро закивала в ответ.

– Хорошо. Ага, вижу. Так, сюда молодежь пошлем – у нас там две школьницы новых объявились. А туда... Катю с Тухачевского. Она не откажет. У нее и место одно освободилось – на передержку. Знаешь, да? Микки наконец-то взяли. Слава Господу, услышал Бог мои молитвы. Катька намучилась с ним. Ну а шоссе мы могли бы сами прошерстить. Надо только списаться со всеми. Угу?

Светик опять кивает:

– Нам тут еще деньги на передержку нужны, и на голодный телефон что-то капнуло. Операцию-то сделали – и всё никак не выплатим.

– Это у Найка операция была? Лохматый такой, весь в зеленке был, я помню. Сколько на голодный за сегодня капнуло?

Девочка ответила, и они на пять минут замолчали, уткнувшись одна в ноут, другая – в смартфон.

– А, совсем забыла! – Света откинулась на спинку дивана. – Сегодня такой звонок прикольный был. Женщина какая-то. Татьяной представилась. Я думала, сначала забрать кого хочет из котят-кутят, а она: «Я давно на вашу группу подписана, вот хотела узнать: вы птиц не пристраиваете?». Я такая: «В смысле?». Она: «Я бы вороненка с удовольствием взяла!». У нее, говорит, жил долгое время ручной ворон – и погиб. Теперь ищет нового. «Очень тоскую, переживаю!», – говорит.

– Охи, охи, ёжики все сдохи! – запрочитала Наталья, не отрывая взгляда от монитора. – Каких только чудачков не наслушаешься. Нам бы с собаками-кошками справиться, а она нам – про ворона. К орнитологам вон пусть в юннатку звонит!

– Вот и я ей то же самое сказала! – улыбнулась Светик.

– Ты все-таки поосторожнее со звонками на сотовый-то, – Борисова зажгла еще одну длинную сигарету. – Мало ли придурков.

Если мужик какой будет звонить – сразу на меня переадресовывай. Лучше вообще только в ВК общаться. Молода ты еще слишком... Ну чё: поедем на Ленинградское? Пока меня кто-нибудь из старших по домам здесь не застукал или чего доброго – из прокуратуры снова начнут мозги канифолить. Собирайся!

Она лежала под деревом, поджав лапки под себя. Боль почти не чувствовалась – только холод. Сил держать глаза открытыми уже не было, поэтому когда кто-то спустился на землю рядом с ней, она это услышала, а не увидела.

– Открывай давай... Ну! – прошелестел чей-то хриплый голос. Она послушно разлепила веки и увидела большую черную птицу. Ее злые глазки-бусинки смотрели прямо внутрь Светика.

– Это хорошо, – прокаркала гостья. – А теперь мне придется взять тебя со мной.

– Я не хочу... – забеспокоилась девочка и поджала лапки сильнее. – Я жду маму, она прилетит за мной!

– Держи карман шире! Прилетит! Как же, как же... Я прилетел за тобой. А матери ты на фиг не нужна. Вставай!

– Нет!

– Вставай или – пеняй на себя! Я не люблю, когда выпендриваются, – черная птица наклонила свою голову и вдруг больно ударила девочку клювом чуть повыше виска.

– Встава-ай! Встава-ай! – карканье раздавалось всё громче, пока Света не вздрогнула и не проснулась.

– Ну, вставай, опять проспичь и позавтракать не успеешь! – бабушка стягивала с нее одеяло, открывая нагретое за ночь тело утреннему холоду.

Внучка откинула голову на подушку, убрала рукой чёлку и посмотрела на старушку. Та встала засветло, успела согреть чай, сварганить гренок и подмести. На лбу ее блестели мелкие бисеринки пота.

– Ну, чего смотришь? – заворчала бабка Маша. – Опоздаешь ведь!

– Бабуль, ты ведь не умрешь? – спросонья голос Светика походил на клекот небольшой птички. – Ты же будешь всегда? Да?

Старуха взглянула ей в глаза, помолчала и отвернулась в сторону окна:

– Чегой ты, Свет, ей-богу... Как маленькая. Конечно, умру. Все умирают.

– Нет, не все! Не все! Ты будешь еще долго-долго жить. Обещай мне! Обещай! – возразила внучка и вытянула руки в сторону старухи. Точнее, так сначала подумала бабка, глядевшая на нее сбоку. Когда Марья Петровна посмотрела на нее внимательнее, она поняла, что Светик тянется к окну.

– Батюшки! – не выдержала наконец старшая. – Неужто опять? Причуды твои? Ты ж бросила это дело – потяготины свои...

– Это я не себе, – обиженно ответила девчонка. – Это я тебя солнышком кормлю. И у меня, кажется... Получается!

– Я те-е дам, бесстыдница! – заворчала Петровна, но в голове ее дрожали нежные ногтики. – Давай-ка шementом в ванную. Вон титьки уже выросли, а бабка тебя всё будит по утрам – как в ясли собираю ведь, ей-богу!

Света засмеялась, спрыгнула с кровати и побежала в одной тапочке в ванную (там же, по хрущевским традициям, находился и туалет). Бабушка подняла было вторую тапку, но снова плюхнулась на кровать и посмотрела в окно. Осень стряхнула почти всю листву со старого тополя, и теперь его оживляли лишь два суетливых воробья и одна крупная черная птица, прислонившая голову к стволу. Без очков Марья Петровна не смогла толком рассмотреть, куда направлены глаза ворона, но ее вдруг пробрал озноб. Она медленно приподнялась и задернула желтую занавеску.

В школу Света ходила через парк – по протоптанной тропке, петляющей от дырки в решетчатом заборе до самого асфальта. По дороге она попыталась вспомнить сон, который напугал ее. Единственное, что осталось в девичьей памяти – удар клювом. Место над ухом чуть повыше правого виска до сих пор побаливало.

– Какая же птица там была? Черная и большая. Ворон, что ли? – спрашивала она себя. – Наверное, вчерашний звонок этой Татьяны так повлиял. И...

Девушка затормозила так резко, что чуть не упала. Она покачнулась и перед глазами вместо деревьев и асфальтовых тропок парка замелькали высокие темные стеллажи.

«Где ты, Матрешечка? Цып-цып-цып! – услышала она хриплый мужской голос. – Выходи, поросеночек!».

Потом всё встало на свои места. Она помедлила еще минуту и, вынув сотовый, посмотрела, сколько времени. Ойкнув, Светик нахлобучила капюшон зеленой куртки и побежала вперед.

В школе на биологии она удивила многих: ее руки сами по привычке потянулись к окну в сторону солнечных лучей. Учитель замолчала, глядя на светловолосую. В выпускном профильном классе с ней учились всего человек шесть из прежних одноклассников, которые помнили ее «причуды». В последний раз она так делала в классе шестом, и об этой ее странности успели позабыть.

На большой перемене к ней подкатила Бочкова Настька – бывшая староста их девятого «В». Они дружили давно, но общались, в основном, только по школьным делам.

– Светка, у нас тут такое, такое! – затараторила она: Настька всегда куда-то спешила и не могла долго стоять на одном месте. – Ты же в этой группе помощи бездомным собакам состоишь еще?

– Да! – Светик насторожилась.

– Представляешь, у Кольки – ну черный такой, Фомин фамилия, знаешь? Ну, не важно, он в третьей школе раньше учился. У него собака такая пушистая, большая – прелесть просто. Белкой зовут. А они переезжают – и девать ее некуда. А ей уж лет девять, наверное, старая, да. И они ее усыплять собираются, ты подумай! Ее... Да чего ты побледнела-то? О-о, глаза на мокром месте. Ты даже не видела ее ни разу – уже переживаешь! – бывшая староста покачала головой и переступила с ноги на ногу: ей уже хотелось бежать дальше по следующему неотложному делу.

– Сколько они еще могут подождать? Мы ее заберем, слышишь? Скажи им!

– О, я так и думала, что к тебе надо идти! Не бойся, еще целый месяц впереди. Я им скажу, что нашла, куда пристроить Белку. Все нормально будет – они же не изверги какие-нибудь. Просто не знали, куда деть.

Светик закивала, заулыбалась и сказала, чтобы Бочкова обязательно дала Кольке номер ее сотового. Затем прозвенел звонок.

После уроков она, как обычно, пошла не домой, а на Автозаводскую – в Натахин офис, над входом в который висела большая вывеска: ООО «Домсервис+» – красными буквами на белом фоне.

Здесь директор просто обожала красный цвет.

– Наталья Федоровна сегодня не в духе, – успела шепнуть девочке секретарша перед тем, как та шагнула в кабинет.

– А-а, ты, Светик... – рассеянно протянула основательница группы помощи и потушила сигарету о край пепельницы. – У меня просто завал сегодня. Садись. Хочешь чаю?

Пока чаевничали, школьница рассказала про Белку, Натахин стационарный телефон звонил трижды и всякий раз беседу с нетерпеливым абонентом брала на себя секретарша.

– За месяц найдем ей передержку не беспокойся, Светик, – также рассеянно говорила директор «Домсервиса». Потом она неожиданно сменила тему:

– Слушай, а ты снам доверяешь?

Светловолосая поставила кружку на стол и чуть привстала от любопытства.

– Вот знаешь, никогда мне такого раньше не снилось, – продолжила Борисова. – Необычно ярко всё – как вживую. Вот иду я будто по кладбищу, но оно какое-то странное – словно под водой. Трава такая зеленая, пушистая и колеблется от течения – красиво, жуть просто! А кресты, памятники эти и ограды... Не знаю даже, как описать. Вот они какие-то маленькие, что-то в них не так. Я подхожу к одной могилке, а там в холмик врыта доска – обыкновенная плоская доска. К ней прикручена фотка – с датой и именем, всё как полагается. Только вот на фотографии-то этой – птица, ворон, не человек, понимаешь? На меня такой страх напал, я аж проснулась.

Они помолчали немного, а потом девочка спросила свою старшую подругу:

– Теть Наташ, ты сказала, что имя – ну под фоткой – имя там было?

– Ну да. Я не помн... Постой, да-да. Точно. Карл, что ли. Как-то так. А что?

– Да нет, – Света снова взяла кружку. – Ничего. Я просто думаю, а про что думаю – сама не знаю. Глупость, наверно. А Белку мы кому на передержку отдадим?

И они уселись на кожаный диван рядом с черным высоким столом. Натаха поставила на колени ноут, а Светик разблокировала свой смартфон. Настала пора проверить, как там дела в группе.

Глава 6. Прогулка по парку и ярмарка

– Не подходи! – взвизгнула Юля, и эхо ее крика прокатилось по всему двору. Темная фигура отпрянула от нее на несколько шагов.

– Юль, ну чё орешь-то? – Марат показал ей ладони обеих рук, свидетельствуя, что он пришел с миром. – Я не сделаю тебе ничего.

– Где стоишь – там и стой! – отчеканила его жена. Он уловил твердые нотки в ее голосе, которых раньше не замечал.

– Юль, я поговорить. Пять минут – вот здесь на лавке. И всё, уйду.

В свете тусклого вечернего фонаря его лицо казалось желто-черным, глаза блестели как-то незнакомо.

– Ты садись, а я рядом постою, – сказала женщина. – Попробуешь подойти – я в полицию заявлю. И даже не думай, что я от развода откажусь.

– Всё, сел-сел, – Марат приземлился на холодные брусья старой лавки. – Развод так развод. Я согласен. Но у меня есть одно условие. Имею право.

– Условие? – лицо Юли скривилось: ничего хорошего она от него не ждала. – Какое?

– Я всё подпишу, разделим имущество. Квартиру обменяю – всё сделаю. Но только если ты согласишься сына со мной отпускать. На прогулку. Редко. Хотя бы разик в неделю – по выходным. Всё с ним будет в порядке, ты ведь меня знаешь – я за него глотку порву.

– Я тебя не знаю! – отрезала жена и всхлипнула. – Я думала, что знаю, но нет. Ошиблась. Очень по-крупному.

Она вытерла указательным пальцем уголок правого глаза: вероятно, потекла тушь. Марат уставился себе под ноги и сжал руками брусок лавки.

– Ну? Согласна, что ли?

– Ты мне условие не ставь тут! – вдруг заявила Юля и быстро сделала четыре шага к подъездной двери. В кармане плаща она нащупала связку ключей. Сидевший на лавке медленно приподнялся.

– Не выпендрив...

– Заткнись! Замолчи! – закричала женщина и, повернувшись, сделала шаг в его сторону. – Слышать тебя не могу, видеть не хочу! Я в полицию обязательно заявление напишу и соседей предупрежу.

– Юлька... – зарычал тот. – Добром прошу – раз в неделю. Костян не только твой сын!

Они постояли, смотря друг другу в лицо и почти не различая глаз: на улице становилось всё темнее, и фонарь, казалось, только усиливал тени.

– Не только мой, – согласилась она тихо. – Я посоветуюсь кое с кем. И отвечу тебе. Позвоню. Завтра.

Она прислонила к домофону ключ и поспешно закрыла за собой железную дверь. Марат постоял немного, поднял голову, а затем с шумом выдохнул в черное небо.

После «Орбиты» и тира, где Марат прошел мелкой пулькой восемь воздушных шаров из девяти, отец с сыном сели на скамейку. Младший держал в руке отцовский трофей – выигранную в тире мягкую игрушку, небольшую розовую свинку. Гуляли они в том самом парке, где полгода назад Сырок, сидя в коробке, ел красные зерна.

– Смотри, сын, – мужчина с усами взял веточку и начертил в пыли букву «К». – Какая это буква? Знаешь?

– Ка. Костя, – заулыбался мальчик.

– Да. Но если тебя кто-нибудь спросит – ну на улице там или в школе: «Кто ты?». Как ты ответишь?

– Ма-а...льчик, – предположил сын.

– Ну это понятно. Если спросят: «Как тебя зовут?». Что ты скажешь?

– Костик.

– Не Костик, – отец быстро раздражался, но ему не хотелось пугать мальчишку. – Ва-сан-де-ев. Вот что первое ты должен сказать. А потом уже – Костик или Константин. Мы – Васандеевы. Понял?

Мальш закивал и попросил палочку. Отец увидел его протянутую руку.

– Как? Заживает? – он провел по розовым рубцам на маленьком запястье.

– Да, – Костик спрыгнул с лавки. – Я в песочек хочу.

– Подожди, – Марат присел рядом с ним на корточки. – Посмотри на меня. Ты помнишь, кто это сделал?

Мальчик опустил глаза на рубцы и закивал.

– Кто?

– Собачка.

– Не собачка. Сука. Знаешь, в чем разница? У собак у настоящих – всегда ошейник и с ними рядом кто? Хозяин, правильно. Всегда. Вот это собаки. А те, кто без ошейника, – это злые суки. Бродячие твари. Понятно?

– Да. Пап, пойдем на песочек.

– Успеешь. Щас. Я еще мороженое тебе куплю. Прямо минутку. Ты помнишь, как тебе больно было? Кровь текла. И мама плакала – помнишь?

Костя выпятил нижнюю губу, личико его сморщилось: он готовился заплакать.

– Не куксись. Смотри, я тебя научу одной штуке – запомни. Навсегда запомни! Потом будешь отца вспоминать добрым словом. Вот, – Марат взял у сына мягкую игрушку – выигранную розовую свинку – и поднес ее к самому лицу малыша. – Представь: ты увидел ту собаку, лохматую сучку, которая тебя цапнула. Вот эта свинья – это она и есть. Что ты сделаешь?

Мальчик вопросительно посмотрел на отца. Его пугали блестящие черные глаза Марата.

– Ну? Что надо сделать? Вот эта сучка! – он еще раз сунул ему игрушку под нос.

Костик зашмыгал и отступил на шаг.

– Ударить надо, ё-пэ-рэ-сэ-тэ... Ты чё тупой, что ль? Давай врежь. Ударь! Ударь, я сказал.

Мальчик насутился и отступил еще на шаг.

– Ну?

– Папа, я боюсь собачки!

– Кто ты? Кто ты?! – усатый человек чувствовал, что он сейчас выпустит эмоции из-под контроля, и сын совсем перепугается и расплачется. – Ты – Васандеев. Понял? А Васандеевы ни хрена не боятся. Понял?!

Тут он перехватил взгляд сына, смотревшего чуть в сторону, и резко повернул голову. По асфальтированной тропинке шла девочка. Почти квадратная зеленая курточка смешно сидела на ее пухлом теле; из-под шапки с помпоном по обе стороны головы свисали две светлых косички. Они подпрыгивали и бились о плечи куртки при каждом шаге.

Марат потерял контроль над собой. Ему так хотелось поскорее научить сына очень важным жизненным принципам. А эта пухлая девка вдруг замедлила шаг и устоялась на них.

– Чего смотришь? – прошипел усатый. – Жопой шевели. Активнее! Вали отсюда.

Девчонка широко распахнула синие глаза и не двигалась с места.

– Пошла вон, шалава! – заревел Марат и вскочил с корточек. Светловолосая вздрогнула и медленно отступила назад. Затем развернулась, накинула капюшон и, цокая короткими каблучками сапожек, побежала в обратную сторону. Правый уголок губ мужчины слегка раздвинулся, обнажив желтый клык, и он повернулся к сыну.

– Пойдем на песочницу! Ты же хотел... – Марат изобразил самую спокойную интонацию и протянул сыну руку.

– Папа, – спросил Костик через час, когда они шли к выходу из парка. – А кто такая шалава? Это вот та девочка в зеленой куртке, да?

Отец пошевелил усами с досады и пробормотал:

– Это просто так. Слово такое. Обычное. Его только взрослые говорят. Забудь. Понял?

Костя закивал и запомнил слово намертво.

В субботу случилась ярмарка – со звучным названием «Фестиваль рыбы». Аксакал группы помощи Татьяна Федоровна связалась с кем-то из своих бывших учеников, достигших высот чиновничьей карьеры, и под их собак-кошек выделили отдельный закуток – возле веников и садового инструмента, подальше от тех, кто торговал съестными припасами.

Натаха на своей «Киа» и Катька с Тухачевского (с помощью недовольного утренним подъемом мужа) привезли шестерых взрослых кошек, четырех котят и трех собак. Обозвали всё это «благотворительной выставкой».

Катька придумала еще такую штуку: протянуть толстую леску между ближайшими фонарными столбами и на них насадить распечатанные фотки животных, разбросанных по домашним передержкам в разных районах города.

– Человек подходит, любуется найденышами, берет понравившуюся фотку, а на обратной стороне – все сведения: сколько лет, телефон куратора. Ну? – спрашивала довольная Катька. Ей было сорок, на шее – двое детей, она работала всю жизнь продавцом на рынке и была «отличнейшей бабой» – по словам Натахи.

– Кра-со-та! – оценила идею Борисова и тут же взялась за дело: распечатала в своей конторе на цветном принтере штук сорок фоток, которые теперь украшали их выставку.

– Пойду прошвырнусь по прилавкам: может, меда куплю да сыра какого-нибудь! – Натаха говорила громко, пытаясь перекрычать народные коллективы, голосащие в микрофон в самом центре ярмарки. Одетые в цветастые псевдонародные костюмы они создавали несмолкаемый звуковой фон, который поддерживали переходящие от грузовика к грузовику покупатели. Бабушки с заклеенными синей изолентой тележками, толстопузые хозяева жизни в черных пальто с атласными воротниками, таджики-узбеки с мешками лука на плечах, полицейские с ворчащими рациями в руках – всё это многоголосье волновалось, шумело, ходило туда-сюда. Натаха чувствовала себя здесь, как рыба в воде, Светик же старалась спрятаться за клетки с кошками.

– Справитесь тут без меня? Я на полчаса! – спросила она у светловолосой и Татьяны Федоровны. Те кивнули, и основательница группы нырнула в толпу. Девочка вместе с бывшей учительницей математики заведовали выставкой, Катька отвечала за консультации по фотографиям. Других волонтеров они в этот день выцепить не смогли.

– Почем эта серая кошечка у вас? – голос у женщины пронзительный, словно визг тормозов. На голове – старомодная коричневая шляпка со смятым верхом, на остром носе – очки с толстыми стеклами. Возраст – самый неопределенный.

– Она не продается, – отвечает Света и смотрит на пергаментные, с синими прожилками руки подошедшей. – Мы их так отдаем. В добрые руки.

– Бесплатно, что ли? – глаза у покупательницы становятся сердитыми. – А чё так?

– Мы – группа помощи. Вот наша визитка. Это бездомная кошечка, мы ее стерилизовали, привили, от паразитов обработали, – Светик чувствует тревогу.

– Ой, как интере-есно! – пергаментные руки вертят визитку и суют ее в сумочку. – И сколько у вас их?

– Много. У волонтеров на передержках. Вон еще фотографии можете посмотреть, – светловолосая кивает в сторону Катьки. Та как раз общается с каким-то мужчиной. Света видит его спину.

Старомодная шляпка внезапно наклоняется вперед – над клеткой с серой кошкой:

– А разрешение у вас есть на это? Кто вам разрешил? Я сейчас в администрацию пойду! Какое вы право имеете?! – женщина переходит на крик, цепляется руками за клетку, и Светик, испугавшись, делает шаг назад.

– Эй, эй, уважаемая! – слышит девочка голос бывшей учительницы математики. – От клетки отошли. И вперед – по своим делам! Другим не мешайте, слышите?

Пергаментные руки сползают с металлических прутьев, голова в мятой шляпке прячется в шею.

– Притащили тут бродячих животных. Я жаловаться буду... – бормочет подошедшая и растворяется в людском потоке.

– Светик, ты чего испугалась, что ли? Ну как ты только в этом мире выживаешь, а? Боевой надо быть – а то пропадешь! – улыбается Татьяна Федоровна и спешит к своим собакам – там уже посетители.

Девочка с благодарностью смотрит на пожилую напарницу, ее губы расходятся в улыбку, и тут мужчина, беседующий с Катькой, поворачивается боком. Светик вздрагивает. Этого усатого она где-то видела. Будто темный полупрозрачный платок падает ей на глаза, и она никак не может стряхнуть эту пелену...

– Котёночка, мама, котёночка! – мальчик лет пяти тянет молодую женщину за руку, та нехотя подходит к клеткам. – Смотри, смотри, у него на мордочке пятнышко!

– Вы продаете?

– Нет, нет, – Светик включает привычную пластинку про группу помощи.

– И как – прям можно забрать, что ли? – молодая мамаша удивленно складывает губы бантиком.

– Мы только с вами контактами обменяемся, чтобы проследить судьбу котёночка. Вы нам фотки перешлете – ну месяца через три-четыре. Ну, что он растёт у вас, всё нормально с ним. Нам главное, чтобы он на улице снова не оказался, – светловолосая волонтерка смотрит на счастливое лицо мальчишки. – А то, знаете, как бывает: поиграли-поиграли, надоело – и выбросили.

– Да-да... – кивает посерьезневшая мамаша. – Слышишь, Дима, что тетя говорит: котик – это не просто так. За ним следить

надо. Давай сначала у папы спросим? Да?

Светик дает посетителям визитку группы, и женщина тянет мальчика в волнообразный людской поток. Дима вертит головой, засовывает пальчик в нос и через минуту забывает про котика в клетке.

– А вот мужчина – усатый такой – он про что тебя спрашивал, тетя Катя? – интересуется светловолосая у подскочившей волонтерки с Тухачевского. Та прикладывается к термосу со сладким чаем и пожимает плечами.

– Какой, Светик? Да там тыща мужиков – и все с усами! Ну, поняла-поняла, про кого ты. Да пару фоток повертел, одну взял с собой и ушел. Даже не сказал ничего... Всё, давай, я к себе! – и Катя упархивает к своим фонарным столбам и леске с фотографиями. Полупрозрачная темная пелена всё еще висит в воздухе, постепенно распадаясь на рваные куски.

– Эй, народ, налетай, торопись, покупай живопись! – материализовавшаяся из воздуха Натаха достает из пакета дымящиеся чебуреки и пирожки. – Как успехи? Гляжу: все хвосты на месте? Никого не взяли?

Светка, жуя и обжигаясь, отрицательно качает головой.

– Этим-то не суй пирожки, а то я тебя знаю! – Борисова указывает подбородком на кутят и кошек. – У них жратвы припасено до армагеддона. Пойду бабонек угощу.

Им удалось в этот день пристроить двух кошек и годовалую Сойку – дворнягу, полгода жившую у Катки. Также были разобраны почти все фотографии с лески между фонарными столбами.

Еще один впечатляющий результат – коротенькое интервью, которое взяли у Натахи ребята с местного телеканала.

– Ну а как вот люди начинают этим заниматься – волонтерством-то? Всё равно ведь просто так не станешь тратить свое время да и деньги, наверно? – молодой парень с залысиной вместо челки держит микрофон рядом с подбородком Борисовой.

– Да у всех по-разному. В нашей группе Вконтакте больше 20 тысяч подписчиков, но, так скажем, реальных людей, с которыми я лично общалась – человек двести, не больше. Это волонтеры, которые могут действительно куда-то пойти, что-то сделать – не знаю, собаку, сбитую машиной, подобрать и отвезти в ветклинику. Остальные либо просто читают и лайкают посты, либо – что лучше, конечно – кидают иногда сотню-другую рублей на наши «голодные телефоны».

– Ага, – не унимается корреспондент. – Сколько в год вам удается пристроить животных?

– Примерно семьсот, – отвечает Наталья. – Но мы не просто пристраиваем – мы их лечим, стерилизуем, следим за их дальнейшей судьбой.

– И всё это – за бесплатно? Власть-то вам помогает?

– Почти нет. Если только с организацией выставок...

Краткое интервью почти закончено: в сюжете будут еще «лайфы» с бродячими собаками из видеоархива телеканала. И тут Натаха вспоминает про сгоревшую беседку в парке и остекленевшие глаза на отрезанной собачьей голове. И она непринужденно выбалтывает про всё это в видеорекамеру, о чем, кстати, потом жалеет.

Глава 7. Похороны

После субботы они не виделись-не списывались дня четыре. Борисова полностью утонула в делах управляющей компании, а Светик – в школьных проблемах. В четверг светловолосая зарулила в офис с бело-красной надписью «Домсервис+».

– Наталья Батьковна на собрании жильцов. Да это недалеко, в соседнем дворе, – сообщила всезнающая секретарша. Школьница не стала звонить своей старшей подруге и решила одним глазком посмотреть на собрание: вдруг там быстро закончится?

Двор гигантского дома – на четыреста с лишним квартир – был неуютным и сумрачным. Осень размазала грязь по всем тротуарам и детской площадке, голые ветки деревьев насаживали на себя подкрадывающуюся темноту раннего вечера. Светик заметила толпу не сразу, так как жильцы спрятались за трансформаторной будкой из темно-желтого кирпича. Их было человек тридцать, но народ всё подтягивался и подтягивался. В центре она увидела крупную фигуру Борисовой.

– Тарифы мы поднимаем ровно настолько, чтобы провести необходимый текущий ремонт. Вентили старые, клапаны в мусоропроводах менять надо. На восьмом этаже стекло выбито третий месяц. Тут еще редуктор у лифта в пятом подъезде полетел, – надрывалась Натаха. Ее почти никто не слушал.

– Да вы каждый год повышаете! – перебивала ее востроносая маленькая женщина в капюшоне и с собакой в левой руке. Собака по параметрам едва ли обгоняла хомяка.

– Правильно! – громыхал из-под дерева старик с костылем. – Повышают всё время, а ничего не делают. Не уступай им Семеновна! У меня вон крыша текёт третий год.

– Кровлю отремонтируют по капремонту, – отзывалась директор «Домсервиса». – Только деньги надо на спецсчет перевести – а то будете ждать до морковкиного заговенья.

– Да пошли вы со своим спецсчетом! – горячась выступила вперед какая-то смуглая и очкастая дама; Света вспомнила, что совсем недавно видела ее на ярмарке – только тогда на ней была смятая старомодная шляпа. – Мы вообще управляющую компанию собираемся менять!

– Товарищи, давайте в рамках разумного! Поспокойнее... – попытался вставить Петрович, инженер «Домсервиса», правая рука Борисовой.

– А нечего нас учить! Мы сами знаем, как нам жить. А вы, – в голосе бывшей старомодной шляпы зазвенела злость, – только и знаете, что со своими шавками возиться! Я сама видела, как ваши работницы кошками и собаками торговали на ярмарке. А потом еще по новостям смотрела...

– Да мы не продаем их... – Натаха растерялась от такого поворота сюжета: обычно ее работа с волонтерством почти не пересекались.

– Как же, как же! – дама с пергаментными руками перешла на знакомый Свете визг, напоминающий звук тормозных колодок. – Вот, мол: «Убивают собак, а мы их спасаем!». Да, может, вы сами их и режете, а себя героями выставляете! Лучше бы многоквартирные дома содержали по-человечески, и дело делали!..

Затем старомодную шляпу оттеснили, и посыпались другие вопросы. Но светловолосая их уже не запомнила. Она смотрела на бледное лицо Натахи, которую нелегко было выбить из колеи: к кричащим на нее людям она давно привыкла и общалась с ними спокойно и даже с удовольствием. Но тут ее ударили в под дых. У Светика тоже хорошее настроение сдуло, словно ветром.

– Зачем она так сказала – эта женщина? – спрашивала школьница свою старшую подругу, пока они шли к машине. Борисова решила подбросить девушку домой, так как уже совсем стемнело.

– Не обращай внимания! – хмурилась в ответ Натаха. – Люди разные, каждый считает себя центром вселенной. Иногда и с мозгами у некоторых не всё хорошо.

– Но мы ведь занимаемся хорошим делом, тётя Наташ?

– Честно говоря, я иногда сомневаюсь в этом, – Борисова плотнее застегнула замок на вороте темно-красной куртки. – Шучу. Конечно, хорошим! Но, понимаешь, Светик, есть такие особи – среди людей, – которые считают, что город принадлежит только им. Все остальные живые существа – деревья, птицы, собаки, кошки и так далее – это попутная грязь. Их можно, в принципе, терпеть, но лучше от них избавиться. Почисте будет...

Они сели в Наташину «Киа», и старшая завела двигатель.

– Еще эта работа моя... Наверное, не с тем делом я связалась, Светик. Больно агрессии много. Хотя где ее щас нет-то... Эх, ну, ладно, хватить ныть, поехали бабку твою проведаем!

И вот после этих слов у светловолосой вырвали из-под ног землю. Автомобильное кресло завертелось под ней, светлая голова склонилась на бок, тело безвольно повисло на ремне безопасности.

– Черт, черт! Ну и напугала же ты меня, кумушка! Нюхай еще! – резкий запах аммиака ударил Светику в нос. – Я эту нашатырку в аптечке уж вечность таскаю.

«Киа» стояла на обочине и посылала в темноту мигающие сигналы аварийки.

– Ну, очухалась? Что с тобой, красавица? Дни, что ль, критические?

Светик едва разжала сухие губы и попросила попить. Борисова нащупала на заднем сиденье минералку и сунула девчонке.

– Поехали, тетя Наташ! Бабуле, кажется, плохо...

– Да ты откуда знаешь? – испугалась Наташа и, не отдавая себе отчета в этом, включила первую передачу.

– Знаю... Я скорую щас вызову. Едем, едем, тетя Наташ! – Светик заплакала. Директор управляющей компании вырвала у нее содовый и сама переговорила с диспетчером скорой. До дома Столяровых было рукой подать, и через пять минут они припарковались недалеко от подъезда. Потом вместе влетели на третий этаж.

Марья Петровна лежала в зале на полу ничком. Голова ее повернулась на бок так сильно, что Борисова сначала решила, что та лежит на спине.

– Бабуля, бабулечка! – завывала Светик. – Ты не можешь, ты обещала! Ты же обещала...

Натаха отстранила ее и осторожно стала поворачивать лежавшую. Всхлипывающая девочка помогала с бабкиными ногами. Затем Борисова попыталась нащупать пульс на морщинистом, мягком запястье.

– Где они, тетя Наташ, чего скорая-то не едет? – губы девочки побелели, глаза потемнели.

– Ты смотри – сама не грохнись тут, а то что я с вами двумя тут буду делать? Приедут. Они минут по тридцать катят – ты не знала, что ль? На диван класть не будем. Слушай меня! Дыхание искусственное делала когда-нибудь?

В институте давным-давно у Натахи были какие-то курсы медсестер, и сейчас она судорожно вспоминала, что и как.

– Ты дуть будешь, а я на грудную клетку нажимать. Да поосторожнее. Раз двадцать нажимаем – потом два вдоха. Давай!

Вошедшая бригада в белых халатах застала их на коленях возле распластавшейся Марьи Петровны. Она умерла минут за десять до приезда скорой.

Бабушка лежала в гробу, установленном на трех табуретках посередине зала. Откуда-то набегали три-четыре старушки – все сплошь подружки Марьи Петровны, которых Света никогда раньше не видела. Организацию похорон и все расходы взяла на себя Борисова – даже не спрашивая об этом внучку умершей.

Сначала Светик испугалась всех этих молитовок, горящих свечек в стаканах с пшеном, икон, шептаний и тихой суеты. Но потом приняла, как-то забылась и просто сидела рядом с гробом и смотрела на бабушку. Часа через три ее попробовали увести – поесть, прогуляться, но та покачала светлой головой и в конце концов от нее отстали. Девочка замечала иногда мелькавшую фигуру Натахи, сменившую привычное красное на черное, но тут же отвлекалась, уходила в себя.

Первые слезы она уже выплакала, сейчас глаза были сухие и красные.

– Почему у бабушки лицо другое? – спросила Света ближе к вечеру одну из двух оставшихся с ней старушек. Натаха попросилась с ней, обняла и пообещала приехать завтра рано утром – чтобы всё подготовить к выносу и поездке на кладбище.

– Так она умерла, детонька, – ласково зашептала та, что была похудее и постарше. – Ты вот на нее много бы не смотрела, а то ведь приснится. Лучше вот так за ноги, за ноги ее потрогай – и тогда ее бояться не будешь.

– Почему же я ее буду бояться? – удивилась Света. – Это же бабуля. Я наоборот хочу, чтобы она мне приснилась. Чтобы всё время снилась.

– Нельзя, нельзя, – покачала головой в черном платке старушка. – Эдак она ходить к тебе начнет, если тосковать будешь. И угробит тебя, дурочку.

– Как – угробит? – Света смотрела на читалку, словно та была сумасшедшей. – Моя бабушка никогда...

– Ничё, ничё, детонька. Потом поймешь. Мы почитаем, почитаем, а ты посиди. А потом баиньки пойдешь. Нельзя ж так – целый день-то сидеть...

Она еще что-то сказала, но девочка не слушала ее больше. Она решила, что старуха плохо разбирается в этом, раз думает, что бабуля может ее «угробить». Затем та, что помоложе, принялась молиться. Голос у нее был низкий, монотонный. Потрескивала свечка, одно за другим скатывались с губ в уши слова молитвы, было душно, и у Светика сами собой закрылись глаза.

Она очнулась оттого, что кто-то погладил ее по голове. Отодвинув чёлку, светловолосая увидела Марью Петровну, сидящую в гробу. Ее нос заострился, щеки пожелтели, но глаза светились по-бабулиному – нежно и с любовью.

– Ну, пойдем-пойдем на воздух. Залезалась что-то я, – заворчала умершая, и Светик помогла ей спуститься с табуреток на пол. Они оделись, бабушка накинула свой осенний серый плащик и повязала старый пуховый платок на голову. Внучка помогла ей обуться.

– Ты Наташку свою слушай-слушай – да не больно, – говорила Марья Петровна, пока они шли по двору. – Своя голова на плечах-то должна быть.

Как они очутились возле входа в парк, Света не запомнила.

– Давай, давай, нам еще дело сделать надо, – по обыкновению ворчала бабка. – Некогда тут цацкаться особо-то! Ага. Заходи сюда.

Девушка увидела обгоревший бок старой беседки, и ей стало страшно.

– Вот, вот. Заходи... Тебя тут ждут, и меня уж заждались, – мягкая и дряблая рука бабули вдруг напряглась, пальцы цепко схватили девушку за локоть.

На остатках черного частокола по-прежнему чернела голова длинноухой собаки, но что-то в ней изменилось. Теперь у нее появились веки – розовые, с тонкими синими венками, совсем человеческие. Под ними нечто пульсировало и двигалось.

– Бабуля, отпусти! Я боюсь! Пойдем отсюда! – девочка застонала от боли: с такой силой ее схватила рука покойницы.

– Чего ты раскричалась? – произнес чужой голос, и Светик, повернувшись, увидела, что ее держит вовсе не бабушка, а тот – усатый. Мужчина, испугавший ее в парке. С ним тогда был мальчик...

– Бабушка уже там! – державший ее за локоть указал на собачью голову, чуть раскрывшую зубастую пасть. – Она тебя ждет. Очень ждет. Ты ведь хочешь к ней? Так? Так ведь?!

Света закричала, но ничего не услышала: вместо крика – лишь тишина.

– Тебе обязательно понравится! Это правда клёвое чувство, когда кто-то уходит, а ты рядом. Такая мягкая-мягкая щекотка, сначала вот здесь, – он показал на переносицу, – затем спускается ниже, ниже, ниже... Ты следишь за мной?

Ужас парализовал ее. Руки и ноги превратились в холодную вату. Она не могла оторвать взгляда от его скользящих вниз коротких пальцев. Он схватил ее за подбородок свободной рукой и резко повернул в сторону собачьей головы.

– Открой глазки! – хриплый мужской голос сменился мальчишескими интонациями. – Ну, пожалуйста. Давай-давай! Умоляю тебя! Мы ждем, мы все очень ждем!..

С разных сторон беседки – со всех боков, снизу и сверху – слышались удары. Сначала слабые, а потом всё сильнее и сильнее. От деревянных частей полетели щепки, ржавый металл крыши выгнулся. Потом возник гул – похожий на отдаленный и неприятный вой реактивного самолета. Гул и стук нарастали, словно к ним на всех парах мчался старый поезд, управляемый сумасшедшим машинистом.

– Открой, открой глазки! – продолжал умолять плачущий мальчишеский голос. – Я не виноват. Это не я! Открой! Открой!..

Эхо подхватывало его слова и повторяло. Девушка почувствовала, как рука, державшая ее подбородок, дрогнула и немного ослабла. Она чуть повернула голову и боковым зрением заметила, что усатый куда-то делся, а вместо него стоит дама в старомодной по-

мятой шляпе. Женщина раздвинула губы в легкой улыбке и кивнула Свете, словно старой знакомой. А потом указала глазами вперед. Светловолосая вновь посмотрела на собачью голову, насаженную на обгоревшую доску.

Жизнь, пульсирующая под розовыми веками собачьей головы, внезапно прорвалась наружу желтым, густым, гнойным светом, девочка снова закричала, и на этот раз ее крик услышали.

– Ну что ты? Что ты? – ее толкала в плечо слабая рука старушки в черном платке. – Сон плохой приснился? Все равно уж вставать. Поспала – это хорошо. Давай чайку...

Девушка лежала на своей кровати, но совсем не помнила, как и кто ее укладывал. Она легла одетой, подмышки неприятно холодили пот. Ее знобило. Она с трудом встала и пошла умываться. Проходя мимо гроба, Света старалась не смотреть на бабулино лицо. Ей хотелось, чтобы в памяти не осталось желтых щек и заострившегося носа.

Натаха появилась утром, прижала бледную голову девушки к груди и затем, легонько взяв Свету за подбородок, сказала:

– Всё будет хоккей, слышишь? Не переживай!

Светловолосая кивнула, но внутренне сжалась в комок. Ей так и хотелось крикнуть: «Уберите, уберите вы руки от моего подбородка!».

Гроб выносили четверо молодых парней в черных костюмах – сотрудники агентства, куда вчера звонила Борисова. Пока гроб несли по ступеням с третьего на первый, было тихо. У подъездной двери старухи в черном снова затеяли то ли молитву, то ли протяжную песню.

Светик подняла глаза и среди стоявших у подъезда разглядела даму с острым носом и смятой шляпой. Несмотря на состояние полусна, какую-то леность и дремоту, которые не оставляли ее всё утро, она вздрогнула и остановилась. Гроб поставили в «ГАЗель» с темными занавесками. Девушка, сама не зная, что делает, направилась напрямиком к даме.

– Зачем вы пришли? – спросила она спокойно – таким тоном, будто они продолжили прерванный вчера разговор.

– Я? – женщина выгнула брови дугой. – Я вообще-то хорошо знала Марью Петровну. Мы с ней работали вместе в детском садике – правда, давно. А ты внучка ее? Бедная ты, бедная...

Светик кивнула и пошла к нанятому Натахой микроавтобусу. Смятая шляпа теперь показалась ей обычной и милой женщиной. Как только они выехали со двора, начал накрапывать холодный мелкий дождь; на кладбище его сменил частый снег. Разрытая могила их уже ждала, постепенно меняя черный цвет на грязно-белый.

Девушка ничего не чувствовала. Когда все попрощались с бабушкой, она поцеловала ее холодную щеку – и сама осталась холодной. Когда услышала, как забивают крышку гроба – в ее сердце это никак не отозвалось. Только в левом ухе что-то звякнуло – будто ожил маленький колокольчик с незапамятных времен лежавший в старом серванте. Бабуля говорила, что этот колокольчик – подарок ее прабабушки. А она, Марья Петровна, потом подарила его своей дочке Катеньке, маме Светы.

Затем гроб стали опускать на веревках, и Светик чуть нахмурилась – оцепенение стало сползать с ее глаз, рук, ног. С самого утра она ни разу не всплакнула, как-то подзабыла про бабушку и старалась не смотреть в лицо покойнице – даже когда целовала ее морщинистую щеку. Отец Владимир, приехавший по настоянию Натахи, прочел короткую молитву и, наклонившись, первый бросил землю на красную крышку гроба. И тут чья-то рука с пергаментной кожей чуть подтолкнула внучку в сторону открытой могилы.

– Ты должна тоже бросить землицы, так положено, – шепнула дама в шляпе. Светик медленно пошла вперед, ощущая, что с каждым шагом от нее что-то удаляется. Кто-то уходит от нее – тот, кто никогда не вернется. Так уже один раз сделала ее мать. И вот теперь всё повторяется.

– Бабуля! – сказала она, и земля побежала-потекла из-под ее ног. – Бабуля, ты же обещала!

Кто-то разворачивался, заподозрив неладное. Совсем рядом мелькнуло встревоженное лицо Натахи, но остановить Свету все-таки не успели.

– Бабу-уля-аа! Бабулечка!.. – закричала внучка и в два прыжка очутилась у края могилы, тут же исчезнув с глаз приехавших на кладбище. Их было человек пятнадцать, не больше. Священник ох-

нул, некоторые отпрянули назад. Первой среагировала Натаха: забыв про дорогой черный костюм, она бухнулась на колени у края прямоугольной ямы.

– Вы чего стоите?! – закричала она парням из агентства. – Помогайте давайте! Господи, Света, Светик!

Девочка лежала поверх красной крышки без движения. Не выдержав, Натаха тоже сиганула вниз. Бледный священник принялся креститься сам и крестить могилу.

То, что происходило потом, Света знала только по рассказам Натахи – как ее достали из могилы – грязную, мокрую, почти без сознания; как пытались привести в чувство; как везли на машине в больницу. Борисова через несколько недель в подробностях живописала эту картину и Свете, и Татьяне Федоровне. Не говорила она лишь об одном – по крайней мере, от своей новоиспеченной приемной дочки Натаха постаралась это скрыть, но бывшей учительнице математики проболталась-таки (та не смогла прийти на похороны: грипп).

– Мы, когда ее вынули, – Светик уж не дышит. Я с отчаяния двинула ее ладонью по лицу, а у ней – судороги пошли по всему телу. Мы с ребятами понесли девчонку в мою «Киа», и тут я слышу – какой-то крик сзади. Оборачиваюсь – а гости врассыпную! Кто-то стоит, разинув рот, а кто-то – пошел-побежал назад, к автобусу. Вот веришь, Татьяна Федоровна? Я бы сама не поверила, если бы собственными глазками это не увидела: крышка от гроба, которую при мне прибывали, лежит наверху – на соседней могиле. Вот будто ее кто-то выбил изнутри, понимаешь? Священник тоже не выдержал и уехал минут через пять. И деньги так и не взял потом. А те, из агентства которые, потом снова заколачивали. Как уж они там – доставали ли гроб или в могилу лазили, я не знаю. Я же Светика отвозила в больницу. Но факт – налицо! Кого хочешь можешь спросить. Такие вот пироги со блинами...

– Так... – растерянно шептала в ответ Татьяна Федоровна. – Бабку-то проверяли? Как же это?

– Проверяли, – махала рукой с дымящейся сигаретой Натаха. – Мертвее мертвого – там уж запах.

– Так а как же это? Воздух, что ли, сжатый?

– Воздух сжатый?! – Борисова гоготнула. – Вы о таком когда-нибудь слышали? Да какой воздух!.. Она это сделала, точно говорю...

– Кто? – бывшая учительница почему-то посмотрела в сторону.

– Кто-кто... Светик наш! А то непонятно. Кудесница светловолосая. Ладно, вы только ей не говорите! Татьяна Федоровна, умоляю, смотрите не ляпнете! А то ведь еще, не приведи Бог, придумает чего-нибудь. На кладбище побежит дурочка – я её знаю, поверьте мне...

Глава 8. Радужный мост

Борисова принялась собирать документы на опеку чуть ли не на следующий после похорон Марьи Петровны. Натаха и ее шестнадцатилетняя опекаемая пока жили раздельно: никто никуда не торопился. Об этом попросила сама Света.

– Ты деваха самостоятельная, – не возражала старшая подруга.

– Давай пока по-прежнему: звони, пиши, забегай. Я всегда на связи, ты же знаешь. Если станет муторно одной – переедешь за один день. Ноу проблемс. Не боишься одна-то ночевать?

Светик отрицательно мотала головой.

– Ты хоть ешь что-нибудь? – Натаха поворачивала ее за плечи в разные стороны. – Ты посмотри, как похудела! Давай в кафе съездим, а? Ну или хошь – шмотки тебе куплю новые?

Светловолосая не поднимала глаз и просила, чтобы ее оставили в квартире бабушки – хотя бы до лета.

– Мне к ЕГЭ так легче готовиться: никто не мешает, – придумывала девчонка на ходу. Она и правда похудела – буквально за несколько недель и стала похожа на ту шестиклассницу, которую когда-то сбил торопившийся на железнодорожный вокзал таксист.

Директор «Домсервиса» здорово переживала, винила себя в том, что Светик не хочет к ней переезжать.

«Боится она, наверно, меня... Нрав у меня крутоватый – уж кому, как не ей, это знать...» – вздыхала Натаха, оставаясь вечерами одна-одинешенька в своей большой двухкомнатной квартире с темно-красным диваном и розовым кафелем в ванной.

Сердце у Натахи немного успокоилось лишь после того, как у светловолосой в «хрущевке» появилась Белка.

– Я же тебе говорила про нее, тетя Наташ, помнишь? Колька Фомин из параллельного класса переезжает – и вот ее хотели усыпить. А я как ее увидела, так сразу поняла – моя это собака, моя

родненькая, – глаза у внучки Марьи Петровны впервые за последние несколько недель засветились радостью, и Наташа мысленно благословляла всех Колек Фоминых на свете и заодно его престарелых родителей.

В предках у Белки были и ретриверы, и немецкие овчарки, и Бог знает кто еще. Получилась большая дворняга самых благородных кровей – с длинной серо-белой шерстью, которая лезла с нее, словно у верблюда во время линьки.

– И до чего ж красивая собака! – нахваливала Белочку Татьяна Федоровна в комментариях к фотке, которую Светка выложила в ВК на личной страничке. – Хотя в фильме каком-нибудь снимай.

Внучка Марьи Петровны с ней была полностью согласна. Она каждый вечер вычесывала у старой дворняги шерсть, баловала ее новыми игрушками и с удовольствием гуляла с ней по вечерам. У Белки, как и у ее хозяйки, мигом образовались свои странные привычки. Например, каждое утро у них превращалось в целый ритуал: девочка потягивалась и спускала правую руку с постели. Там ее уже поджидала лежавшая на спине собака, с поднятыми кверху передними лапами. Светик слегка ударяла ладошкой черные подушечки с когтями, Белка в ответ делала то же. Так они играли минут пять и лишь потом молодая хозяйка шла умываться.

– Я, тетя Наташ, если так не сделаю – она прям обижается, представляете? Считает, что я чуть ли не преступление сотворила!

– Избалуеть ты ее! – гоготала Наташа, слушая приемную дочку по громкой связи. Руки ее в этот момент рисовали подписи под банальными отписками для надзорных органов. – Хотя чего там баловать: собаке уж девять лет, ее воспитывать поздно.

Другая странность Белочки – беспричинный лай, если она замечала, как Светик совершает то, что бабуля называла «потяготины». Собака терпеть не могла, когда девочка «пила солнышко», и ругала ее на своем собачьем языке. Девчонка в ответ пожимала плечами:

– Я же не ругаю тебя, когда ты таскаешь бумагу из туалетного ведра или лижешь у себя там, где ни одна приличная дама лизать не будет! – выговаривала она в ответ Белке и пряталась от нее на кухне. Но собака продолжала басовито ругаться и в этом случае – до тех пор, пока Светик не переставала тянуть к окну свои похудевшие руки.

Через месяц, когда зима, казалось, окончательно отвоевала землю у осени, старый термометр с утра показал плюс три. Света поиграла в «Дай пять» с Белкой и подошла к окну, чтобы посмотреть, сколько градусов. Раньше так всегда делала бабуля, и от этого воспоминания на глазах у девушки задрожали слезы. Но солнце призывно светило, Белка с такой надеждой смотрела хозяйке в глаза (ведь воскресенье сегодня!), что светловолосая не выдержала и снова заулыбалась. Она решила прогуляться со своей серо-белой подругой на Черное озеро.

До четырехполосной трассы шли на поводке, а у самого входа в полузаброшенный лесопарк Светик отпустила дворнягу на волю. Ветра не было; солнце искрилось по краям подтаявших снежных тропок. Девочка сначала выбрала привычный маршрут – по заасфальтированной дорожке, но затем Белка соблазнила ее на более короткий путь – через небольшую насыпь.

В последний раз Света гуляла в этом парке в июле. И просто не могла знать о том, что в конце августа хозяева местного гаражного кооператива устроили здесь мини-карьер по добыче песка. Светловолосая отвернулась секунд на десять в сторону старых железнодорожных путей. Ей показалось, что вдалеке стучат колеса поезда. А когда снова повернула голову, то Белки не увидела.

«Наверное, успела спуститься с холмика!» – решила девушка и поспешила вперед. Сверху открывалась заросшая высохшими камышами поверхность Черного озера. Правда, теперь его уместнее было называть «Белым»: снег неровными слоями покрывал водоем, камыши торчали из него, как маленькие маячки. Собаки она нигде не заметила.

– Белка! – громко позвала девушка, почувствовав неладное. – Белочка! Где ты?

Дворняге негде было спрятаться: до ближайших деревьев пришлось бы бежать минут десять. И вот тут-то Света ощутила то самое. То, что заставило ее потерять сознание в «Киа», когда они ехали к умирающей Марье Петровне. Точнее – почти то.

Светловолосая упала на колени в мокрый снег и начала задыхаться. Глаза ее закатились, горло судорожно хватало воздух, лоб и руки посинели. Мир потускнел, и сквозь пелену она узрела нечто иное, прекрасное. По зеленой, пушистой, как паутинка, траве бежали собаки, кошки, какие-то грызуны. Их были десятки, сотни. В

небесной синеве летели стайки птиц. Среди них Светик разглядела большого ворона с белой отметиной на шее. Она взглянула на горизонт и... задохнулась от счастья. Там светился всеми цветами радуги гигантский полукруглый мост. По нему шли и летели тысячи четвероногих, лохматых, хвостатых и пернатых...

– Ты где-то здесь, – очнувшись, забормотала она и поползла на четвереньках по верхушке насыпи. – Я знаю. Я иду... Я иду!

Рваный прямоугольник темной грязи она нашла через полминуты. Там, на дне этого трехметрового колодца, стояла Белка. Стояла, не шевелясь – под водой. Морда ее была запрокинута вверх, уши колыхались, словно большой лист кувшинки на поверхности озера. Перевалившись через грязный край, Светик бултыхнулась в ледяную воду. Вот эта вода и привела ее чувства в порядок. Пелена с глаз спала, она нырнула и, схватив собаку за шерсть, вытащила лохматую морду на поверхность. Затем Белка зашевелилась сама и стала поспешно перебирать лапами, опершись на песочный край карьера. За ней выбралась и Светик.

– В принципе, тетя Наташ, это было не трудно... – рассказывала она своей приемной мамаше. – Там же песок. Замерзли мы правда с Белкой, пока до дома бежали. Но все равно – тепло было: солнце светило.

– Солнце светило... – передразнила ее бледная Натаха. – Я, понимаешь, тут только отвечать за тебя взялась, а ты утонуть решила. Господи ты Боже мой!..

Немного успокоившись, Борисова спросила:

– Ты мне только одно скажи, Светик: чего же эта Белка твоя на дне-то стояла и оттуда тарасилась? Чё не всплывала, не лаяла, не скулила?

– Не знай! – пожимала плечами светловолосая. – Стояла и всё. Может, лапа за что-то зацепилась?

– Вечно с тобой чудеса какие-то происходят! – Натаха обняла девочку. – Переезжай ко мне, Светик, а? Нам так хорошо будет вдвоем, обещаю!

– Еще немного, тетя Наташ, потерпите. Надо мне одной... Побить там, в бабулиной квартире. Понимаете?

– Ладно-ладно, – леди в красном зажгла длинную сигарету. – Надо так надо. Ты, главное, не заболей у меня. Ноги парила, как прибежала домой-то?

– Ага. Сразу ванну налила. И – под одеяло, – улыбалась девчонка.

– Горе ты луковое. Давай глянем, как дела в группе? Давно не заходили...

О том, что ей привиделось на верху песчаной насыпи, Светик почему-то умолчала. Да и помнила она это всё смутно: какой-то мост, бегущие собаки с кошками... Стресс есть стресс.

Глава 9. Хвосты

– Так. Потихоньку, полегоньку... Да езжай потише! Так... Аварийку включил? Ага. Щас, еще чуть-чуть. С-стоп! – Марат резко открывает дверь серого «УАЗика»-буханки и выпрыгивает на газон. Хлоп! Хлоп! Пневматическая винтовка делает два выстрела и оба раза – удачно. Один оранжевый дротик торчит в загривке черной собаки – той, что похожа на овцу. Другой – в боку той, что поменьше. Шавки взвизгивают и дают стрекача по диагонали – убегают в соседний двор. Усатый мужчина спокойно забирается назад в «буханку».

– Всё клёво. В яблочко прям, – басит толстый водитель Серега. Марат кивает, улыбается и просит закурить.

– Минут через десять-пятнадцать подействует. Там доза лошадиная. «Адилин-супер», брат, это мощь! – говорит усатый и глубоко затягивается. Затем чуть приоткрывает окошко и кольцами выпускает дым в зимнее небо. Начинает вечереть.

– Ты давно работаешь в «Автодорсервисе»? – спрашивает Серега и зевает.

– Не-а, – усатый посматривает в сторону двора, куда убежали собаки. – Третий месяц. Но я быстро учусь.

Несмотря на свое автомобильное название, год назад именно эта контора выиграла муниципальный контракт на отлов бродячих животных.

– Ага, – кивает водила. – Мне с тобой нравится ездить. А то эти – из другой смены – всё чего-то телятся, ждут – пока стемнеет. И потом мы полночи с ними возимся, ищем, грузим, на свалку отвозим. Говорят: типа, дети, женщины нервные увидят, всё такое...

– Похер дети, – быстро отвечает его собеседник. – Когда я мальчишкой был – с соплями зелеными под носом, я и не такое видал. И жив-здоров, как видишь. Ничего со мной не случилось...

Ну чё – пошли?

– Ага. Щас только мешки возьму! – Серега достает большие светло-зеленые мешки для строительного мусора, и они идут искать шавок. Одна закоченела прямо на детской песочнице, другая – за гаражами. Двое мужчин, одетые в камуфляж, быстро упаковывают трупы и закидывают мешки на плечо.

– Вы что же тут делаете, а? – откуда-то сбоку к ним вылетает молодая женщина без шапки: видно, торопилась.

– А чё такое? – с протяжкой спрашивает ее Серега.

– Это вы их... отравили? Вы знаете, сколько минут вот эта черненькая здесь в судорогах билась? Знаете, как она выла?! Все дети видели это, все плакали... – голос у женщины дрожал.

– Слышь, ты, – Марат перекидывает мешок на другое плечо. – Замерзнешь, сучка. Иди в подъезд, а то щас сами погреем тебя – вон в машине.

Подкрашенные глаза расширяются от изумления и ужаса. Мужчины делают шагов пятнадцать, прежде чем остолбеневшая начинает кричать им вслед.

– Я вас найду, я жаловаться буду! Я сейчас мужа позову! Гады! Сволочи!

Усатый продолжает идти не оборачиваясь. На губах играет легкая улыбка.

– Здорово ты ее отшил! – Серега включает первую передачу, и серый «УАЗик» трогается. На дне их автомобиля параллельно пассажирским скамейкам штабелями уложены больше десяти светло-зеленых мешков. Каждый потом отметят и – долой с глаз, на свалку. А им за эти отметочки премия полагается.

– У меня опыт с такими бабищами общаться, – Марат снова закуривает. – Они только такой язык и понимают...

Он искоса посматривает на грузного водилу и раздумывает о том, что, пожалуй, Серега подходит для дела. Он еще пару раз его испытает, проверит и потом посвятит его в свои планы. Одному все равно с этим не справиться: здесь нужен надежный и испытанный напарник.

Водитель врубает радио и оттуда льется приятный медляк: Крис де Бург поет о своей леди Диане. Серый «уазик» перестраивается на среднюю полосу и едет, соблюдая скоростной режим. А куда торопиться-то? Норма выполнена, смене – конец.

Сорокалетняя Катька с Тухачевского плакала навзрыд – совсем как маленький ребенок, захлебываясь слезами, шмыгая, спрятав лицо в ладонях. Натаха, сама зареванная, гладила ее по голове и предлагала воды. Светик сидела на кожаном диване с пустыми глазами и смотрела куда-то далеко – за стены офиса «Домсервиса».

– Они... они, – всхлипывала Катя, вновь и вновь пересказывая одну и ту же историю; ее никто не останавливал, хотя эти повторы жутко расстраивали всех. – Позвонили сначала... Голос такой хороший, добрый... Понимаете? А потом пришли... Двое. Толстый один...

Говорящая снова прятала лицо с потекшей тушью в ладони. Борисова курила уже седьмую сигарету за последний час. Из рваного, совершенно нелепого, сбивчивого описания Катьки выходило следующее. Три дня назад вечером ей на сотовый позвонил мужчина, который представился «Ромой».

– Вы собачек пристраиваете? О, отлично! У них как с охранными качествами? Замечательно! Вы знаете, у нас тут просто беда – очень как нужны. Две собаки в село, чтобы в будке жили, да. Будки утепленные, всё хорошо. И вот одну бы – на квартирное содержание, в семью с маленькими детьми, ага.

Дело в том, что на передержке в квартире на Тухачевского как раз содержались три собаки. Как говорила Катька, «так сложились звезды». Вообще-то, она больше двух никогда не брала: да, квартира у нее трехкомнатная, но в ней проживала еще вся Катькина семья – сын с дочкой и муж. Вот последний к волонтерским увлечениям жены относился весьма прохладно.

– Терпеть-то он терпит, но, блин, ворчит в последнее время всё громче, – говорила сорокалетняя волонтерка. – А тут к Розе и Мальчику еще этот большой добавился – ну, Грин, да. А куда его девать-то? У девчонок тоже ни одного места не осталось! Ну, думаю: я его дня на три возьму, а там пристроим. Ага, как же: две недели, потом еще одна, вот муж и взвыл. «Я, говорит, домой скоро приходите перестану!».

И вдруг – манна небесная. Звонивший решил взять сразу троих! У нее как раз Мальчик и Грин в будке себя отлично бы чувствовали, а вот Розы – так это исключительно квартирный вариант.

– Натаха, и на моей улице «КАМАЗ» с шампанским перевер-

нул: берут всех трех моих хвостов, представляешь! – Борисова хорошо помнила этот Катькин звонок и тоже тогда за нее порадовалась. Сердце у основательницы группы даже не ёкнуло, и интуиция ей ничего не подсказала. Волонтерка с Тухачевского считалась ветераном их движения, и знала все нюансы того, как правильно пристраивать хвостов. Но и на старуху случается проруха.

На следующий вечер к Катькиной девятиэтажке подкатил серый «УАЗик»-буханка.

– Я их, дура, встретила, как дорогих гостей. Один – увалень, распирает его во все стороны, будто накачали воздухом через одно место. А другой – усатый, среднего роста, глаза – чернющие, – описывала Катька уже позднее, когда немного пришла в себя и успокоилась. – Вошли, собак так профессионально осмотрели, будто на выставку собирались везти...

– Ага, на выставку! Сволочи... – неизменно вставляла Натаха в этом месте истории.

– А собаки-то, особенно вот Розы, – прижались ко мне, рычат, скулят, чуют бедные, кому я их отдаю! А я – вот как слепая курица. Дура, дура последняя!.. Так мне хотелось их пристроить в хорошие руки, да и муж весь изворчался... – Катька снова принималась всхлипывать.

Когда женщина попросила у пришедших документы, усатый, не раздумывая, сунул ей визитку:

– Вот тут наша фирма, да, тут все контакты. Да, конечно, всегда можете приехать – посмотреть, проверить, как собачки. Пожалуйста, пожалуйста. Без проблем.

В группе такие правила были приняты испокон веку: те, кто забирал хвостатых подопечных, потом через некоторое время обязательно «отчитывались» – то есть присылали фотографии или разрешали приехать волонтерам-кураторам. Этот подход настраивал будущих хозяев на серьезный лад: мол, животные – не игрушка, если уж взяли – отвечайте.

– И я вот на эту его долбанную визитку купилась. Ну что я – полицейский, чтобы паспорта у них спрашивать?

– Надо, надо спрашивать! – злилась Борисова. – Не переломились бы паспорт показать.

– Ах ты, Господи, ну не допетрила я! Как-то всё так быстро произошло, так этот усатый всё ладно да складно обставил. Ува-

лень-то молчал больше, а тот, с черными глазищами, соловьем разливался! Я им сама помогла до «УАЗика» собак довести, поводки и ветпаспорта из рук в руки передала. Договорились, что завтра с ними созвонюсь: спрошу, что да как. И всё. Всё!

Под этим Катькиным «всё» подразумевалось нечто странное и одновременно страшное, какое-то вычурно-сюрреалистическое. Если бы Натаха сама, собственными глазами не увидела этот светло-зеленый мешок...

– Сотовый телефон, с которого они мне звонили, не доступен. Визитки – полная лажа. Фирмы такой нет, а телефоны вообще левые. И это ведь надо было всё так придумать?! Зачем? Ради чего, скажите мне? Что я им такого сделала?! А?

– Кать, да не реви ты! И без того тошно. Ты тут ни при чем! Эти подонки – больные на всю голову люди. Уроды, ироды! Мы в полицию обязательно обратимся – за жестокое обращение с животными и за мошенничество по головке не поглядят! – вещала Борисова. А потом добавляла:

– Я вот только одного не понимаю: ну как можно умудриться номер их машины не запомнить? А?

– Да не обратила я внимания! – оправдывалась потерпевшая. – Визитка в руках – значит, всё в порядке. Вот как я думала.

Катька окончательно убедилась, что ее обманули, к вечеру четверга – через сутки после того, как она сама помогла затащить своих скулящих подопечных в серую машину. Прошла еще ночь, и утром случилось это. Муж волонтерки уходил из дома раньше всех – спешил в свое КБ на завод. У порога он наткнулся на мешочек зеленого цвета и на автомате заглянул внутрь. Если бы не шок, он бы, возможно, сообразил, что возвращаться в квартиру назад не надо, что звать жену и молча совать ей в руки находку совсем не стоит. Катька собирала детей в школу, уже опаздывала и прибежала на зов впопыхах. Затем, нахмурившись, взяла мешок из рук мужа, раскрыла его и... завyla. Закричала страшно – так, как никогда не делала при муже.

В тот день дети опоздали в школу (в итоге их просто выпроводили – от матери подальше), а взрослые на работу не пошли вовсе. Муж позвонил в свое бюро и попросил отгул, а затем несколько часов ходил по квартире за женой, словно охранник – за президентом. По всей квартире воняло валерьянкой, пустырником; супруг, как

заведенный, просил Катю «лечь и полежать – отдохнуть, успокоиться». Но та ходила по кругу, садилась в кресло и вставала вновь, садилась и вставала – и никак не могла остановиться.

– Я виновата! Я виновата. Куда смотрели мои глаза? Почему никто мне не подсказал? Почему?! Розы, они даже Розы не пожалели, сво-ло-чи!.. Изверги! Нелюди! Даже Розы... Слышишь?

В мешке аккуратно – будто на продажу – лежали три отрубленных собачьих хвоста, два больших и один поменьше.

Основательница группы действительно написала заявление в полицию. Вместе с Катькой они даже ездили к участковому.

– Знаешь, чё-то я не особо впечатлилась, – признавалась Натаха. Ее левая рука лежала на руле родной «Киа», в правой торчала неизменная длинная сигаретка. – Мне показалось, им просто пофиг на то, что с нами случилось. Не до собачек им, одним словом...

Катя кивала и была мрачнее тучи.

– Ты чё какая? – спрашивала ее Борисова уже в офисе «Домсервиса». – Давай-ка понемногу развеиваться будем. Вина красного хочешь?

Волонтерка с Тухачевского кивнула. Они налили полусладкого в матовые фужеры.

– Давай за то, чтобы нам этих гадов поймать! – предложила Натаха. – Вот мне бы только добраться до них – всю маньячью душу бы вытрясла, честно слово! Не-е, всё! Нас больше на мякине не провести – такой ошибки мы не совершим! Я всю группу по сто раз предупрежу... Кать, ну, брось, что ли! Ведь на тебе лица нет.

– Я... – мать двоих детей отвернулась в сторону. – Наташ, я... Ты, извини, конечно. Но у меня семья... Муж... Короче, я это...

– Нет-нет-нет! – директор «Домсервиса» испуганно привстала с офисного кресла. – Ты не можешь так поступить! Одна небольшая трудность – и лапки кверху? Так, что ли?

– Наташ, не могу, пойми... Мне муж условие поставил: или он уходит, или я завязываю с волонтерством. Мы полночи ругались, говорили, обнимались с ним, – Катька смахнула слезу с уголка глаза. – В общем, договорились так: я помогаю, как смогу, но передержке в квартире – всё, каюк...

Борисова облегченно выдохнула и уронила тело назад в кресло.

– Да Бог с ней – с передержкой твоей. Ты меня прям до смерти напугала!.. Найдем место, не бойсь. Я думала, ты совсем завязать решила. Ну как мы без тебя, Катенька, сама подумай? – они обнялись и выпили еще по полфужерчика.

Глава 10. Охота на Белку

Снег держался до последнего; в апреле запозднившаяся весна заторопилась, полезла отовсюду зеленой травой, зазвучала прилетевшими птицами и первыми насекомыми.

Светик уж не раз оставалась ночевать в большой квартире своей новоиспеченной опекуниши, но нередко уходила и к себе – «готовиться к ЕГЭ». Натаха не возражала, тем более что сплошняком пошли весенние осмотры многоквартирных домов – тут не до «цацканий».

Вечером часов в девять Светик обычно выходила на прогулку с собакой. Они топали до газона, тянущегося вдоль четырехполосной дороги, потом девушка отпускала Белку с поводка, засовывала в уши наушники и – каждый погружался в свои удовольствия. Дворняга справляла потребности, изучала траву, пеньки, деревья и торчащие из земли канализационные люки – в общем, все привычные собачьи интересности. Светловолосая слушала музыку и аудиокниги, мечтала о Даниле из параллельного класса, часто вспоминала бабулю. Иногда они устраивали беготню и игры с палкой. Белка, завладев деревяшкой, никак не желала с ней расставаться, и хозяйке приходилось идти на разные хитрости, чтобы ее отвлечь.

О Катькиных хвостах девочка старалась не думать, потому что стоило ей хоть немножко сосредоточиться на этом – и голову туманили страшные и неприятные картины. Образы двух мужчин в камуфляже, один из которых держал в руках винтовку. Она чувствовала, как боялись его окружающие – не только люди и животные, даже листья деревьев и цветы старались свернуться и спрятаться от него. И еще она ощущала другое – его страх, ужас перед тем, куда уходили бродячие псы, в чьей шерсти оказывался оранжевый дротик...

Марат выслеживал ее долго – с середины зимы. Он изучил сотни личных страничек всех тех, кто считался активистами группы

помощи. О Натахе, основном администраторе, он почитал-посмотрел и кое-какие дополнительные материалы, в том числе – нашел новостной видеосюжет, где она рассказывала о нем и его ритуале в беседке. Тогда что-то пошло не так – в том парке. Он ожидал остро-го наслаждения, а щекотящая энергия текла, как обычно. Больше возни, чем пользы.

И вот однажды, кликая с сообщения на сообщение, с поста на пост, он вышел на страничку Светика Столяровой. Там так и было написано: «Светик». Ему это понравилось. Из фотографий, записей на стене и ее постов в группе он понял, что эта девчонка с Борисовой связана сильнее, чем с остальными. А потом он наткнулся на фото девочки с Белкой.

«Где-то я ее видел...» – бормотал он, ощущая, как щекотка спускается от темечка к солнечному сплетению и – ниже, ниже. Ему стоило лишь сконцентрироваться на фотографии светловолосой и ее дворняги, и он почувствовал, что мгновенно возникает то самое – то, чего он не смог добиться там, в беседке.

Надо найти их – девчонку и собаку. Вот тогда-то он обязательно достигнет цели. Тогда он, наконец, разрубит этот тягостный узел, освободится от разъедающей всё нутро обиды, отвергнет их, избавится от них – ото всех. Он лишился нормальной работы, которая ему нравилась. Он потерял семью. Сына он видит всё реже: Юлька нашла себе кого-то, какого-то хахалю, он точно это знает. И всё это – из-за таких сволочей, как они. Гребаные спасители бродячих собак и кошек! Если бы не эти люди, которым просто нечего делать, которые страдают от тупого безделья – его сын не выбежал бы тогда с окровавленной ручкой. И там, на заводе, всё было бы в порядке. Он уверен. И Юлька с хахалем. У-у-у!..

Марат заскрипел зубами и ударил кулаком в стену – грязную стену гостинки, которую он купил на свою долю от проданной квартиры – совместно нажитого с бывшей женой имущества. Затем еще раз ударил. И еще.

В его жизни теперь ничего не осталось – ничего, кроме жирной морды водилы Сереги. Его он видит через день, каждую смену. Так и хочется иногда направить на его трехслойный затылок пневматическую винтовку. И надавить на курок. Потом еще раз. И еще раз...

Помогло чудесное совпадение. И его настойчивость. В том же Инете он без труда нашел, кем и где работает Наталья Борисова.

Марат с неделю околачивался возле «Домсервиса» – в свободное от работы время. А свободного времени у него, по любимому выражению Сереги, было – «хоть в унитаэ сливай». И его терпение охотника вознаградили: на шестой день слежки усатый увидел девчонку в зеленой куртке, висевшей на ней, как помятый пиджак на старой вешалке. Он мгновенно вспомнил, где ее видел – да это та самая шалава в парке, которая шарахнулась от него. Марат тогда учил сына жизни, а девчонка попробовала ему помешать.

Еще капельку везенья – и он узнал, где Светик Столярова живет. Когда и где гуляет с Белкой. Ведь выслеживать добычу – его конек. Да и терпения ему не занимать.

– Так, давай, потихоньку. Ага. Еще чуть подъеь. И вставай – включай аварийку. Я быстро, понял?

– Слушай, Маратик, чё-то это... Она с хозяйкой вроде. Может, не надо?

Марат сузил глаза и внимательно посмотрел на темное, раздутое лицо напарника.

– Ты чё, не понял, Серега? Я же тебе объяснял: это бродячая собака, бл... Понял? Она ее подобрала – и теперь шавка распространяет заразу по всему городу. Ты норму хочешь выполнить? Или нет? Тогда сиди и жди – вот вся твоя работа. Я сам всё сделаю! Понял?

Водила закивал своей овальной, как огромное яйцо, головой, угнездившейся на объемной шее. Усатого он боялся. И уважал.

Затем Марат еще раз выглянул в окно, огляделся по сторонам и тихо приоткрыл дверь серого «УАЗика». Да именно это место на газоне он и присмотрел: фонаря тут не было, от ближайших домов далеко, дорога – рядом. Подъехал, сделал дело и уехал. Ноу проблемс...

У Светика в этот вечер разболелась голова. У самой зеленой зоны она, как обычно, спустила собаку с поводка, воткнула наушники и медленно побрела вдоль бордюра. Белка убежала далеко вперед к любимому кустарнику – по своим собачьим надобностям. На машину с включенной аварийкой она обратила внимание лишь тогда, когда от нее отделилась темная фигура и метнулась по газону вперед. Где-то в районе солнечного сплетения ее что-то обожгло, а

потом желудок сжался в комок. Девушка вынула наушники и ускорила шаги. Затем побежала. Со стороны соседней пятиэтажки в тот же момент отделилась еще одна серая фигурка и медленно побрела в сторону кустарника.

Вот оно! Наконец-то! Внутри Марата билось чистое, прохладное, освобождающее чувство. Сейчас они все получают свое, перестанут выпендриваться! Ну же... Он навел винтовку на бело-серое пятно рядом с кустами. О девчонке усатый почти забыл – она где-то там, позади. Где ей соревноваться с настоящим охотником! Средний палец мягко лег на курок. В «летающем шприце» – сразу две обычных дозы «Адилина». Всё надежно, как в сберегательном банке.

– Эй, мужичок! – чей-то визгливый голос справа. – А ты право-то на это имеешь? А ну-ка винтовочку опусти! Опусти, сказала!

Марат покосился в сторону говорящей – там стояла какая-то баба с помятой серой шляпой. Она слегка пританцовывала, переминалась с ноги на ногу и не переставала скрипеть, будто плохие тормозные колодки. Усатый продолжал держать на мушке Белку. Старая дворняга спокойно уселась на траву и смотрела ему прямо в глаза.

– Вы этого не сделаете! Собака не бродячая, на ней ошейник – вы что: не видите? – это уже голос девчонки. С той же стороны, где стоит придурочная баба со шляпой.

– Девочка, ты законы знаешь? Шавка без поводка – это раз. Документов у тебя тоже на нее нет – это два. Сплошные нарушения! А я работаю в организации, у которой контракт с муниципалитетом. Просекла? – заговорил усатый. С каждым словом его голос становился всё громче и увереннее.

– У тебя нет прав на это! Нету прав, нету прав! – снова заскрипела-завизжала смятая шляпа.

– Заткнись! – оборвал ее Марат и решил, что нефиг больше болтать. Со стороны женщины и девочки секунд пять не доносилось ни звука, и он прицелился получше.

– Когда ливень закончился, вы побежали на футбольное поле – то, что рядом со старой школой. Так? – голос девушки переместился совсем близко к нему. Он приобрел какую-то глубину, стал протяжным и убаюкивающим. – Солнце светило ярко, зеленая трава и листья будто обновились, посвежели. Ты помнишь, Маратик?

А потом под деревом вы с братом увидели желторотика. Крошечного, голенького, с мокрыми перьями-волосиками. Глаза его подернулись розовой пленкой с синими прожилками...

Усатый замер. Зрачки его расширились настолько, что белки исчезли – лишь чернильные пятна под веками. Руки задрожали, но винтовку не опустили.

– Твой братец Вовка копал яму куском кирпича – могилу для желторотика. А ты смотрел на птенчика, спрятанного в ладонях, и хотел узнать...

– За-мол-чи... – захрипел усытый. – Замолчи, сучка!..

– «Открой глазки! Ну, пожалуйста! Открой глазки!» – девочка с такой точностью изображала те самые интонации, что Марат в один миг перенесся к старой школе – он стоял там рядом с Вовкой, копающим на корточках могилу. Но почему она такая большая и глубокая? Она не должна быть такой! Что такое?

Маратик отступил на шаг от темной бездны, которую успели выкопать волосатые руки его двоюродного брата. У него закружилась голова, мир перевернулся, и мальчик вдруг оказался в темноте. Пахло мокрым старым цементом, песком и пылью. Впереди – просветы, щели в ускользящий день. Он прыгает еще раз в ту сторону, откуда светит, и снова падает на дно бетонной трубы: его останавливает веревка, привязанная к крюку. В желудке давно перестало бурлить. Бурлило раньше – дня четыре назад. Сейчас кто-то уже начал есть его изнутри, кто-то пил его изнутри.

– «У нас теперь свой настоящий дом! С картиной и собакой. Рыжая будет охранять наш шалаш!» – снова проникает в его сознание размеренный, загробный голос девчонки. Откуда она говорит? С какой стороны? Почему от нее нельзя спрятаться?

– Замолчи, прошу тебя! – стонет он, винтовка ходит ходуном в его руках, но серо-белое пятно еще впереди. Старая шавка не уйдет от него. Обождите, ребята... Сейчас...

– «Ты пойми, тут принцип простой: эту сволочь все равно уже не отучишь – псина кровь почуяла, понимаешь?». Сколько раз, Маратик? Ты помнишь, ты считал? Сколько раз волосатые руки вогнали в будку вилы и вынули их оттуда. А?

Усатый упал на колени. Крупная дрожь била его тело, лоб покрылся холодным потом. Сквозь отяжелевшие веки он видел, как к

нему из темноты протянулись длинные руки с пергаментной кожей, схватились за его винтовку и утянули ее куда-то в бездну.

– Вот и хорошо! – заскрипела справа помятая шляпа. – Сам отдал! Сам отдал! Молодец, Маратик. Пять тебе, пять! Заслужил.

Усатый вздрогнул и вскочил на ноги. В нескольких метрах от него светловолосая застегивала поводок на ошейнике серо-белой собаки.

– Где винтовка? – язык его не слушался. – Где, мать твою, винтовка?

Девочка взглянула на него и в полутемноте ему показалось, что глаза ее светятся. Она спокойно кивнула вперед – там шла женщина в помятой шляпе; она волочила по асфальту за собой на ремешке его пневматику.

– Сто-ой! – захрипел он. – Стой, шалава! Убью!

Но старая шляпа даже не обернулась и через несколько секунд скрылась во дворе. Когда Марат повернулся к Светику, та уже шла прочь, ведя за собой Белку. Мужчина больше не раздумывал. Силы вернулись к нему, и он готов был действовать. Догнав в пять больших прыжков сладкую парочку, он мгновенно вырвал поводок из рук девчонки и толкнул ее изо всех сил вперед. Охнув, та полетела в грязь и мокрую траву лицом вниз. Старая дворняга залаяла, но Марат и не такое видал. Он намотал поводок на руку и резкими рывками поволок собаку к «УАЗику».

– Открывай дверь, чего сидишь! – усатый из темноты скалил желтые зубы на водилу, будто оборотень из плохого фильма ужасов. Пока они вдвоем втаскивали упирающуюся, визжащую, лающую Белку в «буханку», Светик успела подняться. Она прошла несколько шагов к машине, и одним движением смахнула чёлку с глаз. С ее насквозь промокшей куртки и джинсов текла грязь и вода. Левую руку она поддерживала правой: основной вес ее тела во время падения пришелся как раз на левую ладонь. Светловолосая не кричала и не плакала.

«УАЗик» тронулся, и усатый успел поймать взгляд девочки до того, как они рванули на среднюю полосу. Ему показалось, что он увидел... спокойствие. Любопытство и спокойствие.

– Это мне трофей – вместо потерянной винтовки. Сучка старая стащила, прикинь?! Давай намордник, псина вон укусила меня уже пару раз.

– А если она бешеная? – забеспокоился Серега. – Ты чего там так возился долго? Я уж вылезти собрался.

– А так... Ерунда. Непредвиденные обстоятельства... – Марат насадил намордник на старую дворнягу и дрожащими руками достал сигарету. – Слышь, Серег? Я на сѣдня всё – хватит. Домой вези меня!

– Ага. У нас уже полна коробочка... Семерых замочили. И плюс эта – серая.

– Сам на базе отметишься и отвезешь шавок на свалку, лады? Я чѣ-то приболел, наверно.

– А эту куда? – водила указал жирным пальцем на Белку.

– Эту я домой возьму.

– В смысле? Живую, что ли?

– Живую, живую! – усатый раздраженно выдул дым в полуоткрытое окошко и резко дернул поводок. Белка заскулила. – Надо так. Давай газку добавь.

Водила включил радио, а Марат всё пытался вытеснить из памяти светящиеся глаза девчонки. Почему она так смотрела? Почему не бежала за машиной и не плакала? Да насрать! У него теперь есть способ отыграться за винтовку и унижение. Они еще попляшут под его дудку...

Утром Марат проснулся совершенно разбитый. Болела голова, колени, руки и, главное, – горло. В ванной он показал своему отражению язык и увидел, что тот покрылся неровным слоем какой-то желто-белой дряни.

– Вот чѣр-рт! – пробормотал он. – Еще этого не хватало для полного счастья. Заболеть, блин.

Он сварил себе кофе и лишь потом подошел к входной двери. Включил свет. Пленница лежала на пороге; поводок был привязан к дверной ручке. Собака почти никак не отреагировала на его появление – только шевельнула левым ухом. Морда ее продолжала покоиться между лап.

– Лежишь? – спросил усатый и зевнул. – Лежи-лежи. Только смотри: не гадь у меня здесь. Насрешь – убью! Поняла? С тобой эта, как ее? Шалава твоя, Светик которая, – три раза в день, по-моему, гуляла? Так? А?

При слове «Светик» дворняга подняла голову и заскулила.

– Я те-е! – замахнулся на нее усатый. – Поскули у меня тут еще!

Но сил у него не было: тело всё ломило, хотелось теплого молока и забраться под одеяло. Он так и сделал, но перед тем, как лечь, нашел на кухне какую-то старую глубокую железную тарелку и, налив в нее воды, принес к порогу.

– На вот, пей, – он пододвинул тарелку ногой – поближе к собачьей морде. Затем отрезал толстый кусок вареной колбасы и швырнул туда – к порогу. Белка даже не взглянула в сторону подачи. Марат хмыкнул и пошел спать.

К вечеру он понял, что дело серьезнее, чем ему представлялось на первый взгляд. Его лихорадило, при каждом глотке в горле будто кто-то проводил крупной наждачкой. Он отыскал в старой аптечке, оставшейся после прежних хозяев «гостинки», несколько поблекших от времени желто-красных капсул амоксициллина и три таблетки парацетамола. Закинул все найденное в рот и запил остатками молока. От порога не доносилось ни звука, и это его вполне устраивало.

Следующим утром он позвонил Сереге и сказал, чтобы тот ехал на смену с Толяном.

– Скажи, что я приболел серьезно. Отгул беру. Ага. Бывай.

Чувствовал он себя все еще плохо, но знобило меньше.

– Чего разлеглась, сучка? Гулять пойдем? Давай, поднимайся, а то точно устроишь мне тут дерьмовник – разгребай потом!

Он оделся потеплее – в свою любимую черную болоньевую куртку с капюшоном, нахлобучил вязаную шапку и повел Белку по подъездной лестнице. Та не сопротивлялась и покорно шла за ним, стараясь не натягивать лишний раз поводок. Для прогулки Марат выбрал пустырь возле бывшей котельной – подальше от людских глаз. Собака быстро сделала свои дела и уселась рядом с его ногами. Усатый закурил.

– Чего зыришь? – Марат осторожно провел рукой между серо-белыми ушами. – Старая ты уже. Лет уж десять, наверно, да? Или побольше? Ладно, давай домой, че-то меня знобить опять начинается.

К вечеру он сварил себе гречневой каши. Полкастрюли гречки вывалил в обугленную небольшую кастрюльку (тоже наследство

предыдущих хозяев квартиры) и предложил своей пленнице. Собака к каше не притронулась, но после прогулки пару раз полакала воду.

– Чё не жрешь-то? Другого не будет, не жди. Тебя Светик раз-носоломи кормила, что ли? – он снова привязал ее поводок к дверной ручке и отправился к себе на кровать – с ноутбуком на коленях. На страничках группы помощи Марат прочитал пару новых постов про найденышей, но, естественно, без конкретных адресов – только номера телефонов. На личных страницах Борисовой и девчонки – никаких изменений. Лады. Будем ждать.

На следующий день утром он выгулял Белку на том же пустыре. После обеда отправился на базу, чтобы поработать в чужую смену – не с Серегой, а с другим водилой. С жирным Серегой ему расхотелось работать в паре – что-то душа не лежала, надоел он ему. В этот вечер они трудились в Ленинском районе. Улов – девять полнехоньких светло-зеленых мешков. Утерянную винтовку ему, кстати, внесли в счет будущей премии. Баба с помятой шляпой обошлась ему в несколько тысяч рублей.

Вернулся он уже за полночь – злой, голодный и уставший. Однако пришлось идти гулять с этой серо-белой шавкой, иначе точно нагадила бы. В кастрюле с гречкой ничего не убавилось, и он вывалил кашу в мусорное ведро.

– Не жрешь – и не надо! Мне же легче, – зевнул усатый и отправился на боковую.

Утром он прошелся по привычному маршруту в сторону пустыря, а на обратном пути столкнулся с какой-то старухой, сидевшей на лавочке возле входа в подъезд. Он почти никого не знал из новых соседей, но вспомнил, что уже видел ее пару раз: жила она, кажется, этажом выше.

– Собачку завели? – раскудахталась старая ведьма. – Какой красивый кобелек!

– Это не кобелек, – буркнул в ответ Марат. – Ее Белкой зовут.

Шавка по-прежнему отказывалась есть, и усатый забеспокоился: все-таки у него другие планы, собака нужна ему живой.

– Что же ты не жрешь-то? Чем тебя она кормила? – он пригладил свои усы большим и указательным пальцем. Затем отправился в ближайший супермаркет, где купил собачьих консервов, сухого корма «Для взрослых собак всех пород» и копченой колбасы. Вы-

валил всё это в обугленную кастрюльку, сел на корточки и пододвинул еду к белой собачьей морде с длинными ушами.

– Ешь давай. Ну!

Белка приподнялась, понюхала издалека кастрюлю, затем сделала круг – насколько позволяла длина поводка – и снова улеглась со вздохом.

– Вдыхаешь, значит, зараза? – у Марата потемнели глаза. – Я тут триста пятьдесят рублей отдал – как с куста, а она вздыхает!

Он резко встал и саданул в белый собачий бок ногой в тапочке. Белка взвизгнула – как дельфин в сочинском дельфинарии – и прижалась к тумбочке с грязными ботинками. Усатый плюнул в ее сторону и пошел в зал на кровать. Телевизора у него не было, поэтому он снова включил ноутбук. Почти на автомате его руки привели Интернет-обозреватель к страничке Светика Вконтакте. Он в сотый раз пролистал ее фотографии с бабушкой, а потом – с Белкой. Фоток было немного – не больше тридцати. Затем посмотрел, не появились ли на ее стене новые записи. И тут его глаза блеснули. Он придумал одну клёвую штуку. В ВК он входил под вымышленным аккаунтом «Повелитель Мух». Информацию о себе вообще не указал. Френдов у него не было. Поэтому он смело кликнул на страничке Столяровой кнопку «Написать сообщение» и в открывшемся окошке набрал:

«Приветик, Светик! Белочка ни хрена не жрет! Что же нам делать-то?:)))» и нажал «Отправить». Он даже гоготнул и хотел уж закрыть страницу, но буквально через несколько секунд пришел неожиданный ответ: видимо, девчонка сидела Вконтакте со смартфона.

«Приветик, Маратик! Она привыкла у меня к обычной еде: можно и макароны, можно и гречку. Добавляй собачьи сухарики – и про витаминки не забывай. Ок?».

В глазах у него потемнело от ярости. Он вскочил и заорал на всю квартиру:

– Да за кого ты меня держишь, шалава гребаная!! Да я прям сейчас ее кокну и фотку пришлю тебе! Прямо шас!

Он кинул ноутбук на кровать, метнулся к пластиковому черному сундучку, где у него хранились инструменты и лежала пара заряженных «Адилином» дротиков.

– Я тебе покажу, ты мне еще попишешь тут! – не замечая, он до крови вгрызлся зубами в узкие, бледные полоски своих губ. Дрожащие короткие пальцы выбросили из сундучка пассатижи, свёрла и схватили один из оранжевых «летающих шприцов». Он в одних носках, без тапочек ринулся к двери из зала, распахнул ее и стал злобными черными глазами сверлить лежавшую Белку. Ее бело-серая голова с длинными ушами покоилась между лап. Старая дворняга спала, глаза под закрытыми веками двигались: видимо, ей что-то снилось.

Усатый мужчина присел на корточки с дротиком в правой руке.

– Открой глазки! – зашептал он и тут же, опомнившись, чертыхнулся и снова вскочил. Белка вздрогнула и приподнялась.

– Благодарю Бога, что у меня щас винтовки под руками нет! – просипел он и захлопнул межкомнатную дверь.

«От гречки она что-то отказывается – третий день уже. И от собачьих консервов...», – надолбил он на клавиатуре ноутбука с такой силой, что едва не выбил кнопки. Затем нажал «Отправить».

«Скучает, наверно. Подожди немного – пусть обвыкнется. Гулять нужно три раза в день. И да, забыла: привязывать ее не надо. Она этого не выносит», – ответ пришел почти сразу же: светловолосая гадина набирала текст со скоростью света. Он прочитал, заскрипел зубами и откинул голову на подушку. Несколько раз глубоко вздохнул.

– Ладно, – сказал он пустой комнате. – Мы это перетерпим. Она еще не в курсе, с кем связалась. Я просто пока подумую, как мне прислать ей Белочку – по частям или сразу? Без хвоста или без головы? Мы это перетерпим, перетерпим...

Через час он отвязал поводок от дверной ручки и снял с собаки ошейник. Дворняга теперь могла гулять по квартире где ей вздумается.

Глава 11. Игра в «Дай пять»

Про свою собаку Светик сказала кратко: «Она сорвалась с поводка и убежала». Борисова долго молчала, смотрела на девочку, потом попыталась взять за подбородок, чтобы увидеть ее глаза. Но та отодвинулась.

– Теть Наташ, у меня к вам большая просьба: давайте договоримся, что вы меня за подбородок не будете хватать. Хорошо?

Натаха вскинула брови, подняла ладони кверху и произнесла:

– Всё-всё, поняла вас, ваше высочество! Кризис подростково-го возраста. Явление изученное и понятное. Ты мне лучше скажи: ты хоть Белку-то пробовала искать?

– С ней всё в порядке. Давайте эту тему... оставим. Ну, пожалуйста! – Светик умоляюще сложила руки.

– Ладно-ладно. Замётано. Но и у меня есть два условия: ты в выходные переезжаешь ко мне. Это первое. И второе – мы сегодня же покупаем тебе нормальную весеннюю куртку. Ваш ответ, принцесса?

Светик закивала. Натаха прижала ее к своей большой груди и даже всплакнула:

– Ты уж не обижай свою приемную мамочку, Светик. У меня ведь тоже, кроме тебя, никогошеньки нету!

Через час они покатали на весеннюю ярмарку одежды – в соседний гипермаркет. Натаха быстро накинула на девчонку куртку веселого желтого оттенка, Света сунула левую руку в рукав и не смогла сдержать стона.

– Это еще что за новости? – нахмурилась Борисова. – Ну-ка, покажь! Как всё в порядке? Давай-давай... Ё-мое! Это чё у тебя с рукой? Упала? Это когда? Пальцами пошевели. Мизинцем не можешь? Та-ак. Поня-атно. Давай-ка куртку бери и – в травмпункт.

Снимок показал перелом двух пальцев, так что из травмпункта Светик вышла в новой куртке и со свежим гипсом.

– Вот как, скажите на милость, можно было двое суток проходить со сломанными пальцами и не сказать никому? А? Горе ты мое луковое! Садись в машину. Сегодня же переедешь ко мне. Без никаких!

Они сели в «Киа» на передние сиденья. Потом обе одновременно повернулись друг к другу. Светловолосая в желтой курточке и с гипсом на руке выглядела очень забавно. Глаза ее светились радостью. Они вместе засмеялись, и Натаха поцеловала Светку в лоб.

– Я говорила, что люблю тебя? Нет? И не дождешься! От меня ласкового слова – как снега зимой – не допросишься. Цыпленок, ты теперь вылитый цыпленок, честно слово!.. ЕГЭ-то твой когда? О, Господи, скорей бы. Замучили детей своими дурацкими экзаменами! – и она повернула ключи зажигания.

(24 апреля)

«Так прививку в начале мая лучше делать, что ли? А?».

«Да, там комплексную надо. Я адреса ветклиник сейчас пришлю. Это недорого».

«Не надо мне твои адреса. Сам найду!»

(4 мая)

«Витамины какие лучше брать? И какую-то подкормку с кальцием надо. Врач этот, Айболит гребаный, посоветовал. Типа собака старая. Надо, значит».

«Ага. Подкормку – это очень хорошо. А витамины – любые. Я брала ей те, которые «утро-вечер». В зоомагазине спроси – тебе подскажут».

(8 мая)

«Я двух клещей сегодня с нее снял. Шерсть у нее длинная, блин. Надо чё делать?».

«Лучше от клещей капелек купить и такой ошейник есть специальный. А клещей правильно снял – головки не оставил?».

«Не оставил. Учить меня еще будешь. Капелек ей, блин! Я разорюсь с твоей шавкой... Ты с поводка ее спускала когда – она не убежала?».

«Не-а».

(20 мая)

«Чего она по утрам делает? Не пойму я. У тебя было так?».

«В смысле? Не поняла».

«Я просыпаюсь – руку с кровати опускаю, а Белка ее, ну, типа толкает, что ли. Лапой своей».

«:))».

«Не понял. Что значат эти твои скобки? Тебя это улыбнуло?».

«Это она так в «Дай пять» играет. Она и со мной так делала. Знаешь что это значит, Маратик? Ты ей нравишься:))!».

«Я тебе вообще-то в отцы гожусь, шалава малолетняя. А ты мне «тыкаешь» тут!».

«Если в «Дай пять» играет – то вы точно с ней подружились! Маратик, пришли мне фоточку с Белкой, а? Я по ней соскучилась!».

«Пошла ты... У меня фотоаппарата нет. А на смартфон – фигня получается».

«Ну, пожалуйста! Одну хотя бы».

«Вечером пришлю».

Она сама ему никогда не писала – только отвечала. Его это устраивало. А про лапу, ну про игру в «Дай пять» – это да. Тут, конечно, ему «немного нутро поскребло», как любил выражаться всё тот же незабвенный дядя-охотник.

Марат как-то проснулся утром и вспомнил, что сегодня ему идти на смену. И тут кто-то приложил к его свесившейся с кровати руке что-то шершавое. Он вздрогнул и отдернул руку. Повернулся на другой бок и посмотрел на пол. Там на спине лежала Белка; ее передние лапки смешно перегибались пополам, прижимаясь к груди.

– Ты чего это? А, Белка? – хрипло спросил он. Собака замерла и лежала, не смея вздохнуть. Он снова откинул голову на подушку и спустил правую руку – будто нечаянно. Через секунду по ладони прошли шершавые подушечки лап. Его губы задрожали в улыбке, и он, не глядя на пол, чуть шевельнул ладонью и задел кончиками пальцев Белкины когти. В ответ – снова легкий удар. Так они играли целую минуту. А потом Марат резко повернулся на другой бок, прижался лицом к стене и задрожал всем телом. Белка тихонько приподнялась и ушла к квартирному порогу – от греха подальше. А потом услышала через открытую в зал дверь судорожные всхлипы и свист воздуха, вырывающегося сквозь плотно сжатые зубы.

В этот же день Марат подал заявление об увольнении – больше на базе «Автодорсервиса» он не появлялся.

В конце июня Натаха позвала к себе домой Катьку и Татьяну Федоровну. Светик сдала последний экзамен, так что был повод собраться и отметить.

– Так, дайте Светику попробовать вина! Чуть-чуть! Пусть попробует, теперь можно! – говорила развеселившаяся жительница улицы Тухачевского.

– Но, но! – одергивала ее бывшая учительница математики. – Спаиваете тут мне девчонку. Она, может, только жить начинает.

Светик, улыбаясь, отошла к окну со смартфоном, а потом вскрикнула и прикрыла рот рукой.

– Что такое? – насторожилась Натаха.

– Мне бежать надо... Срочно! – девушка побледнела и пошла к выходу.

– Та-ак. Стоп, машина! Давайте спустим пар, – Борисова встала на ее пути. – Светик, мне эти тайны твои – уже поперек горла. Ты думаешь, я слепая, что ли? А ну говори сейчас же! Ну неужели я не пойму? Неужели я тебе не доказала, что достойна доверия? Ну?

– Там, по пути, – светловолосая едва шевелила губами. – По пути расскажу.

К ним присоединились и две другие гостьи – ведь они тоже свои. Куда от них денешься?

– Куда ехать-то? – спросила Натаха, когда все четверо устроились в ее автомобиле. Светик назвала адрес.

– Ну, колись, Светик, что случилось? – из Катькиного голоса исчезли все винные нотки.

– Белка умирает...

– Как умир... Где она? Ты же говорила, что она убежала? Ради Бога, Светик, ну не томи!

И светловолосая им рассказала. Уложились в десять минут.

– Ты думаешь, что это он убил Катькиных хвостов?

Света кивнула.

– И в беседке, – тоже его рук дело?

Снова кивок.

– И ты этому извергу рода человеческого отдала Белочку?! Я тебя не понимаю, Света! Просто отказываюсь понимать... – у Катьки покраснели глаза и побелели скулы.

– Вы сами меня уговорили рассказать, а дослушать не хотите...

– Щас направо, – подсказала Татьяна Федоровна, следившая по навигатору.

– Этот человек болен, да. У него душа вывихнулась. Именно поэтому Белка ему нужнее, чем мне.

– Ты же говоришь, что Белка умирает? – спросила Татьяна Федоровна, потому что остальные молчали. – Получается, он ее и замучил?

– Да ну нет, тетя Таня! – от отчаяния Светик расплакалась. – Ну, всё не так. Совсем не так!

– А как? Объясни нам – глупым, неразумным бабам! – Натаха развела руками и опять схватилась за руль.

– Он ухаживал за ней, мы с ним переписывались несколько месяцев. Она умирает сама по себе – от болезни.

– Переписывались? Несколько месяцев? Час от часу не легче!

– Натаха вытерла пот со лба. – А сейчас-то мы куда едем? Скажите на милость, ваше высочество?!

– К нему. С Белкой попрощаться, – Светик отвернулась к окну.

– Ага... – Борисова остановилась на светофоре. – Понятно, что ничего не понятно. Ты мне только одно скажи, милая. И я успокоюсь, клятвенно обещаю! Ты у него на квартире хоть раз была?

– Никогда.

– Вот и слава Богу! – выдохнула Натаха. – А со мной тебе ничего не страшно. Я ему такую белку покажу – пулей вылетит из дверей!

– Тё-отя Наташа...

– Чего тетя Наташа? Тебе про беседку с собачьей головой напомнить?

Они замолчали. Через пять минут въехали во двор трехэтажного дома.

– Я не пойду с вами! – отрезала Катька, как только они остановились. – Я если эту усатую морду увижу, то глаза ему выцарапаю. Точно говорю. Сами идите. Договоримся так: я вам через 10 минут отзваниваюсь. Если не отвечаете – полицию вызываю. Поняли?

Борисова сочла это предложение разумным.

– Номер квартиры-то он написал? – спросила Татьяна Федоровна. Девушка кивнула, и они поднялись на третий этаж второго подъезда. Дверь им открыл худой человек с черной острой бородкой. Света не сразу его узнала, так как Марат, отрастив бороду, сбрил усы.

– А-а, всех привела? – он открыл обшарпанную дверь пошире.

– Ну, что ж, заходите. Белка там. Разуваться не надо.

Гости вошли в небольшой коридорчик. Света первая побежала к собаке. Она лежала на единственной кровати в зале, глаза ее были закрыты, дыхание едва ощущалось.

– К ветеринару возили? – быстро и строго спросила Борисова хозяина квартиры.

– Возил, – Марат сел на стул и посмотрел на нее уставшими красными глазами. – Не один раз. В разные клиники. У нее рак – там уж от кишечника ничего не осталось. Бесполезно...

Татьяна Федоровна присела на край кровати, Натаха отошла к окну. Все взрослые смотрели на девочку, положившую голову собаки себе на колени. Слышны были всхлипывания Светика, редкие

вздохи Белки и капание воды из крана на кухне. Запах в комнате стоял тяжелый и нехороший – так пахнут холостяцкие квартиры, хозяин которых убирается нечасто и целыми днями не выходит на улицу. Директор «Домсервиса» молча открыла форточку нараспашку.

– Можно вас на пару слов – на кухню? – спросила Марата дама в темно-красной куртке. Он кивнул. Они вышли, и хозяин затворил за собой межкомнатную дверь.

– Я тут долго с вами якшаться не собираюсь! – с места в карьер прыгнула Натаха. – Вы ответьте мне: зачем девочку сюда позвали? Чтобы на жалость надавить, что ли?

Марат молчал и смотрел в окно.

– Отвечать-то будем или как?

– Наталья... Или, как вы любите, чтобы вас называли? Натаха?

– Для вас – Наталья Федоровна.

– Хорошо, Наталья Федоровна. Я Свету позвал, чтобы она попрощалась с Белкой. Потому что эта собака для нее много значит.

– И давно вас беспокоить стало, что для нее это много значит?

Марат помолчал.

– Я, Наталья Федоровна, ругаться и спорить сейчас не буду. Мне некогда. Если у вас всё – пойдите к Белочке. Ей несколько минут осталось.

– А потом что, Марат? Что вы собираетесь делать дальше?

Мужчина пожал плечами:

– Это хороший вопрос. Раньше я знал на него ответ. Теперь – нет. Я знаю, что я изменился – из-за Белки. Вот это для меня важно. А на всё остальное мне наплевать.

– Я в курсе, что вам наплевать... – начала Борисова, но Марат уже пошел в зал. Натаха нахмурилась и поплелась за ним. В единственной комнате «гостинки» было тихо. Белка уже не дышала. Бывшая учительница смотрела на мертвую собаку, Светик стояла у окна с потухшими, заплаканными глазами.

– Мы тут, наверное, уже не нужны? – через некоторое время произнесла директор «Домсервиса» будничным тоном. – Поехали, Светик.

Девушка отрицательно замотала головой.

– Марат, – обратилась она к хозяину квартиры. – Ты что собираешься с Белкой делать?

Тот сел на стул, опустил голову вниз и ничего не ответил.

– Тогда поехали! – решительно сказала светловолосая.

– Куда это? – забеспокоилась ее опекунша.

– В Горелый лес. Белку надо похоронить – всем вместе. Так будет лучше всего. Я это точно знаю, я это чувствую!

Бородатый мужчина повернул к ней голову и спросил:

– А что там – в Горелом лесу?

– Так вы не знаете, что ли? – ответила за девушку Татьяна Федоровна. – Там уж лет десять хоронят. Неофициально, конечно. Городское кладбище домашних животных. Любопытное место, кстати.

Натаха и здесь всё взяла в свои руки – вероятно, по привычке. В полузаброшенной квартире Марата на балконе нашлась коробка из-под телевизора. Потом обнаружили старое байковое одеяло. Серо-белый труп обернули в него, а потом упаковали в коробку.

– Лопата у вас есть? Нет? Ладно, значит, поедем через мою контору – там захватим. Все готовы?

Глава 12. Кладбище домашних животных

Катька отказалась ехать с Маратом. По правде сказать, в Натахином «Киа» и без нее места было маловато.

– А тут еще коробка с Белкой. Не, не поеду, хороните без меня... И не верьте этому недочеловеку. Он вас еще обманет, вот попомните мои слова! – шепнула она Борисовой, и после такого дружеского напутствия они вернулись в «Домсервис», где раздобыли лопату с коротким черенком.

Светик и ее опекунша ехали на передних сиденьях, Татьяна Федоровна и Марат с коробкой на коленях – сзади. Почти всю дорогу пассажиры молчали, и Натаху эта тишина тяготила. Она включила музыку – легкую инструменталку – но уютнее от нее не стало.

– А там что – прямо с надгробиями, ну, я имею в виду, как у людей могилы? Или просто закапывают – и всё? – вдруг спросил Марат Татьяну Федоровну.

– Да по-разному! – пожалала плечами бывшая учительница. – Я, честно говоря, там сама была-то раза три всего. Мы с мужем похоронили там нашего котика – Снежка. Он жил у нас 12 лет, очень к нему привязались – особенно Саша, мой муж. Вот он ездил – часто,

почти каждый месяц. На родительские могилки заглянет, а потом – к Снежку заруливал. Там и обычное, человеческое, кладбище недалеко – километра четыре всего. Соорудил нашему Снежку и ограду, и памятник с фотографией. Ну я вам покажу – если дойдем до нее. А как Саша умер, так я больше там и не появлялась. Больно уж мне грустно становится, когда я вижу все эти могилы.

На этом беседа прервалась, и далее все снова молчали – до самого Горелого леса. Натаха поставила «Киа» рядом с самодельным указателем – дощечкой, врытой в землю. На прикрученной картонке черным маркером было написано «Кладбище животных» и нарисована стрелка вправо. Буквы выцвели и едва просматривались. Марат вытащил коробку, Светик взяла в руки лопату с коротким черенком. Татьяна Федоровна пошла вперед, показывая дорогу.

– Через час стемнеет, так что давайте поторопимся: неохота возиться здесь с фонариками, – сказала Натаха и, пикнув сигнализацией, пошла за остальными.

Светик знала об этом кладбище лишь по фоткам в соцсетях; в реальности всё оказалось иначе. Когда между деревьев и зарослей кустарника начали попадаться то тут, то там яркие пятна надгробий, они с Маратом остановились. Бывшая учительница, не заметив этого, пошла вперед. Борисова отстала от группы шагов на пятьдесят, так что Светик и бородастый оказались на несколько секунд вдвоем.

– Ты это слышишь? – спросил он девочку шепотом. – Или мне только кажется?

– Да, – тут же отозвалась она. – Слышу.

И тут на них сзади налетела запыхавшаяся Натаха.

– Ну, чего: присмотрели местечко? Где будем копать?

В Горелом лесу располагалось около трехсот могил. Или, как потом подсчитал новый Хозяин кладбища, 287 надгробий и еще 94 никак не обозначенных «холмиков». Надгробные памятники попадались самые разные – крестики из наспех сколоченных досок, валуны с прикрученными фотографиями, классические трапеции из металла. Роль оградок выполняли пластиковые декоративные заборчики, остатки кафельной плитки, воткнутые уголком в землю, просто деревяшки, уложенные прямоугольником.

– Ну, это, по-моему, чересчур, – покачала головой Натаха, увидев православный крестик с кривой перекладкой внизу. На нем

была прикреплена фотография бульдога с датами рождения и смерти. Татьяна Федоровна в ответ лишь пожала плечами.

– Ну как: выбрали место? – повторила вопрос леди в красном.

– Там! – тут же отозвался Марат и пошел с коробкой в руках куда-то вправо. Борисова старалась идти так, чтобы почаще оказываться между бородатым и светловолосой. Она, как и Катька, не испытывала никакого доверия к этому убийце животных. Правда, она успела заметить, что в лесу Марат как-то переменялся. Его лицо утратило угрюмость, черты разгладились. Он напоминал человека, который наконец-то нашел то, что искал. По большому счету, Натахе было наплевать, что чувствует бородатый, но ей сильно не нравилось, что похожая радость и даже торжественность отражается и на лице ее приемной дочки.

– Вот тут! – провозгласил тот, кто нес умершую Белку. Он выбрал место между двух сосен – немного в стороне от остальных надгробий. Создатели надгробных памятников как будто опасались, что умершим питомцам будет скучно в одиночестве, и хозяева постарались расположить могилки рядами – вероятно, по образу и подобию человеческого кладбища.

Марат взял из рук Светика инструмент и принялся за дело. Женщины отошли за сосны, чтобы не мешать работе.

– Ты действительно веришь в то, что он изменился? – вдруг тихо спросила Наталья, склонившись над ухом светловолосой.

– Нет, – Светик в задумчивости почесала подбородок. – Он не изменился, но он меняется. Точнее даже не так...

Девушка рассеянно посмотрела по сторонам на проступающие сквозь траву и листья цветные пятна пластиковых оградок и деревянных крестиков.

– Я же говорила, что Белка просто помогла ему выправить какой-то вывих в душе. Детскую травму. Я видела его детство...

– Видела детство? – Натаха нахмурилась. – Ладно, в общем-то, мне все равно. Мне главное, чтобы ты от него держалась подальше. Вот похороним Белочку – и баста! Пусть идет своей дорогой. Лишь бы наших собак-кошек больше не трогал. И переписываться с ним нечего. Окей?

Светик неопределенно пожала плечами и сделала шаг в сторону, чтобы посмотреть, как у Марата продвигается дело.

– Нет-нет, – Натаха взяла ее за плечо и снова притянула к себе. – Пообещай мне! Он – страшный человек. И процентов на 100 – законченный псих. Так что...

– Хорошо, – кивнула девочка. – Обещаю.

Борисова подозрительно ощупала глазами лицо собеседницы и облегченно выдохнула. Она не ожидала такого быстрого согласия и решила отложить выяснение всех подробностей на потом.

Минут через тридцать в мягкой летней земле Горелого леса появилась квадратная яма больше метра глубиной. Она легко поглотила старую коробку из-под телевизора. А потом между соснами остался лишь холмик.

Вечерело. Темнота выползла сначала откуда-то из-под корней и травы, а затем начала быстро опутывать деревья.

– Ну всё – поехали! – объявила Натаха.

– Да, вы езжайте, – кивнул бородатый мужчина.

– А вы как же? Остаетесь? – спросила Борисова и не смогла скрыть нотки облегчения в голосе.

– Да, я здесь побуду. Сам доберусь – не беспокойтесь.

Татьяна Федоровна пошла первой, Борисова потянула девушку за собой.

– Света, можно тебя буквально на пару слов? – спросил Марат, отдавая руководительнице «Домсервиса» лопату, которую он заботливо вытер об траву.

– На три минуты, не больше! Мы торопимся, – ответила за Светика ее опекунша. – Я буду в двадцати метрах – совсем рядом.

Когда они остались вдвоем, Марат посмотрел на свежий холмик и прислонился спиной к сосне.

– Света, я плохой человек. Я это знаю. Будь я хорошим – я бы у тебя сейчас извинения попросил и за Белку, и за то, что толкнул тогда. И... Но я – другой. Ты знаешь, ты же видела... Лучше скажи: они всегда будут тут... общаться со мной? Ты же слышишь? Так?

– Я не знаю... Марат, я сама тут в первый раз, – Светик закрыла глаза и прислушалась. – Но мне кажется, что ты им понравился.

– Как Белке?

– Да, как Белке.

Они помолчали. Марат тоже прикрыл глаза и прижал обе ладони к бугристой коре сосны.

– Еще вопрос – и можешь уходить. Как ты думаешь: они простят меня? Когда-нибудь? Как ты думаешь?

Светловолосая посмотрела на черный холмик Белки и убрала чёлку с глаз.

– Маратик, ты у них сам и спроси. Если уж ты здесь – почему им этот вопрос не задать?

– Да, да, – он закивал и улыбнулся. – Я теперь часто сюда приходил буду. И спрашивать. Ты права.

Светик махнула ему рукой и пошла по тропинке. Он не смотрел ей вслед, а снова закрыл глаза. В ушах его звучали множество тихих голосов, и ему предстояло в них разобраться. Выслушать каждого и – рассказать свою историю в ответ.

Эпилог

«...ский курьер» от 14 сентября 2016 года:

«Городские власти наконец-то обратили внимание на проблему, о которой мы не раз уже писали. Напомним, в Горелом лесу – парковой зоне и месте отдыха многих горожан – за последние годы появилось целое кладбище домашних животных. Лет десять назад кто-то похоронил там свою кошку или собаку и воткнул доску с фотографией. А как известно, дурной пример заразителен. Люди стали приезжать и хоронить там своих питомцев – естественно, абсолютно неофициально и незаконно. В результате значительная часть леса превратилась в скопище разномастных надгробий – крестов и оградок.

– В этом году из муниципального бюджета были выделены деньги для приведения территории лесопарка в порядок. Мы не просто благоустроим эту территорию, но будем ее развивать. В частности, на месте незаконных захоронений животных планируется организовать зону для проведения детской спортивно-патриотической игры «Зарница», – сообщил нашему корреспонденту глава Заречного района Виталий Долганов.

По его словам, строительство игровой зоны позволит избежать появления на этом месте новых захоронений...».

Лунная ночь – хорошее время для беседы и неспешной работы. Он намечил новое место давно – еще недели три назад. За оврагом не было тропок, так как попасть туда было сложно: пришлось бы перейти вброд широкий ручей. Именно там, подальше от людей, он решил обустроить новый дом для своих собеседников. За пять ночей удалось перенести почти половину надгробий. Такая скорость его вполне устраивала. И другие тоже были довольны.

Чаще всего он их просто слышал, но совсем недавно он стал и кое-что видеть. Как-то Марат сидел под соснами всю ночь. Голоса успокаивали его, просветляли, переносили на его любимое место – туда, где трава-паутинка колышется от ветра, а на горизонте сияет полукруглый радужный мост. Он открыл глаза и боковым зрением уловил что-то темное на своем плече. Тяжести он не чувствовал, но уколы от коготков ощущал. В следующий раз темное пятно, по-

хожее на кляксу, приняло более четкие очертания. И он услышал знакомый каркающий голос. С тех пор Карлик не оставлял его и постоянно сопровождал в прогулках по лесу.

Помогал он и сейчас – когда Марат выкапывал и переносил через ручей надгробия и останки похороненных – каждого в особом светло-зеленом мешочке.

Иногда чернобородый мужчина спрашивал ворона прямо: сможет ли он когда-нибудь простить своего отравителя? Карлик на этот вопрос не отвечал или делал вид, что не слышит. И лишь однажды – уже ближе к зиме – черная птица наклонилась к его уху и сказала:

– Ты просил нас открыть глазки. И мы их распахнули для тебя. Разве этого мало, Марат? Разве мало?

И мужчина согласно кивал и улыбался. Да, именно этого он и просил. И ждал всю жизнь. И сила, которая раньше текла через его темечко в солнечное сплетение и ниже, ниже, – теперь устремлялась вверх. Туда – к верхушкам сосен, к черному небу, звездам и полукруглому мосту. Он видел, как тысячи четвероногих, лохматых и пернатых бежали и летели к этому сверкающему всеми цветами радуги переходу. И Марат знал, что когда-нибудь и он посмотрит с его золотистых перил на реку, через которую тот перекинут.

По крайней мере, Карлик обещал ему, что именно так всё и будет.

Александр Цыганов

Мне так удобны малые тревоги:
и морозящий дождика привет,
и в хлябь степи ушедшие дороги,
и грязь, отягощающая ноги,
и паутиной отражённый свет.

Листва, едва шуршащая в беседе,
и древний шёпот капель без конца
смывают тишину в твоём ответе,
как в облаках черты смывает ветер
невыносимо милого лица.

Мне так легко, пленительно – спокойно,
так странно, что как будто не чужой
среди берёзок – в реверансе стройном –
багряном, золотом, благопристойном;
лишь птичий крик прощанием невольным
зовёт тянущей, плачущей струной.

30.09.2018 г.

– Ничего, если я сыграю?
– Ну, сыграй, если очень надо.
– Как обычно, ты сядешь с краю,
ближе к выходу? ближе к аду?

– Ну, сыграй, поменяй, попробуй,
мне одну печаль на другую...

– Ты жестокая!
– Ты суровый!
– Я играю?
– А я танцую!

11.10.2018 г.

Круг друзей да накрытый столик,
диалог, разговора нить.
Не ходи ты за белым кроликом,
оставайся немножко жить!

Пей вино – не оно погубит
за столом в предзакатный час.
Среди тех, кто действительно любит,
лишь один неизбежно предаст.

Говори, расчерти для дела
на салфетках соусом с блюда,
что душа-то бывает, как тело,
недоласканною и куцею.

Как в три слова на самом деле
всё исправить и точно надо ли
отделять семена от плевел,
отличать серебро от падали!?

Говори: не за тем живу я,
чтобы ради меня на части! –
и с улыбкою можно тоскуя
слёзы лить – это тоже счастье.

Веселись, смехи до заката,
не страдай и не плачь о былом!
Да, конечно, ты будешь распятым,
но всё это случится потом!

24.10.2018 г.

Пусть дождик, град или снег,
плеск зорь или гнев заката,
Смотрите – всё это бег,
безудержный бег куда-то:

Неспешный шмеля полёт,
Стай журавлиных песни, –
в мире, где всё вперёд,
сердцу ль сидеть на месте?

И мечется, и зовёт:
– Ты в вечность собрался, что ли?
– Ты знаешь, наоборот, –
Не вечности хочется. Воли.

Ни льда, ни огня, ни звёзд,
ни голоса, вдаль летящего,
ни снов, ни шипов, ни роз,
другого... настоящего.

02.11.2018 г.

Мне внутренней довольно тишины,
Не отвлекают осени проделки:
Ни гром упавшей за спиной сосны,
Ни писк и скрип ругающейся белки.
Ни деловитое пыхтение ежа,
Среди листвы проторившего тропку,
Ни шорох пожилого камыша,
Что гимн осин подтягивает робко.
Лист, падая, спиной заденет лист,
И рядом всхлипнет неизвестный кто-то,
И вспышкой яркой пронесётся вниз
Вдруг рыжий хвост, мелькнув у поворота.

08.10.2017 г.

Пятнами летающего света,
снегом вперемешку со стеклом
быт любви симбирского поэта
часто незаметно окружен.

В воздухе со вкусом остроумным
старины, подлаченной на глаз,
тонкие пылинки, шорох шумно
тихий миг растачивают в час.

Сонные мерцают: где ты, где ты? –
глубиной воды из капли рук.
Век любви и содроганье света
из рыданья сердца тает в стук.

21.03.2017 г.

Веду урок. Обычный зимний день:
ложится снег, скрипят тихонько ручки,
склонились головы, и надо же – не лень
им выводить в тетрадах закорючки...

Смотрю в окно, там тихо за окном.
Я улыбаюсь, ощущаю, вижу:
как всё-таки прекрасно мы живём!
Стараемся, работаем и дышим.

Мне лица беззаботных молодых,
их легкий смех – как ласки покрывало.
Я знаю: это за меня, за них
легли мои друзья на перевалах.

...Серёга вон –
ничуть не постарел.
А рядом Сашка-Киев и Андрюха...
Он заживо сгорел...
Наивен, смел...
и тянет вальс
без голоса и слуха...
...легли за нас,
но громче говорят,
советуют и часто даже спорят...
Да их на дрожь меня пронзает взгляд,
Когда я сдаться захочу без боя!

Они смеются, если нам смешно,
и хмурятся, когда бесцельно тратим
то время, что на время нам дано
на этом перекрёстке демократий:

«Священный Долг неси, не обесцень!
Для этого ты временно в отлучке...»
Веду урок. Обычный, зимний день.
Ложится снег. Скрипят тихонько ручки.

23.12.2017 г.

Алексей Ланцов

В осенней памяти моей
Ограда – красоте высокой,
Там пара снежных лебедей,
Пруд, зарастающий осокой.

Мещанство это или нет –
Я не могу сказать наверно,
Ведь есть Чайковского балет
И лебедь Пушкина – царевна.

Проходит время через нас
И возвращается как память.
Придёт, и уж в который раз
Во мне пылает, словно пламя.

И не уменьшить его пыл,
Оно накатит, опрокинет...
Чтоб я, беспечный, не остыл
К тому, чего уж нет в помине.

Сиянье дней осенних
Усилено закатом,
Причаливает сейнер,
Мечтая про экватор.

Тревожат чаек жадных
Высоких волн изгибы,
Луна блестит, как жабры
Неуловимой рыбы.

Так, вычлняя время
Из вечности по крохам,
Нам этот мирный берег
Отмерила эпоха,

Где вдалеке – деревня,
А здесь – у мелководий –
Сорят листвой деревья –
Красой отжившей плоти.

Готовятся смиренно
Проститься с преходящим,
А пульс военнопленной
Души – сильней и чаще.

2001

Голубоглазый соул

Ни субботы без танцев. Дружа с досугом,
Ты разрежала воздух шёлковым плугом –
Подолом цветастым, кружась по танцполу,
Где зажигает голубоглазый соул.

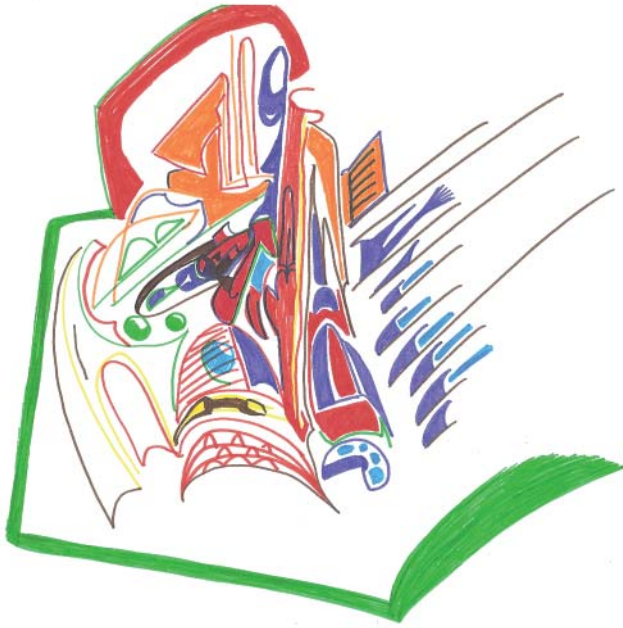
Наряд полицейских, спокойных, как преторианцы,
Томится – побыстрее бы закончились эти танцы,
Где втихаря от них распивают отнюдь не колу.
В автозак бы тебя – голубоглазый соул.

Америка. Середина пятидесятых.
Нет ещё рокеров волосатых.
До битлов ещё десять лет, и если учит кто прогуливать школу

—
Так это он, да, именно он – окаянный соул.

Почему хорошо танцуются после войн, катастроф, трагедий?
Есть политик, есть генерал, хореограф за ними третий.
И когда: «Создадим ООН», – заявили лобастые дядьки,
Молодёжь прокричала в ответ: «Создайте нам танцплощадки!»

Потому что ноги поют,
Потому что ноги красивы,
Когда они бьют, бьют, бьют
В пол танцплощадки с силой.

2016

Не в кабинеты психологов, нет,
 На танцплощадки гоу –
 Так говорил людям тех лет
 Послевоенный соул.

Вот они – из простых семей, живущих в многоэтажках, –
 Нимфы на каблучках и пиджоны в подтяжках.
 И покуда отцы смотрят футбол, накупив валидолу,
 Расширяет их детям сознание голубоглазый соул.

Голубоглазый блондин выходит из мрака ночного,
 Джинсы его – дыра на дыре, на майке – непечатное слово.
 В наушниках Эми Уайнхаус, всё как обычно: шоу
 Должно продолжаться – мы знаем это
 и с удовольствием слушаем соул.

2017

Хоть я городской и тепличный,
Но всё-таки не устаю
В сезон землянично-черничный
Бродить в этом тихом краю.

Взял правило: меньше фейсбука
В такие походные дни.
И даже мобильник без звука,
Когда я ныряю как шука
В черничные полыньи.

А лес? Я к гиперболе строгий,
Но хочется граждан спросить:
Вы видели лес синеокий?
А нет – посмотрите под ноги –
Глядит на вас взглядом глубоким
Черники зазывная синь.

Казалось бы: в этом ли редком
И столь неказистом леске
Ломиться от ягоды веткам,
Что просится по тарелкам,
О сахарном грезит песке?

В черничные вторгшись угожья,
Нарушив их сладкие сны,
Я самый счастливый сегодня,
С какой ни взгляни стороны.

И я до скончания века
Гулял бы по этой глуши,
Вдали от новинок хай-тека,
Борьбы за права человека
И радужных флагов меньшинств.

Но Запад (такой уж он – Запад)
Внушает отечески нам:

2016

Будь другом, дорвавшись до ягод,
Оставь хоть немного зверям.

Ведро донесу до машины,
Прощаясь, взгляну на лесок:
Всех благ, дорогие вершины,
Черничный родной уголок!

2018

Выйдешь на улицу
Солнца последнего ради –
Осень паркуется,
Празднично в Хельсинкограде.

Плюшевый день смог приласкать,
Шествую мимо.
Меся в пикселях, стала тоска
Менее зрима.

Ты из банальности жизни своей,
Из маргиналий,
Из неприметных фейсбучных щелей
Выполз не зря ли?

Узкое небо цвета фольги
В царстве бетонных блоков,
Флаги, надетые как парики
На черепа флагштоков, –

Ждал, что на психику станут давить,
Но обошлось, на диво.
Хоть и октябрь, а такая финифть...
Красочней, чем на Мальдивах.

Мысленно лайкну няшный денёк
И уберусь восвояси
Майнить поэзию, ждать Рагнарёк,
Думать о смертном часе.

2018

Мыслю, следовательно, существую.
Декарт

Внёс я в Декарта поправки,
Максиму вывел такую:
Я получаю лайки,
Значит, ещё существую!

2015

Так или иначе понятый,
Чую с реальностью связь.
Кто получает комменты,
Жизнь у того удалась!

2016

Заросли чертополоха

I

Дахаб, Ларнака, Варадеро –
три сказочные страны из сказки «Трип поросёнка».

В отеле на стене портрет матери Ротко.

По вечерам, размешивая размышления,
рассеянно смотришь мундиаль.

Или за окно.

Закат, как и положено, красный,
как корочки загранпаспорта.

Взмыленная речь, обмелевшая память –
что ещё я вывез контрабандой?

Человек полон сил и эмоций,
У него много функций и опций,
Он лелеет свой маленький бложек
И постит туда мордочки кошек.
Он...

II

Головную боль заглушить труднее,
чем радиостанцию, презентующую
новые фасоны беды от знаменитого авантюрье.
Интеллектуалы проводят жизнь в беседах,
а я – в слушании бесед, облучаясь радиацией
производимых ими смыслов, деревеняя.

Движенье времени вдоль темени в кромешной темени.
Прощай, огонь.
Моя голова переходит в слова,
В сосновую заболонь.

Конфликтующие комплектующие.
Открывать тугие двери,
применяя ёко-гери.
...Впрочем, у нас тут недурной брекфаст.
Выспавшиеся постояльцы бодро суетятся
вокруг хлопьев и бутербродов.

Парень, смеясь, кричит девушке: «Не буди во мне лоха!».
Варится кофе. Пенье цикад.
О, азиатский родной гандикап,
Заросли чертополоха.

2015

Кукла

Поэзия может быть разной:
Такой и ещё такой.
То игры, то иглы разума,
То шёлк, то шок болевой.

Кривыми идёшь переулками,
Беседуя с темнотой.
Вдруг – кукла с глазами круглыми
В окошке над головой.

Блондинка с кудряшками блёклыми,
 С пластмассовым блеском лица
 Сидит за невытыми стёклами
 Бесстрастная, как швейцар.

А дом-то отнюдь не кукольный,
 Я в нём иногда бывал...
 В нём, позже, бандитскими пулями
 Был друг мой убит наповал.

Он был тогда при исполнении
 И вот – не сносил головы.
 О, кукла, моё поколение
 Так быстро редееет, увы.

Где наши машинки и куколки?
Жизнь бросила нас, как котят,
Бродить в темноте, переулками,
Лишь изредка свет находя.

2013

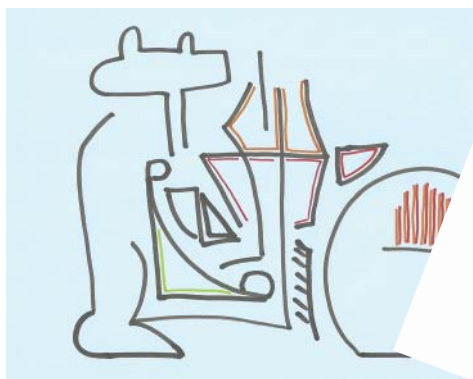
Войдёшь в сентябрь, точно в Инстаграм,
Где знаешь всю листву по именам
И каждого растенья видишь профиль,
Где, дабы до чужих добраться неб,
Слетелись птицы, смотрят Гугл мэп –
Беспроводного интернета профи.

И муравьиный малый Хуавей
Несёт на чёрной спинке муравей,
А прежде он соломинки таскал там.
Не видно муравейников вообще –
Их заменяет «интернет вещей»
(Я сброшу ссылки всем интересантам).

Сентябрь разорил цветочный рай,
И клумбы, источавшие вайфай,
Почти увяли, прекратив услугу.
И мимо пробегающий жучок
Напрасно тычет лапкой в гаджечок,
Скучая по заветному Фейсбуку.

Наш город ныне в Облаке хранят...
Там есть собор на сотню гигабайт,
И если ты скачаешь приложенье,
Над ним увидишь ангелов полёт,
Такой красивый, что, помилуй бот,
Он превзойдёт твоё воображенье.

2018

Илья Павлов

Предчувствие

– Слушай, есть идея. Ты давно меня приглашал к своей бабушке. Ну, в гости там, электропроводку подремонтировать.

– Ты хочешь поехать со мной?

– Ну, в общем да, идея такая. Пока не знаю, как сложится, но желание есть.

– А работа?

– Работы полно, в лес не убежит. Вот только в Санчурск заехать надо, на кладбище зайти. Я там года два не был. Надо побывать, чувствую – надо.

– Кто там у тебя?

– Увидишь. Всех покажу, всё расскажу. Только это крюка километров двести, но зато не в автобусе трястись.

– Во сколько хочешь ехать?

– Чем раньше, тем лучше. Я бы часа в три, в четыре выехал.

– Да ну-у, я поспать хочу.

– Тебе-то чего? Залез в машину, откинул кресло и дрыхни.

– Не, не хочу так рано.

Выезжаем в шесть часов. Ноябрьское утро, темное и холодное. Первые полтора-два километра ночь медленно, через долгие сумерки, растворяется в сером, унылом утре. Я еду, следя, чтобы стрелка не переваливалась за «штрафную» отметку. На обочинах пенными ошмётками белеют остатки первого снега. Бортовик показывает нулевую температуру. Егор выспался и смотрит по сторонам.

– Где-то здесь был памятный знак. Из крыла самолёта сделан. Летчику лет двадцать было. Местные во время свадьбы приезжают, ленточками украшают.

– А вот здесь на этой трассе появилась первая камера, – говорю я через полчаса, – лет десять назад. Вон она, на столбе висит.

– То-то такая ржавая, – улыбается Егор.

Проезжаем по плотине гидроэлектростанции, над нами возвышаются столбы с толстенными проводами. На другом берегу нас

встречает хвойный лес, по правую руку – заправка и далее кафе с затейливым названием.

– «Майами», – читает Егор.

– Ничего так, – говорю, – однажды довелось отведать здесь борща, вроде живой ещё.

Дорога перелезает через бугор и, выпрямившись как по струне, уходит в даль лесного массива.

– Ехал я из Сыктывкара, ещё на «шестёрке», примерно в это же время. А машина грязнущая, аж стыдно. Вот здесь съезд и потом под мост, там встал и целый час машину отмывал, а вода леденющая.

– Надо бы остановиться, – просит Егор.

– Выбирай место.

Находим съезд в лес, пробираемся мимо сломанного шлагбаума, через ухабы и белёдые от льда лужи. В лесной чащобе сиротливо стоят столбы без проводов. Нахожу на дороге, среди листьев, иголок и снега опёнок и маслёнок.

– Обратнo-то выедем? – интересуется Егор.

– Машина – зверь, – отвечаю.

– Вчера братец мой, редиска, нехороший человек, съел одно яйцо. Я сварил четыре, а он пришёл с тренировки и одно съел, – пожаловался Егор.

– Ничего, – говорю, – на здоровье.

Доедаем оставшийся провиант. Машина, плавно переваливаясь по кочкам из замерзшей грязи, выползает на шоссе.

Здесь хитрое кольцо, постоянно – то в Звенигород уеду, то обратно в Чебоксары. Как сказал бы мой друг, заколдованное. Что ж, опять сворачиваю не туда. Ну а то скучно, нужно сделать что-нибудь не так. «У тебя всегда что-нибудь случается», – говорит знакомая девушка.

«Ведь можно было бы и заехать к дяде Коле. В последнее время у него совсем плохо с памятью стало. В прошлый раз меня уже не узнавал. И возраст за девяносто, в армии с тридцать девятого, и «дорога жизни», и контузия во время бомбёжки у Балатона, и вернулся только в сорок шестом. Да и мало ли ещё, чего не рассказал».

При выезде из Ёшки небо сливается с землёй и мелкие капли ложатся на стекло. Асфальт начинает перемежаться выбоинами и колдобинами. По сторонам из леса выходят болота. Едем медленно, вправо-влево объезжая дорожные повреждения.

«Однажды, во время учений, сбросили нас с парашютами над лесом. А там овраг был, и местные самогон делали. Ох и хорош самогон. Командиры потом сутки парашютистов по лесу собирали».

– Чем хуже дорога, тем она шире, – замечаю я, маневрируя от одной обочины к другой.

– Даже вездеход гусеницы потерял.

– Грустно ехать, – сетует Егор.

– Я тебе предлагал взять веселительного.

В Санчурске, зашли в магазин. Взяли печенья да конфет.

Егор встал перед витриной с алкоголем, долго смотрел.

– Возьму я сейчас бутылку, сначала будет хорошо и весело...

– А потом будет невесело, – говорю. – И нехорошо.

– Нет, не хочу.

Взяли ещё колбасы и хлеба. Проехали мимо автостанции, окна в ней заколочены деревянными щитами.

– Вот, кому-то не понравились стеклянные окна, сделали деревянные, – говорю я.

– Упадёт кому-нибудь это на голову, – добавляет Егор, глядя на провисший бетонный навес станции.

«За этим зданием стоял деревянный нужник, весь исписанный и изрисованный местными художниками».

Пробравшись по остаткам асфальта, подъезжаем к кладбищу. Вдоль дороги стоят остовы засохшего борщевика, как инопланетный гигантский укроп.

Надеваю сапоги. Люблю бывать здесь осенью. Нет ни надоедливых комаров, ни гигантских слепней. Спокойно пройдёшься, посидишь.

«Не забыть: в левом сапоге дырка, в лужи не наступать».

Перед входом неожиданно задерживаюсь, буквально на секунду. Вспомнил: была студенческая практика, надо было ездить по разным деревням и допекать местных жителей расспросами про жизнь старинную. И руководитель этого мероприятия отправил меня и еще студентку (тогда обычно так и создавались группы собирателей старины для хождения «по лужам») изучить местных нежителей (ха, отличный каламбур). На моё едкое замечание, что, мол, хоть люду и полно, да вряд ли кто чего расскажет, предводитель практики метко парировал: «Такого «успеха» часто можно встретить, а вот если удастся кого на кладбище записать, то нам как первопроходцам почёт и уважение».

Этим меня вряд ли заманишь – разглядывать надгробия. Но как человек ответственный я составил девушке компанию. Стояло, помню, посередине кладбища сооружение из брусьев и досок, не очень ровно стояло, и потолок был низковат, на полках размещались свечи, книги, иконы. Было это в июле, и солнце не жалело своей любви ко всему земному. Мы скрылись в тени самодеятельной часовни, и девушка, с которой мы там оказались, задала, пожалуй, самый неожиданный вопрос в моей жизни: «А ты когда-нибудь занимался сексом на кладбище?»...

С неба мелко сеется морось. Справа от входа могилка, простенькая, без ограды.

– Как она кричала, ой как она кричала, – вспоминала тётка о похороненной здесь женщине. – Ведь пошла спасать соседку от пожара. Так вместе и сгорели.

Пробираюсь знакомой тропой.

– Вот, мои прабабушка и прадедушка.

– Да, непростые имена, то-то ты такой, – с улыбкой комментирует Егор.

– А ты думал, – отвечаю ему в тон.

Оставили печений и конфет.

– Это матушка Николая Михайловича. Их с мужем и детьми раскулачили, в Санчурск отвезли. Мать-то с детьми потом отпустили обратно, а отца куда-то увезли и никаких вестей.

– Да где ж она, ведь вот здесь была, – ищу я могилу. За семь лет кладбище разрослось, и теперь то, что было на краю, оказалось чуть ли не в центре.

– Как звали?

– Лидия Ефимовна.

– Вот, – через полминуты говорит Егор.

– Ага, – нахожу и я, – ну привет.

Крест понизу сгнил и кто-то заботливо наставил подпорок из веточек.

«Такую пенсию получают, за Николая Михайловича. Можно и мавзолеем построить».

– А кто она?

– Жена Николая Михайловича. Я ей внучатым племянником прихожусь.

Думая о ней, всегда вспоминаю услышанный от неё фонетический анекдот. Приходит мужчина в контору. «Как у вас запись проходит?». Секретарша отвечает: «Запись – день, пропись – день, выпись – день».

Перед кладбищем остановилась машина, двое мужчин прошли, поставили свечку на дальней могиле и уехали.

– Заехать бы в деревню. Дом огромный, в два этажа, кирпичный. Такой один во всей деревне. Но там для машины дороги нет, а пешком до дома долго идти, не успеем.

«Да и нет там никого...».

Возвращаемся в Санчурск. Знакомыми дорожками, колдобинами, рытвинами и ухабами проезжаю к местному парку. Здесь и пообедаем. Подходим к реке и устраиваемся на лавочке. Прямые и толстые стволы сосен кронами упираются в низкие тучи. Рядом ещё лавочки, пепелище костра, бутылки. Песчаный пляж уходит под первый лёд, ровный и прозрачный. Сквозь него видно дно, водоросли и снующих мелких рыбок. От реки веет влагой и холодом. Вдоль

противоположного берега плывёт мужик на лодке. Метрах в пятидесяти от нас веслом прорубает себе путь во льдах и вытаскивает лодку на берег.

Хлеб и колбаса оказались необыкновенно вкусными. На этом месте всегда оказывается самая вкусная еда, какую бы ни взял. За поворотом реки местная молодёжь сложила кучу из веток и устроила «пионерский костёр». Полчаса нам хватило и на обед, и замёрзнуть.

- Алло! Привет, дедушка.
- Да, привет. Ты когда, говоришь, был на кладбище?
- В прошлую пятницу, второго числа.
- Мне друг сейчас звонил, говорит, Николай Михайлович умер первого...

Ноябрь 2018 года

Аудиоверсию рассказа «Предчувствие» можно послушать по адресу: <https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>.

Читает – автор.

Миша Сланцев

Дорожная карта кота Батона

Глава 1. На подступах к минобру

«Почему-то все ему завидуют...», - думал мелкий госслужащий Клочков Павел Петрович, держась за поручень в маршрутке №56 на пути к ненавистой работе.

Мелкий клерк в региональном министерстве образования. Женский коллектив, состоящий из дам не первой свежести, но исключительной ядовитости. Это увядание было не скрыть ни духами, ни туманами, ни макияжем, ни – о ужас, на себе не показывай, – уколами гиалуронкой. Это ещё не самое тошнотворное слово, которое Клочков узнал за пять лет работы в гадюшнике, который официально именовался Управлением по надзору и контролю в сфере образования. Часто гадюшник плавно трансформировался в курятник, галдящий, причитающий и охающий. Но самый частый образ места работы Клочкова, который приходил ему на ум, – большущая многоэтажная конура для собак. Увы, Павел Петрович по скромности характера не хотел быть ни укротителем змей, ни петухом, руководителем куриц, ни директором мегаконуры. Но природная робость и боязнь перемен не позволяли ему сменить род деятельности и даже её вид. Поэтому изо дня в день, из года в год он ездил в свое Управление, которое непонятно чем управляло, в царство злобной женской энергетики и бесконечных отчетов, данных, сведений, цифри. Вот и сегодня...

«Понятно, почему завидуют, – размышлял Клочков. – Потому что этот жирный котяра только спит и жрёт, жрёт и спит. Ладно в лоток аккуратно ходит, хотя, если вовремя за ним не убрать, может и не в лоток, были прецеденты. Сложно встретить совсем «беспрецедентного» кота, который бы сам ходил в унитаз и пах фиалками. А жрачку ему особую подавай: спецкорм в пакетиках – «с курицей», «с уткой», «с кроликом». Неужели для этих зажавшихся питомцев специально кроликов забивают? Или уток разводят? Что-то не верится. А от нормальной, «человеческой», еды он нос воротит, толь-

ко специальную, в гранулах, подавай ему! Это самый вкус, самый смак, – точно, туда подмешивают что-нибудь, какие-нибудь кошачьи наркотики. Ведь наверняка оборот наркотиков для котов никак не регулируется, а они только мяукают да кайфуют от своего корма. И попробуй не дай ему – будет орать благим кошачьим матом, всю душу вывернет, так что все дела бросишь и поплетёшься в магазин. Сколько только на корм за эти годы денег набежало, то есть убежало, можно было бы за границу съездить... Вот это жизнь! И все умиляются: какой он у вас толстый!»

Ну да, видимо, в этом смысл существования этого котяры – быть упитанным. Недаром он с гордостью и даже с превосходством (да что с превосходством, – с презрением к окружающим) носит своё имя, данное четыре года назад женой Павла Петровича Ирой – Батон. Цветом Батон был чёрен, как южная ночь, поэтому иногда это животное именовалось Батоном Чёрного. Не булгаковский Бегемот, конечно, не сказочный Кот Баюн, тут всё реально, буднично и повседневно, никакого волшебства – кормёжка, сон, кино (наблю-

дение с подоконника за воробьями, голубями или воронами, в зависимости от жанра законного «фильма»), посещение лотка, громко, чтобы все домочадцы слышали – и так по кругу. И вот что Ключкова удивляло: по всем признакам, такая жизнь полностью устраивала Батон Батоныча (ясно, что его родители тоже были толстые и не утруждали себя охотой за мышами в подворотнях). Он не рвался на улицу в марте, он не хотел туда в сентябре, его не интересовали кошки вообще. А ведь над ним не совершал надругательства ветеринар. Впрочем, кот не покидал охотничий инстинкт. Он был здоров и прыток. Его всё устраивало и ему ничего «такого» не хотелось, зов природы проходил мимо его заостренных ушей. И поздно было начинать жизнь новую: дикую, дерзкую и свободную. Безвозвратно прошла пора, когда котенок Батончик думал (или думал, что думал) о том, что впереди будет столько событий, новостей, побед и подвигов, по следам которых менестрели сложат баллады, сценаристы задумают фильмы, поэты засонетятся, затерцинятся, воспевая его батонистость. «Нас и тут неплохо кормят!» – эта цитата из мультика была всегда написана на его наглой черной морде, которой все гости Ключковых так восхищались. А дочка Ключковых, восьмилетняя Маринка, курносая и веснушчатая, любила взвешивать Батона. Поставит его на весы и радостно кричит: «Три семьсот! Потолстел на сто граммов!» и давай его опять таскать-тискать.

«Я, как Батон, мне уже ничего не нужно. Я тоже не мечтаю о переменах, о новой работе, о свободе за пределами министерства. Я – цирковая лошадь, которая ходит по кругу за пригоршню овса, и все пялятся на меня, хлопают в ладоши, наездницы тычут в бока шпорами, хлещут плётками, а зрители заплатили, они хотят видеть представление, скучное и никому не нужное, согласно купленным билетам. С детства ненавидел цирк. В нём мучают животных, в нём клоуны со страшными разрисованными рожами, с красными носами, в башмаках карикатурного размера смешат публику, и все хочут, хотя ни капельки не смешно. Акробаты эти с гимнастками, сильные и гибкие. Ну сунул ты башку в пасть льва, ну не откусил он тебе её, проявил милость, – дальше что? А то, что твоя голова для того и предназначена, чтобы помещать её время от времени в зловонную оскаленную пасть. И в этом смысл твоего существования – таким вот образом распоряжаться башкой, чтоб зрители смотрели, чтоб «лайки» в интернете собирать. И зарплату получать, иногда

с надбавками и премиальными. А потом за кулисами утираться от упрёков руководителя «труппы» – Максимгеннадича. «Что-то вы сегодня, Павел Петрович, без энтузиазма как-то с львиной пастью работали... Не было у вас в глазах испуга, страха. Привыкать начинаем? Вы уж того, не расхолаживайтесь. А то в свете грядущей оптимизации штатной численности, знаете ли... Или в фокусники переведём, будете кроликов из шляпы доставать. А с ними сложнее, по ним отчетность знаете какая? Знаете. Или сбегут, или размножатся внепланово. А если тебе, Клочков, нельзя доверить кроликов, то разве может идти речь о распиливание женщины в ящике, о втыкании в неё шпага? Здесь ответственность на порядок выше». «Честно говоря, иногда я бы распилил бы парочку своих сослуживиц. Да если и воткнуть в них чего, то разве что шпагу».

«Эх, Клочков, Клочков, вырабатывай в себе стрессоустойчивость, ты ж бывший педагог, работаешь с бывшими педагогами, а такие мысли допускаешь...»

«А что мне остается делать, – только «допускать мысли». Вот если бы по дороге музыку слушать или аудиокнигу, тогда бы и мыслей было бы меньше. А кот, собака такая, опять провод от наушников сгрыз. Как будто не кормят его. Теперь опять покупать новые, одни убытки. Эх, Батон, лежишь сейчас, в ус не дуешь, а мне опять ехать, исполнять служебные обязанности. И все-то твои обязанности – быть котом, и этого достаточно, чтобы жизнь состоялась. Из интернетовских демотиваторов: «Вот я – кот. А чего добился ты?». А добился я того, что пора выходить из маршрутки №56 и начинать очередной рабочий день».

Клочков приехал на работу сегодня раньше всех. И это хорошо. Никто не отчитает за опоздание и притом можно посидеть десять минут в тишине. Именно тишины так не хватало в этом кабинете, не говоря уже о покое. И ладно бы все чем полезным бы здесь занимались, а то ведь бумажки плодят, никак не влияющие на жизнь, на школьников, на их родителей, на учителей. Впрочем, нет: жизнь у них усложняется, потому что в ответ на министерские директивы и прочие указивки учителя после уроков и внеклассной работы должны писать свои отчеты, проводить «мероприятия», реализовывать рекомендованные планы по учебной и воспитательной деятельности в целях развития знаний, умений и навыков.

Одна бесполезная работа породила другую, один начальник отчитывался перед другим, а показатели успеваемости, согласно статистике, из года в год снижались. Чего-чего, а результаты ЕГЭ здесь отслеживались четко.

Восемь минут.

Компьютер ожил, на экране появилась заставка – фото: домик, построенный каким-то чудом на островочке, метров пять квадратных, посередине быстрой речки. Это в Сербии, на реке Дрина. Это как же надо было достать человека, чтобы он соорудил себе такое убежище. Но Клочкову было некуда спрятаться, у него не было такого домика. Его домиком были наушники, они изолировали внешний звук, заполняя мозг музыкой, новостями. Но это бесит начальницу Управления Фаину Петровну, потому что бывает, что до Павла Петровича тогда не докричаться. Потому что выслушивать женский гомон невозможно, не слушать – тоже нельзя, вдруг что по делу скажут, особенно Фаина Петровна, чтоб её. С ней было всё просто – она постоянно сидела на разных диетах, лишала себя удовольствия съесть то да сё, потом всё же срывалась, набрасывалась на вожделенное, и была злая сначала оттого, что отказывалась (от сладостей, мучного, жареного, мяса), потом оттого, что нарушала табу. А виновный в её терзаниях и страданиях быстро нашёлся, потому что он подчиненный. «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать». А ещё потому, что все мужики – козлы, им только стройненьких да молоденьких подавай. А Клочков и на козла-то как следует не тянул, разве что на козлёнка, жертвенного такого. Его распекают, а он бекает.

Пять минут.

Это много или мало. Перед началом работы это мало, потому что тают они, как шоколадки во рту Фаины Петровны. Потому что это обречённые минуты.

Четыре минуты.

Клочков представил своё прибытие на работу как компьютерную игру-стрелялку. Итак, у него пять жизней, разный набор оружия. Задача квеста – пройти все ужасы, убить всех коллег и начальников (зомби и монстров), сдать отчёт, сохранить нервную систему на уровне не ниже критического. Награда: оклад, премия и отпускные.

Три минуты. Фантазия заработала. Сначала на экране предыстория, либретто. Показывается мрачное здание советской построй-

ки, серое, безликое, геометричное, над ним в тёмном небе гремит гром и сверкают молнии. На входе табличка: «Министерство образования и науки N-ской области». Звучит загробный голос из фильмов ужасов: «В одном далёком-далёком Управлении издревле жили чудовища, которых рождал сон разума. Всяк входящий сюда терял человеческий облик, становился злобным существом с песьей головой, поедающим других, а потом и себя. Но нашёлся один герой – ну как герой, геройчик, терпила, который решил выжить в этой обители зла, подстав и унижения, который каждое утро входил в эти врата, проходил все круги, все уровни, все левелы прелестей Министерства образования, и выходил из него потрепанный но непобеждённый. И так продолжалось изо дня в день, из года в год, согласно служебному распорядку и должностным инструкциям. Пока не настал этот День. День Отмщения и Гнева...». Enter. Главное действующее лицо – чиновничек в костюмчике. В галстучке. Маленький, как домовёнок Кузя. Так, пять жизней. Из вооружения – служебное удостоверение, портфельчик, в нём два отчётика, три распоряженьица, десять листиков согласований. Негусто. Легкое вооружение – двадцать «контролек», то есть мелких поручений, за которые надо обязательно отчитаться перед большими монстрами. Из средств защиты – иногда помогают, но слабо – валидол, вальерьянка, носовой платок. Итак, клавиши со стрелочками. Входим. На вахте еще не монстр, а так, подмонстерье, охранник Георгий. И ведь прекрасно Ключкова знает, но всегда удостоверение требует. Иногда чем монстр мельче, тем он противнее, потому что плох тот монстрёнок, который не мечтает вырасти в нечто большое и жуткое. На ему ксиву в нос! Нейтрализован. Скорчил рожу, на турникете загорелся зеленый, дверцы открылись. Вахтёр тут не главный, лучшее, конечно, впереди. Коридор.

Опасность коридора в том, что из разных дверей может в любую секунду высунуться служащий или служащая и ранить тебя убойной и вонючей туалетной водой, режущим взглядом, коварной сплетней, ловкой подставой. И точно – рожа Таисьи Николаевны из отдела по методическому обеспечению учреждений дошкольного образования, на ней тонна косметики, у неё полнеющее тело и патологическая ворчливость. Против неё применяется ложный комплимент: «Доброе утро! Вы сегодня прекрасно выглядите!». Пока этой фразой Таисья Николаевна парализована, не успевает очухаться

и обидеться на слово «сегодня», двигаемся вперед, контролируя коридоры и экономя боеприпасы. Так, а теперь – монстр-мужик, собственной персоной Самый Главный – Максимгеннадич. С ним ничего не сделаешь, он непобедим, ни одно оружие его не берёт – ни пулемет, ни холера, ни ответственное исполнение поручений. Здесь элемент случайности крайне высок: если он в «нехищном» расположении духа, то не укусит, пройдет мимо, но это ничего, это съест нервно-энергетической силы лишь 5-10%. Но если он злой – то всё, гейм-овер, размажет так, что игру надо будет начинать заново, на следующий день. И самое главное – чтобы столкновение с Максимгеннадичем не окончилось микроинфарктом. Итак, – здороваемся и мимо. Минуй нас, как говорится, пуще всех печалей... Прём в рабочий кабинет. Вот тут придётся отбиваться от горгон, ехидн и химер в течение восьми рабочих часов. Продолжаем, заняв оборонительную позицию за столом, спрятавшись за монитором.

Появляется нечисть: Фаина Петровна, начальник отдела, увесистая тётя, излучающая массу дурной энергии. Катерина Львовна, ведущий специалист, вечно всем недовольная, в районе сорока пяти лет, норовящая сбросить свои обязанности на коллег, Агния Афанасьевна (Клочков про себя называл её Барто), выходец из учителей младших классов, она относилась ко всем окружающим, кроме начальства, как к неразумным детям, которых надо воспитывать, поучать и контролировать. И Леночка, безобидное и безропотное существо, вполне симпатичное и достаточно юное, непонятно за какие грехи попавшее в эту жуткую Игру. Будь Клочков пораскрепощённое, он может, и завел бы интрижку, но боялся зорких любопытных коллег, да и не стоило, наверно, оно того. Засмотревшись на секунду на Леночку, Клочков тут же получает перекрестный огонь от Фаины Петровны и Катерины Львовны, он корчится в муках и окончательно расстается с компьютерной жизнью от контрольного звонка в голову от Максимгеннадича. От Клочкова остаются клочки по закоулочкам, – кровавые отшмётки, галстук, портфельчик, бумажки его отчётов, посвященных контролю в сфере образования, – всё это разбросано по кабинету, его стол – дымящиеся головёшки – уже непригоден для мониторинга педагогической деятельности в отдельно взятом субъекте РФ. Не удалось выжить. В следующий раз, может, больше повезёт.

Три минуты. Две. Одна.

– Как у нас жарко!

С этими словами, вместо «Здрасте» вошла Фаина Петровна. Она всегда входила с этими словами. День начался.

Однажды начавшись, этот день не заканчивался. Он был бесконечен – каждую неделю, каждый месяц, каждый год. День Ключкова был колесом, в котором ехала одна и та же маршрутка №56. В ней звучала одна и та же радиостанция со старыми песнями о главном, это было ретро 80-х и 90-х. Эти песни проигрывались вновь и вновь, и завтра они будут и послезавтра, будут те же лица пассажиров. И, конечно, коллеги по работе, которые служили в Управлении со времен палеолита и будут гонять свои чай и обсуждать всё подряд до своей пенсии, после пенсии и даже после ядерной войны, которая вряд ли помешает привычной деятельности регионального министерства образования.

Батон первый, блаженствующий

Государь Котовасии и Верховный Правитель всех котов, кошек и котят, Его Мяучество Батон Восемнадцатый сегодня посвятит свой день важному мероприятию. После церемонии завтрак он взгромоздится на подоконник и начнет услаждать взор весенними птичками. Воробышки шмыгают по веткам, щебечут и резвятся так близко, что кажется, вот-вот влетят в открытую форточку, из которой веет весной. Батон представил, как он крадется по земле, прижимая уши, шевеля усами, прячась в молодой травке. Прыжок! И беспечная птичка уже трепыхается в его лапах. Впрочем, губить он её не будет, не царское это дело. Пернатое улетит и будет сегодняшнюю дату считать вторым своим днем рождения.

Хорошо быть котом! Особенно главным среди котов. Обслуга из людей кормит тебя по первому требованию, гладит тебя, убирает за тобой лоток. А ты только ходишь по дому, ловишь восхищенные взгляды, фразы преклонения: «Батончик! Батончик хороший! Толстый!». Не понимаю, почему некоторые людские кошки, их ещё сами люди женщинами называют, жутко комплексуют, если они толстые. Пытаются влезть в одежды и, когда у них это не получается, расстраиваются: «Кошмар, я поправилась на два килограмма!». Где тут кошмар, в чём трагедия? Поправилась же, а не заболела! И

для чего эти людские кошки придумывают себе все эти заморочки, все эти одежды?!

Вот я толстый кот.

И мне хорошо.

Ещё немного полицезрею пташек и вздремну часок-другой. А люди, слышал, еще на работу ходят, и на этой работе волнуются. Ещё одно глупое человеческое изобретение, кроме одежды – работа. На ней, говорят, аппетит портится. А главное в жизни – это аппетит.

Я чертовски прекрасен. Я лучший котяра во Вселенной. Умиляйтесь, поглаживайте, восторгайтесь.

Глава 2. Согласно штапному расписанию и служебному распорядку

– Как у нас жарко!

Фаина Петровна явилась с новой прической, и это сегодня должно стать одним из предметов для обсуждения. Клочков поздоровался и ничего не сказал про прическу. А что тут скажешь? К злобному лицу и противному характеру ни одна прическа не шла, говорить дежурные комплименты не было никакого желания, не канун Восьмого марта. Да, перед международным женским днем здешние обитательницы кабинета вдруг вспоминали, что они «слабый пол», наряжались расфуфыренной обычного, были добрее и даже пытались неуклюже кокетничать: «А не нальёт ли наш единственный мужчина дамам шампанского?!». Конечно, нальёт. В этот день он ещё более пресмыкающееся существо, чем обычно. Нальёт, куда он денется.

Максимгеннадич централизованно поздравит всех дам министерства – «от лица сильной половины в преддверии светлого весеннего праздника хочется пожелать здоровья, счастья и тепла близких». Всем будут подарены типичные тепличные тюльпанчики, потом все разойдутся по своим отделам, Клочков возьмётся за разливание шампанского, а дамы будут соревноваться в том, чей салатик вкуснее. «А это, Агния Афанасьевна, у вас селёdochка под шубой? С майонезом? Не люблю майонез, он сейчас весь ненатуральный...» – «А это у вас салат с чесноком? – Что вы, никакого чеснока. – Не

может быть!». Но чем был прекрасен день Седьмое марта, – он был официально коротким, и можно было попасть домой пораньше.

Вот какие мысли навеяла прическа Фаины Петровны.

– Доброе утро, коллеги! – это уже Катерина Львовна, некогда учитель русского языка. Каждое утро она ругает или водителей маршруток, или их пассажиров. То один мужик попадет пьяный, то от другого плохо пахнет, то молодая девка место уступать не хотела, то рядом женщины громко болтали. «Я ехала-ехала, и всё, мое терпение лопнуло, я говорю им: послушайте, вы не могли бы говорить потише, мне неинтересны подробности вашей личной жизни!». А они мне (когда Катерина Львовна голосом изображала другого человека, её интонации становились особенно противными): «Не ваше дело! Не нравится – ездите на такси!». Я говорю: «Послушайте, это моё дело, на чём ездить, а вам бы следовало научиться грамотно изъясняться. Нет такого слова – «ездите». А они, хамки, мне, такие: «Мы сейчас тебя пошлем в место, для которого точно слова не придумали, а если уже придумали, то не успели поместить в словарь Ожегова...»

Однако в этот раз надо было сначала отдать словесную дань прическе: «Фаина Петровна, вы прям помолодели! Ну-ка повернитесь! А где, у какого мастера? Мелирование просто чудо!».

К похвалам и славословию присоединились Агния Афанасьевна и Леночка. Тем самым они избежали замечания от Фаины Петровны за опоздание на пять минут. Растроганная начальница объявила о начале производственного совещания. Оно состояло из монолога Фаины Петровны и угодливых поддакиваний и кивков остальных обитателей кабинета.

«Итак, рассмотрим наши текущие вопросы. Напоминаю вам, что через неделю – первомайская демонстрация. Явка, сами понимаете, строго обязательна, неявившиеся будут писать объяснительные вплоть до депремирования. Наше министерство пойдет отдельной колонной, вы, Павел Петрович, как мужчина и в качестве поручения, понесёте флаг. Далее. Завтра, напоминаю, ответственное мероприятие – региональный педагогический форум. Регламент уже доступен. Мы все должны быть в числе участников, тем более что Губернатор будет вручать почетную грамоту Максимгеннадичу. Потом Максимгеннадич вручит благодарственные письма выдающимся педагогам. Мы все должны активно аплодировать. От вас,

Павел Петрович, жду отчета по результатам реализации проекта «Электронный дневник» в среднеспециальных образовательных учреждениях нашей области. Есть сведения, что педагоги проявляют недовольство, якобы им приходится тратить свои выходные и в Интернете заполнять формы по оценкам знаний, умений и навыков. Необходимо развеять такие сомнения и ещё раз подтвердить целесообразность этого проекта. Напомним, что именно наше Управление выступило его инициатором, и мы не вправе допустить его дискредитации в глазах вышестоящего руководства. Поэтому, Павел Петрович, саккумулируйте все сведения по заполняемости электронных дневников, стрясите с директоров не только статистику, но и положительные отзывы, организуйте в СМИ кампанию по поддержке электронных дневников. Наша задача – учет и контроль, формирование актуальных и действенных механизмов мониторинга в сфере образования. Нам за это, напомню, если кто забыл, зарплату платят, аванс, поднимают коэффициенты...

Теперь далее. Из Управления региональной политики нам спущена контролька, мы обязаны представить информацию о состоянии нашей профсоюзной организации, о количестве членов, о наличии коллективного договора. Нам настоятельно рекомендуется создать комиссию по анализу деятельности профсоюзной организации, провести анкетирование сотрудников и направить наверх результаты. Насколько я понимаю, этим у нас займется Леночка, Павлу Петровичу, боюсь, не хватит ответственности и терпения.

Леночка покорно кивнула и захлопала ресничками. Павел Петрович тоже кивнул: терпения, правда, может и не хватить.

– Но у нас в профсоюзе на всё министерство членов всего три человека, – заметила Катерина Львовна.

– Катерина Львовна, это никого не интересует. Контролька – это святое. И наша с вами задача – ее «закрыть».

«Это вообще смысл нашей жизни», – добавил про себя Павел Петрович.

Клочков машинально блуждал взглядом от окна, за которым пробуждалась весна, набухали почки и резвились воробушки, к несколько излишнему вырезу на костюме Фаины Петровны. «Интересно, – подумал Клочков, – как из юных прелестных бабочек вырастают такие бабы-гусеницы». Он перевел взгляд на Леночку – вот она и правда хороша, без особой косметики, в строгом костюме, под

которым многое угадывалось.

Неожиданно Павел Петрович почти отключился, и у него в голове замелькали слова, и показалось, что они звучат как стихотворение. И было это примерно так:

«На скучном – аж до отчаянья – присутствую совещании. Повестка и ряд вопросов. Ключу сквозь дремоту носом. Регламент: ни влево, ни вправо. Докладчик бормочет вяло. Здесь просьба представить отчёты, внести в протокол чего-то. А за окном-то – веснища! И щебетом воздух насыщен. Коктейль: воробьи и солнце. Все брызжет, сверкает, смеётся! А что – и у птиц со-вещание, со-клёкот, со-стрекотание. Повестка у них прекрасная: с вопросом единственным – «Разное». Они беззаботны, им – весело, у них же – весенняя сессия. Направят воззвание на имя небес голосами своими, чтоб жить было клёво, крылато. К чему им, пернатым, зарплата? И пусть далеко до июня. Они – гомонят, гамаюнят! И мне (снижительно малость иль снилетально), каюсь, послышалась ли, показалась усмешка: «Эх, ты, homo sapiens!».

– Павел Петрович, – я для кого рассказываю? – тоном строгой училки спросила Фаина Петровна и покачала своими сочленениями. – Я два раза повторять не буду. Отчет должен быть сдан к пятнице. И ещё: в течение двух дней нам надо утвердить и подписать в отделе кадров график отпусков.

При слове «отпуск» у Клочкова зануло сердце. Одна двенадцатая настоящей жизни, совсем не той, служебно-унылой, нервной и унижительной, а светлой, с дальними краями, солнечными странами, перелётами, магазинами дьюти-фри, и даже дачей, где копание в землице – радость, где сбор ягод и фруктов – благо, где пивко вечером и шашлычок – величайшее из наслаждений. Скоро ли? Через три месяца... Целая вечность, можно не дожить. А если не дожить – ради чего все эти мучения? Опытные коллеги говорили, что всё это ради повышенной пенсии. Достойная цель, нечего сказать. Смысл из смыслов. Господи, как страшно, когда отрываешься от бумаг и клавиатуры, и начинаешь думать...

Но думать мешали. Совещание окончилось, открыв шлюзы обычным разговорам внутри отдела.

– Девочки, – обратилась к возрастным коллегам Катерина Львовна. – Оказывается, не нужно считать калории, успевать есть до шести и ограничивать себя. За день, я прочитала, необходимо

съесть два стакана сырых или варёных овощей: допустимы все виды листового салата, капусты, зелени и пряных трав, огурцы, кабачки, помидоры, репа, баклажаны, сладкий перец, оливки. Исключение – картофель, кукуруза, зелёный горох...

– А я пока решила вообще отказаться от мяса, – мгновенно подержала разговор Агния Афанасьевна, – и такое ощущение, что стало как-то легче, самочувствие улучшилось. А я вот читала, что надо обязательно принимать пребиотики и пробиотики.

– Всё это пропаганда и реклама, не надо читать Интернет, – наставительно подключилась Фаина Петровна, оторвавшись от Интернета. – Тут, кстати, пишут, что офисные кондиционеры опасны для здоровья. В них размножаются опасные бактерии, и потом они попадают в воздух, и мы ими дышим.

– Ничего подобного! – взбудоражилась Катерина Львовна. – Их моют специальным раствором, я знаю!

– Чё ты знаешь?! – вскипала в ответ Фаина Петровна. – Всё-то она знает! Говорю тебе – там живут бактерии, которые потом оказываются в легких!

– Вы всегда со мной спорите! – то ли оборонялась, то ли напала Катерина Львовна, – Я знаю, вы думаете, что я и во Франции не была, всё придумала, а я просто не показываю личные фотографии, потому что это – примета плохая, могут сглазить!

– А я тут последние фото Пугачевой видела – это безобразие. Потолстела, кожа висит. Как с ней Галкин живет?! – кинула в костер перепалки новую тему Агния Афанасьевна.

– Ну прям живет он с ней! – запричитала Фаина Петровна. – У самого поди тыща любовниц, а с Пугачевой – так, для телевизора, чтобы люди не забывали.

– А Лариса Долина ничего выглядит, – это уже Катерина Львовна. – Ну подтяжку, наверно, сделала, золотые нити вставила, на диете сидит кремлевской, денег-то куры не клюют...

– Зато, говорят, характер у Долиной отвратительный...

– ...А смотрели вчера «Секрет на миллион» с Лерой Кудрявцевой? Оказывается, у Кристины Орбакайте был курортный роман...

– ...Не люблю Леру Кудрявцеву, какая-то она деланная, ненатуральная, вопросы глупые задает..

– Агния Афанасьевна, давайте перестанем худеть. Оказывается, британские ученые нашли связь между потерей веса и развитием слабоумия....

- ...И всё-таки в кондиционере вирусы...
- А вы берете колготки сколько ден? Из нейлона, шёлка или спандекса?...
- ...Ненавижу маршрутки с утра. Там бывают мужики, от которых пахнет...
- ...А я вчера себе салатик сделала, фасоль, петрушка, оливковое масло свежего отжима. Муж сказал, чё за силос, ешь сама...
- ...А тут, говорят, в отделе по надзору у Татьяны Васильевны Галкиной с сердцем плохо стало. Говорят, прямо в министерство «скорую» вызывали. Говорят, с больничного может не выйти...
- ...Да, с молочкой, конечно, беда. Ни творога, ни сыра, ни молока. Все лекарства подделывают. Вода плохая.
- А у меня, девочки, такие гортензии распустились.
- А я не люблю гортензии!
- И какие у тебя претензии к моей гортензии?
- А я тут такую блузку видела, обалдеть! Такой шифон!
- ...А меня, наверно, сглазили. Как на работу прихожу – голова болит и давление скачет. Надо сейчас померить. Ни у кого таблетки от головы нет?...
- ...Сосед пса завёл, гуляет с ним, без намордника! Я говорю, почему у вас собака без намордника? А вдруг сорвётся с поводка, покусает?! Слюнявая такая, противная...
- ...Эх, сейчас бы торт шоколадный-шоколадный! Или трубочку с заварным кремом!..
- ...А вы были сегодня в женском туалете? Что там за неряхи завелись? Жидкое мыло разбрызгано где попало, бумага на полу... После такого даже в туалет заходить противно, руки помыть. А руки не помоешь – паразиты заведутся, гельминты...

Тема паразитов была традиционная, словообильная и почти ежедневная. Обсуждались не только черви, вши и клещи, ногтевые грибки, но и образные паразиты – правительство (хоть госслужащим ругать его вроде как нельзя), олигархи, богатые «звезды» шоу-бизнеса. Чихвостили всех – с упоением, ожесточенно, подпитываясь друг другом, словно исполняли некий совместный злобный танец, который нельзя танцевать в одиночку и который нельзя в одиночку прекратить.

Клочков надел наушники и включил музыку, уйдя в себя и в очередной отчёт. Он, к счастью, не знал, кто такая Лера Кудрявцева,

и не хотел участвовать в «кондиционерных конфликтах». Бывало, что на женщин в кабинете нападал зуд чистоты: они вдруг начинали стирать пыль, ругались на уборщицу, приходившую в конце рабочего дня, опрыскивали цветы. В то же время после выпитого кофе невымытые чашки могли лежать целыми днями, привлекая мух. Несмотря на диеты и словесную щепетильность в отношении еды, они часто, чуть ли не каждый день, покупали тортики. Повод для этого искался с легкостью слов алкоголика, который оправдывает свое возлияние. Обычно это происходило после склоки, и коллегам Клочкова надо было «заесть стресс». В итоге или шоколадка, или тортик всегда присутствовали. И конечно, кусочек всегда доставался Клочкову: накормить мужчину – это всё-таки инстинкт такой же древний, как и умение пресмыкаться перед начальником. Павел Петрович ощущал тошноту при одном слове «тортик», его воротило от этих искусственных сладких жиров и кремов, от пальмового масла. Как правило, «тортик» (не «торт»!) подвергался критике, каждая на публику норовила съесть кусочек поменьше, стараясь сохранить фигуру, хотя сохранять её уже не имело смысла. Когда кулинарное изделие безвозвратно пропадало в бездне пищеварительных систем, женщины любили порассуждать о вреде тортов, о том, что они закупоривают сосуды, вызывая риск заболеваний. Далее обычно следовал длинный список заболеваний, далеко не все из которых были связаны с тортиком.

Каждая из четверых коллег по кабинету напоминала Клочкову собаку особой породы. Вот Катерина Львовна – типичный бультерьер. Бойцовский характер, вечно всем недовольная. Она всегда делала короткие, «гладкошерстные» стрижки, не чуралась нецензурных ругательств, была крепка костью и увесиста массой. Её лицо, ну прямо бультерьерское, выражало постоянную готовность ринуться в бой и перегрызть горло врагу. День проходил зря, если Катерина Львовна ни с кем не ругалась. И только перед Максигеннадичем она виляла хвостом и была покладистой. Но было ощущение, что если большой начальник потеряет власть, заболеет – она тут же с ним расправится.

Агния Афанасьевна напоминала гончую: высокорослая, худая, с длинными конечностями. Она всю жизнь гналась за убегающими целями: муж, квартира, машина в кредит, карьерный рост на госслужбе, должность за должностью, обязательные поездки за грани-

Франсиско Гойя. «Прихорашиваются»

цу, загар под пальмами. Она всегда словно отчитывалась и одновременно хвалилась перед другими «собаками». Но объектов для охоты становилось всё больше, здоровья не прибавлялось, и она гналась, гналась и гналась, задыхаясь, изматываясь, тяжело дыша, высунув язык. И вне этой гонки себя не мыслила, потому что постоянно хотела быть «успешной». Ну и Фаина Петровна – это, конечно, немецкая овчарка. Вышколенная, безукоризненно исполняющая команды, и не понять по морде, о чём она думает на самом деле. И не приведи господь, чтобы она получила команду «Фас!»: тогда у вас нет шансов. Ключков в этой компании чувствовал себя котом, он даже по гороскопу был Котом. Или Кроликом, по другой версии. Ну каково коту среди собак в большой многоэтажной будке...

И только Леночка, большеглазая длинноволосая красавица, обычно молчала и не вписывалась в атмосферу тётко-стайла. В мире собак она была бы, пожалуй, английским кокер-спаниелем. Трое

женщин её постоянно поучали: не стоит на работе носить столь вызывающую юбку, разводить дома надо такие-то цветы, готовить ужин надо эдак, а за помадой тебе, Леночка, надо идти в такой-то магазин ив-роше-лореаль-этуаль, там скидки 25%. Леночка кивала, соглашалась, но делала всё по-своему, потому что эта свекрово-тещинская опека ей нафиг была не нужна. Её, молодую красавицу, учили, как надо одеваться. Говорили, что синий шарфик с кремовой блузкой – это тренд и в этом сезоне актуально. Слово «модно» было немодным, неэффектным, употребляли «актуально». Почему актуально – неясно. Но – актуально. На обед Леночка выпархивала из министерства и старалась с коллегами не сидеть. А трехголовая гидра даже в обед оставалась в отделе и не могла промеж собой наболтаться. Клочков тоже на обед выходил прогуляться. На свежем воздухе мозги проветривались, и подобие внутренней гармонии возвращалось. Он успевал пройтись по набережной Волги, посмотреть вдаль на проплывающие теплоходы, на красавец-мост. Вот бы наоборот: восемь часов – обед, час – работа.

Вернувшись после перерыва, Клочков обнаружил непривычное молчание. Фаина Петровна, Катерина Львовна и «Барто» загадочно обменивались взглядами. Потом Фаина Петровна подозвала к себе Клочкова и доверительно зашептала:

– Павел Петрович, тут вот какое дело. Вызывает меня к себе Максимгеннадич, даёт поручения, а потом и говорит как бы между делом: «Ну и сколько вы сегодня калорий сожгли, Фаина Петровна? Может, вам тортик купить, чтобы ваш отдел лучше работал, а не лясы точил?!». Или у нас прослушка стоит, или кто-то информацию сливает. Мы посоветовались и решили, что это, скорее всего, Леночка. Так что, ничего ей не говорите, она коварная и, наверно, подлая. Нам тут ещё работать и работать, стаж до пенсии и так далее. Ей-то что, вертихвостке, завтра, глядишь, в декрет уйдёт.

Так из опекаемого молодого специалиста Леночка, сама того не ведая, стала врагом народа, против которого женщины стали «дружить». Этому они и посвятили вторую половину рабочего дня, оставив в покое мелкого служащего Клочкова Павла Петровича.

Батон второй, рефлексирующий

Прекрасно быть большим котом:
пожрал и поиграл потом.
Тебя все гладят, любят,
по крайней мере, люди.

Быть главное – домашним,
забыть о дне вчерашнем,
о будущем не думать, –
мурлыкать да мяукать,

и быть любимым всеми,
в комфорте, быть в системе,
быть главной частью дома,
а дома – всё знакомо.

Всегда обед и ужин.
Раз кормят, значит, нужен.
Сижу я на бюджете
вполне доволен этим.

...А я доволен этим?!

Глава 3. Педагогический форум

Многие представители чиновничества и «педагогического сообщества» прибыли на мероприятие, которое непонятно зачем было устроено почти под конец учебного года. Кто-то судачил, что это из-за пристальных проверок федерального министерства образования. Дескать, было найдено много недочётов и недоработок: показатели успеваемости ниже, чем в прошлом году, повышенный уровень хронических заболеваний, всякие ЧП с избиванием детьми друг друга, школьная преступность, особенно в образовательных учреждениях в спальных районах областной столицы и детских домах. Кто-то

говорил, что форум проводится в рамках тренда на пропаганду патриотизма среди подрастающего поколения и учителя должны быть в первых рядах и в едином порыве. Но в рамках, которые заданы федеральной повесткой. Одним словом, подневольный Ключков сидел среди остальной зависимой публики на пленарном заседании педагогического форума во Дворце культуры и периодически аплодировал нижеследующему.

Сначала, до официального открытия «пленарки», на экране демонстрировался видеоряд о достижениях N-ской области во всех отраслях и на всех направлениях. Затем диктор вещал о славных традициях образования, о прекрасном настоящем и о лучезарном будущем. Фильм этот не то чтобы не был правдой, он просто показывал действительность под определенным углом. Впрочем, присутствующие на форуме его особо не смотрели, фон он и есть фон.

Потом состоялось торжественное открытие. Пожалуй, слишком торжественное. Ведущие – он и она – с красными папочками с регламентом в руках, интонациями былых теледикторов объявляли то одно, то другое. Прозвучал государственный гимн, потом состоялся вынос флагов главных учебных заведений, затем был исполнен гимн уже N-ской области. Зал то и дело вставал и хлополадошил. Потом вышел совместный хор детей и директоров школ. Они спели что-то вроде «Ровесницы, ровесники, девчонки и мальчишки, одни поём мы песенки, одни читаем книжки».

На сцену были приглашены первые лица региона, которые сказали речи и долго-долго вручали грамоты отличившимся педагогам, дарили им цветы и некоторых, если те оказывались хорошенькими женщинами, даже приобнимали под нескончаемый перещелк фотоаппаратов и объективы видеокамер. «Всё не в министерстве сидеть и отчеты строчить», – успокаивал себя Павел Петрович.

Потом слово взял местный министр образования Максимгеннадич. Часть его речи содержала сведения, которые готовил отдел Ключкова, поэтому Павел Петрович с некоторым волнением ждал, как это прозвучит со сцены. Ведь если цифры вдруг неточны и это будет обнаружено Кой-кем Вышестоящим, то влетит так, что мало не покажется.

Но одновременно речь Максимгеннадича вводила в транс и усыпляла. Он, словно гипнотизёр, монотонно капал на подсознание:

– Форум уже давно зарекомендовал себя эффективной площадкой по разработке новых идей и проектов. Из года в год на нём устраивают презентации лучших образовательных практик. Участниками крупных региональных площадок становятся тысячи неравнодушных жителей нашей области, педагогическая и родительская общественность, ассоциации учителей, а также талантливая молодёжь. В этом году форум объединит более трёх тысяч человек. Мероприятия форума направлены на реализацию проекта «Умный регион – умное образование». В рамках форума проводятся как традиционные мероприятия, такие, как единая методическая неделя...

«Как же хочется спать, как же хочется спать», – печалился Клочков, ослабляя галстук от духоты. Он вспомнил, как в четвертом классе в такую же славную майскую погоду он с друзьями сбежал с последнего урока и они играли в «чику»: ударяли монеткой в монетку, чтобы та перевернулась. А потом – в футбол, и ворота обозначали двумя портфелями. Ловили ящериц и пугали ими девчонок – вот визгу-то было! Тогда перед теми детьми расстилалась далёкая и глубокая жизнь, с которой можно было сделать всё, что угодно: стать космонавтом, моряком дальнего плавания, альпинистом, шофёром паровоза (да-да, именно так), ракетчиком, хоккеистом Фетисовым. Ну, собственно, все и распорядились своим уникальным и единственным временем, как хотел. Кто-то уехал в Москву, кто-то спился, кто-то ушел в бизнес. А Клочков, отыграв все свои школьные футбольные матчи, отучился в педагогическом на историческом факультете, попробовал поработать в школе, но долго в ней не продержался, пошёл по чиновничьей линии, пристроился в министерство простым специалистом, да так и застрял там. Лучше, конечно, чем спиться или быть застреленным бандитами, но...

– Мы все прекрасно понимаем, что XXI век меняет требования к профессиональной роли учителя, – продолжал со сцены Максимилианович. – На первый план выходят функции организатора учебной деятельности, консультанта, исследователя, руководителя проектов. На первом этапе реализации Стратегии-2030 «Город умной эффективности» в 2015-2018 годах одним из ключевых направлений является качественное образование. Предполагается создание эффективной образовательной среды...

Клочков уже не мог противостоять дремоте. Он не знал, насколько он отключился. Но, похоже, не меньше земной минуты он пребывал в другой реальности. Павел Петрович сидел на вершине

горы, блистало солнце, было тепло, несмотря на гигантскую высоту. Было хорошо и спокойно. Клочков давно не дышал таким чистым и лёгким воздухом. Вокруг – горы, горы, и очевидно, что на них живут счастливые люди и звери. У Клочкова в руке бокал с вкуснейшим пивом, рядом – тарелочка с вяленным мясом. Он прихлебывает, смотрит вдаль, зрение его – острый кинжал, он видит, как далеко-далеко мальчишки играют в футбол на школьном дворе, вместо ворот – портфели. И портфели-то, как у Павла Петровича, он в таком теперь документы в министерство носит. И видит: громадный орел, размах крыльев метра два, несёт в когтях клубок змей. Приземлился рядом с Клочковым, посмотрел на него, и давай клювом этих змей долбить! А те шипят что-то, не разобрать, что-то про похудение, жирную пищу, телепередачу «Пусть говорят» и артериальное давление. «Полетели, Клочков?». – «А получится?» – «Задницу от кресла оторви – получится!». И впрямь – Павел Петрович сидит в кресле в зале. И таких кресел – целые ряды. «Уже не получится», – обреченно подумал очнувшийся Клочков.

– Образовательная сеть региона включает в себя 227 образовательных организаций, из них: 83 общеобразовательных, 130 дошкольных, 13 дополнительного образования, – продолжал вещать со сцены Максимгеннадич.

«А ведь у орла получается, он парит над этим всем, он прибывает гадин, - подумал Клочков. – Рожденный ползать летать не может. Или может, и уже не хочет?!»

– Смысл регионального проекта – формирование «педагога будущего», способного стать опорой реализации Национальной технологической инициативы, – заканчивал свою бесконечную речь Максимгеннадич. – Особую важность реализация проекта получает в связи с разработкой министерством образования и науки России в конце июля 2017 года «дорожной карты» по формированию и введению национальной системы учительского роста. Наша задача войти в число субъектов, участвующих в апробации модели аттестации, основанной на оценке предметных, психолого-педагогических, методических и коммуникативных компетенций учителей с использованием единых федеральных оценочных материалов.

Наконец-то министр закрыл рот и ушел. Ведущие с красными папками объявили, что слово предоставляется почетному гражданину, Народному учителю России, 82-летнему Владимиру Ивановичу

Логинову. Для своих лет он был вполне бодр, хотя слегка сутул, ясен умом и самое главное – до сих пор вёл в школе уроки истории.

Начал, продолжил и закончил Владимир Иванович не по регламенту.

– Я прошу организаторов включить свет в зале. Я работаю учителем почти 60 лет и привык смотреть в глаза своим ученикам. Я не могу смотреть в пустой черный зал. А то получается, что сегодня не вы, учителя, главные... Меня часто спрашивают, почему вы, Владимир Иванович, так долго работаете. А вы вспомните свое детство. Мы все с вами наблюдали за тем, чем заняты наши родители. Они работали. Кто-то шёл на завод, кто-то в больницу, кто-то в школу, кто-то водил транспорт. И мы все уже тогда примерялись, кем мы будем. И я не мыслю себя в состоянии, когда я прекращу работать, это сложно. Это сложно для многих из вас.

Зал внимал Логинову в полной тишине. Живая речь настоящего учителя контрастировала со всем остальным пленарным заседанием. Его авторитет был настолько высок ещё с советских времен, что самое суровое руководство не смело устанавливать ему рамки – что говорить и сколько.

– Есть молодые люди, которые выглядят старше своих лет своим брюзжанием, недовольством, желанием получить всё и сразу. А человеку должно быть интересно жить, он должен быть активен, идти к своей цели, а не безучастно плыть по течению. В жизни нашей страны всегда наступал определенный момент, когда мы должны что-то решительно сказать, что-то защитить. Наши отцы и деды ушли на фронт. И мы помним это поколение, которое сказало себе: надо выстоять, надо выжить. И они сделали это, совершили великую Победу. А ведь одна треть национального богатства нашей страны была уничтожена. И они сказали себе: надо возродить. И возродили. Нашему поколению сказали поднимать целину – мы поехали. Мы создали страну, величайшую в мире. Мощь Советского Союза предотвращала всякую попытку третьей мировой войны. А когда мы были слабыми, беззащитными, - нас пинали как хотели, разбомбили Югославию, разгромили Ливию. Я как учитель истории выполнял решения страны по воспитанию достойного поколения. Я этим горжусь. Сегодня молодежь имеет к нам претензию: мы развалили Советский Союз. Мы все внутренне переживаем: что случилось с нашей державой. И сегодня встает тот же вопрос: можем ли мы не предать современную Россию?

В зале стали перешептываться, словно ощущая некую опасность от человека, который ничего не боится и говорит правду. Его нельзя просто так одернуть, прервать. Он не дорожит «крышей» власти. Чего доброго, ляпнет лишнего, и пленарное заседание педагогического форума будет омрачено.

«Какие мощные, но в то же время простые слова, – подумал Клочков. – У нас же педагоги, особенно те, кто педагогами управляет, так выражаются, так наведут тень на плетень, нагородят умных терминов, а смысла-то и нет». Но вот какое дело: «простые и мощные слова» тоже клонили в сон, они перестали воздействовать, и Клочков, похоже, выработал иммунитет к любым вообще словам, даже правильным, они для него стали неким подобием телерекламы, а значит, ложью. Он не откликнулся на них, как бывалый пасечник уже не реагирует на пчелиные жала. Призывы любить Родину его уже не задевали, даже если исходили они от искренних людей.

Конечно, Логинов чувствовал аудиторию, согнанную на мероприятие добровольно-принудительно. И решил пробить её толстокожесть. И сделал это с отчаянием пчелы, которая жалит человека, защищая свой родной улей, безвозвратно жертвуя собой. Да, будет больно, место укуса распухнет, но пчелиный яд в итоге будет для организма полезен.

– Ещё немного о патриотизме...

Почему-то с вершины той горы, из сна, меньше всего хотелось думать о патриотизме.

– Так вот, о патриотизме... Логинов сделал неприлично долгую паузу и заговорил вкрадчиво и тихо. Пчела была готова расстаться со своим жалом, но решила уж всадить так всадить. – Мой отец воевал. И вот он как-то рассказывал, когда вернулся с фронта. Зашёл, говорил он, как-то мой отряд в белорусскую деревню, в которой несколько дней хозяйничали немцы. Ищем, рассказывает, избу переночевать. Входим в один дом. Смотрим, – сидит на полу старенькая бабушка, а перед ней тело мальчика. Внук. Ему лет пять. Вместо головы – какое-то кровавое месиво. Бабушка молчит, и даже плакать уже не может. И подняться не может. Потом рассказала. Пришли немцы, смотрят – мальчонка. Его спрашивают: «А где есть твой папка?». И он ответил, гордо и громко: «Фашистов бьёт!». Ну маленький, несмышленный. Немцы рассвирепели, один взял мальчишку за ноги, раскрутил – и с размаху головой о печку, да так, что

мозг разлетелся. Тут же нашли его мать, долго насильовали, потом застрелили. Она лежала в сарае. Мы, рассказывал отец, всякого в ту войну повидали, но как было нас пятеро, тёртые мужики, – все плакали. Бабушку мы накормили из своей провизии, в избе прибрались, мальчишку и его маму похоронили тут же, в саду... Как мы после этого давили этих нелюдей! С такой злобой!

Зал потрясенно молчал. Многие не знали, как реагировать. Владимир Иванович словно опять провел урок, а непутевые ученики будто что-то осознали важное. Их ужалили туда, где ещё больно.

– И в заключение пару слов о труде современного учителя, – сказал Логинов. – К сожалению, сегодня из учителей делают поставщиков образовательных услуг. Учителя «натаскивают» детей на правильные ответы по ЕГЭ, суживая тем самым кругозор знаний. У учителя голова заполнена отчетностью, бумагами. Особой проблемой стала ничтожная доля учителей-мужчин в школах, которые увольняются, едва поработав. И кто, позвольте спросить, будет воспитывать детей, если не школа и родители? Ответ очевиден: в лучшем случае друзья, улица, а скорее – Интернет и телевизор. А в телевизоре в лучшее эфирное время по нескольким федеральным каналам – ор и ругань по поводу того, кто с кем, простите, переспал.

На этих словах раздались аплодисменты, но не аплодисменты одобрения и восхищения, а угодливые начальству хлопки-намёк: хватит, ты вышел за рамки, ты насторожил Первых Лиц, ты портишь торжественное мероприятие. Но у большей части сидящих в зале не нашлось воли для каких бы то ни было рукоплесканий.

И Владимир Иванович с мудрой горечью окинул взглядом публику, склонил седую голову и покинул сцену. Клочкову было неприятно и стыдно, что так уходит Учитель. А еще он пожалел, что тоже мог бы стать учителем, но в свое время свернул с этой дороги и пошел не туда.

Бапон претий, усомнившийся

Сегодня Его Мяучество взирал на просторы Котовасии не столь безмятежно и бесстрастно. Он наблюдал за картиной весны, взгромоздившись на перила балкона. Его с окружающим миром уже не разделяло оконное стекло, а лишь высота пятого этажа.

И вот что подумал Кот Батон: коварная вещь – оконное стекло. Вроде всё видно, а пройти сквозь него невозможно. А это – уже ограничение свободы Верховного Правителя всех котов, кошек и котят. Давно подозревал, что людишки, существующие только для того, чтобы служить мяукающему сообществу, чтобы холить, лелеять и лайкать усатых-полосатых, что-то задумали и ведут тайную самостоятельную политику. Поступали даже сигналы с мест – я их слышал в открытую форточку – о вопиющих фактах кошачьей бездомности, голода, холода, издевательств. О притеснениях со стороны собак. Якобы многие соотечественники вынуждены ютиться по подвалам, влезать на деревья, добывать себе корм насущный в виде охоты на мышей, поеданием тухлой рыбы. Фу-фу-фу. Мяукающий сосед этажом выше поведал ужасающую автобиографическую историю о том, что его отнесли к садисту-ветеринару, и тот над ним сотворил такое, что не выразить никаким воплем боли и отчаяния. И самое обидное, что этот выскочка тоже считает себя Правителем Всех Котов, только Мурзиком Пятым. Ну какой из него Правитель? Во-первых, со Сверхкотами так не поступают, и если слуги устраивают бунт и, свергнув, глумятся над тобой, то значит ты, Мурзик, (имя вообще ни разу не царское!) недостаточно привлекателен, упитан и влиятелен. Во-вторых, Правитель Котовасии должен быть один, и это, несомненно, я... Или уже сомненно?

От этой мысли он чуть было не потерял равновесие, и едва сбалансировал хвостом и толстым задом. Ух, чуть не полетел вниз. А всё из-за этих вредных мыслей, из-за этой подорванной уверенности в своем могуществе и смысле мироздания.

Батон с жадностью и любопытством вдыхал теплый воздух майского вечера и смотрел, как рядом над шевелюрой берёзы резвились, как маленькие моторчики, жуки. И так захотелось броситься за этими жуками, преодолеть пропасть между балконом и берёзой, попасть раз в жизни за пределы квартиры, замутить с какой-нибудь свободной кошкой, посмотреть, как эти бродяги-бомжи на мышей охотятся. Сожрать что-нибудь, пусть противное, кроме сухого корма из пакетика...

Он этих мыслей и чувств Правитель Котовасии едва не потерял сознание. Он снова чуть не оступился и не упал с пятиэтажной высоты. Когти впились в балконные перила. Боязно. Говорят, коты всегда приземляются на лапы. А как это на самом деле, кто знает...

Но что там, в этом забалконном мире? Это здесь ты царь и котобог, а там кто?! Нет, нас и тут неплохо кормят. Каждый день, два раза, а то и три. Есть уверенность в завтрашнем дне, в гарантированном содержании, в социальном, как выражаются слуги-людишки, обеспечении.

Всё, прочь с балкона. Долой соблазны.

Ух, разволновался, сердечко трепыхается, как птичка, хвост трубой.

Спрыгнув с перил, грузно, как мешок с зерном, Кот Батон отправился лежать на любимое кресло. Вскоре он заснул и увидел дивный сон.

Глава 4. Другая дорога

Клочков проснулся необычайно для себя рано – ещё не было четырех. За окном вполне светло, день в мае это вам не то что в унылом ноябре. Соловьи сходили с ума, свежая зелень настраивала на хорошее. Он полежал с открытыми глазами, Батон учуял, что Павел Петрович не спит и вскочил на кровать, чтобы его погладили и покормили. Но даже кот был несколько удивлён, обычно его людской опекун цеплялся за сон до последнего, не хотел вставать, разочарованно отключал будильник с видом невольника.

Клочков встал, окончательно взбодрился холодной водой. Не зря русская пословица гласит «Утро вечера мудренее». Мысли с рассветом ясные, логичные и легко находимые. А думать было о чём, потому что неожиданно Клочков задал себе вопрос «Что делать?». Ещё вчера бы он сказал: «Как что? Ехать на работу, мучиться, ждать отпускных или премии». Сегодня утром у него не было ответа на этот вопрос.

Клочков почаёвничал, надел привычный костюм, сдавил горло галстуком. «Как это было бы символично – повеситься на таком атрибуте официального внешнего вида – галстукке. А вот хрен вам, не дождетесь!». Чувствуя прилив сил и смелости, даже безрассудства, Павел Петрович взял свой портфельчик, сел в прихожей, словно перед дальней дорогой.

– Ты чего? – спросила удивленно жена.

– Сегодня надо пораньше, сегодня надо, ответственный день, – отозвался Клочков и решительно встал.

До министерства он решил дойти пешком, хотя расстояние было немаленьким – три с половиной километра. Но как не хотелось ехать на маршрутке №56, слушать ретро-радио...

По сути, он разучился за эти годы ходить: дома – сиди, на работе – сиди, в транспорте – сиди. Если бы Клочков был изначально рекой, то к сегодняшнему времени он бы заболотился, загнил, стал источать затхлый запах. Когда-то Клочков спокойно и связно изъяснялся, теперь же – слегка заикался, слова будто спотыкались, то и дело появлялись неотвязные «эт самое», «в общем», «типа». В сознании прочно засел язык документооборота. Вместо «Надо прогуляться, весна, погода чудесная» мозг выдавал «На основании соответствующих, эт самое, погодных условий и типа чрезвычайной задолбанности на работе назрела необходимость покинуть пределы квартиры».

Клочков шёл легкой походкой, дышал весенней новизной и глядел по сторонам. Он поймал себя на том, что и «глазеть» он отвык и разучился. Ну а что: из маршрутки №56 виды всегда одинаковые. Говорят, у человека падает зрение, когда он смотрит на мир без интереса. А если ему вообще и жить неинтересно, то у него, наверно, всё атрофируется. И как потом себя реанимировать?

И Клочков начинал догадываться – как...

У подъезда убирался дворник, Павел Петрович его поприветствовал. Долгожданная листва распустилась, вот-вот зажелтеют звездочки одуванчиков. Навстречу попадались люди с добрыми лицами – в маршрутке народ был обычно озадаченный, сосредоточенный и неприветливый. А ведь это счастье – просто идти пешком! Кровушка бегаёт, сердце стучит, мысль работает. Клочков сейчас осознал, что ещё несколько лет сидения за компьютером – и он станет горбатым, и это не считая букета приобретенных на нервной почве хронических заболеваний. Тьфу, какие фигуры речи гаденькие – нервная почва, букет заболеваний. Или так: букет заболеваний на нервной почве...

Как полезно смотреть на мир в непривычное время, другими глазами. Может, для одного человека зеленый цвет – это синий, красный – это фиолетовый. А животные видят всё совсем иначе. Дальше, острее, в иных пространственных пропорциях, в особой

палитре. Мы же привыкли к одному и тому же, и ничего не знаем про другие миры.

Дорога была желанна, и не требовалось никакой «дорожной карты». Павел Петрович обратил внимание на свежую разметку. Прочитал афишу – сто лет не был в театре и на концертах. А ведь в наш город иногда заглядывают вполне приличные, интересные исполнители. Сто лет не слышал живой музыки. Что он только не делал за эти сто лет...

Мимо прошла улыбчивая девушка, с выкрашенными в ярко-ярко-фиолетовый цвет волосами, в которых была брошка в виде цветка. Хорошо. Неторопливо проехала поливальная машина с предостерегающими световыми сигналами, мол, отойди в сторонку, не то окачу! Очень хорошо. Пыль была пририта к дороге. Свежесть – это прекрасно.

Клочков шёл и все больше убеждался в том, что надо делать.

Павел Петрович добрался до своей работы, и было как раз без пяти девять. Он увидел столь знакомую утреннюю картину: служащие министерства озабоченно спешили, боялись опоздать. Со стороны они выглядели довольно жалко.

Клочков не пошел сразу на работу. Он захотел опоздать впервые за много лет. Павел Петрович отправился на набережную, где столько раз раздольным видом на Волгу-матушку пытался отвлечься от нервяков и стрессов. Мост, баржи, широкие пространства... Как сладко – что-то прогулять, на что-то, как выражались некоторые друзья, забить болт. Ветер трепал клочковскую шевелюру, как в детстве, и словно приговаривал: «У!... Прогульщик, учительница поругает, поставит двойку за поведение, тебя отчислят, и будешь вместо аттестата – со справкой...». Как бы сейчас стгонять в футбол... А не с кем. Кто ещё поставит на траву портфель с документами, кто вынесет мяч? «Бросай, Клочков, портфель, надувай мячик и играй по своим правилам. И не бойся ничего – только смелым покоряются моря», – сказал себе Павел Петрович. Тут он нарушил ещё один запрет из детства – закурил. Специально купил пачку. Сел на лавку – какой все-таки вид!.. Затянулся. Хорошо. Конечно, ни семья, ни тем более коллеги-женщины курение не одобряли, не одобрял его и сам Клочков. Но сегодня...

Мобильный Павла Петровича взорвался звонком. «Химера» – высветилось на дисплее. «Да, Фаина Петровна?!» – спокойно и насмешливо сказал Клочков.

– Павел Петрович, в чём дело? Вас уже полчаса нет на работе!!! Почему вы не ставите нас в известность?

– Фаина Петровна, сегодня произошло страшное событие. Умерла последняя на планете самка белого носорога. Этого никто не заметил.

– Клочков, вы в своем уме? Вы трезвый? Я буду вынуждена написать докладную Максимгеннадичу!

– Фаина Петровна, у меня все хорошо. Просто я наконец-то понял, что у нас с вами разные дорожные карты и разные реперные точки. Я сейчас подойду и урегулирую наши разногласия, связанные с исполнением служебных обязанностей и психологической совместимостью. Живем-то один раз.

Клочков затянулся сигаретой, включил телефон на громкую связь и положил рядом с собой на лавочку. Из трубки доносилась испуганная ругань, угрозы, удивление. Павел Петрович смотрел на свой мобильный, как на большого таракана, – с любопытством и брезгливостью.

Когда Клочков появился на работе, преодолев охранника Георгия, Управление по надзору в сфере образования напоминало встревоженный улей. Все были в курсе неадекватности Клочкова. Даже Леночка смотрела на него округлившимися глазами: как, мол, в этом червяке, в этом лакее вдруг проснулось мужество и появилось человеческое достоинство? Неужели нашел новую работу? Или выиграл в лотерею пять миллионов? А может, его взял под защиту Сами Знаете Кто? А может, он решил уехать за границу, и ему теперь всё до лампочки? Никто этого не ожидал от жалкого, нескладного Клочкова.

– Где вы были всё это время? – с ужасом, но гневно спросила его Фаина Петровна.

– В заблуждении, – ответил Павел Петрович и сел писать заявление по собственному.

«Ну вот я и вылетел с работы. Вы-ле-тел, – думал Клочков, расправляя плечи. – Экипаж лайнера приветствует вас. Температура на борту отличная. За бортом – ещё лучше. Атмосфера позитивная. Пристегните ремни, в полете может быть турбулентность».

Батон четвертый, улетающий

Двухкомнатная квартира на пятом этаже хрущёвки, обследованная за эти годы вдоль и поперек, переливалась огнями, словно стартовая площадка. Лапы ступали уверенно, потому что Батон знал, что сейчас он отправится в путь. Он вскоре познает мир, которого никогда не видел, не слышал, не нюхал. Он понял, что дальше так жить нельзя – от кормёжки до кормёжки, от сна до сна. Он выпрыгнет из этого замкнутого круга, из этой клетки повышенной комфортности.

«Почему коты не летают, как птицы? Или как майские жуки. Ежу понятно, что если я сейчас не полечу, то не полечу уже никогда. Вот, ежу и то понятно, но Батон в полной мере осознал это лишь сейчас. А ведь всё это время он считал себя Правителем Котовасии, полагал, что ему все кошачье население завидовать должно. А какой же он Правитель, когда он настоящей Котовасии и видеть не видывал? Не был он, конечно, никаким Царем Всея Котовасии, не был обычным котомеем, он четыре года был котомейком. Да простят меня Павел Петрович, Ира и Маринка. Они меня так захолили и залелеяли, что я стал чемоданом на четырех лапках, заплыл жиром, и мне ничего не хочется. А должно хотеться. Вот сидит Павел Петрович, телевизор смотрит, передача про дальние страны. Я же вижу, как бы он с радостью там оказался, как бы в морях купался, как бы по горам карабкался. А он пивка попьёт и спать идет. Вот так и я – в окошко погляжу – и на боковую. Я даже в нашем дворе никогда не был, никогда».

Батон вскочил на балконные перила, удивительно легко и даже воздушно, и огляделся. Луна блистала призывно и неотвратимо. Звёзды вспыхивали и меркли, словно искры в наэлектризованной шерсти, когда Батона гладили в темноте. И этот майский воздух, – воздух дальней дороги и возможности выбирать себе путь.

Батон обернулся. Ничего не подозревающие слуги-люди безмятежно спали, Павел Петрович даже похрапывал, завтра бедняге, наверно, идти опять куда-то, он говорит, что в гадюшник. И вот тут Батон понял, что любил этих людей и сейчас, скорее всего, видит их в последний раз.

Заиграла музыка из скрипок и колокольчиков. Соловьи выводили сумасшедшие трели.

Батон взлетел. Оказывается, ничего сложного. Тут главное сделать первый решающий толчок, а там уже перебирать в воздухе лапами не составляет особого труда. Батон – ну какой он теперь Батон, – он теперь Эфир или что-то в этом роде – плыл по воздуху. Для начала, конечно, сделал кружок вокруг родной пятиэтажки, осмотрел двор, только что распутившиеся деревья, припаркованные машины. Поднялся повыше. А таких-то дворов, оказывается, десятки, сотни! И везде своя жизнь, многообразная и непознанная. Вот люди, говорят, тоже сидят в своей Солнечной системе и нося дальше не высовывают. А выше, а дальше! Леса, поля, реки, моря, океаны... И везде где хочешь приземляйся, живи, лови мышей, если надо, изучай, познавай, ухаживай за кошками, размножайся (давно пора), знакомься с другими котами, учи их язык. Хотя в кошачьем мире только диалекты, местные говоры, а язык одни, поэтому с этим проблем не будет. И только жаль, безумно жаль потраченных на проживание в хрущёвке лет, в которой живет человеческая семья, которая тоже хочет и не умеет летать.

Курс Батона, естественно, регулировался хвостом. Он поднялся так высоко, что из-за горизонта показалось восходящее солнце. Наступал по-настоящему новый день.

Глава заключительная, а может, и нет.

Дорожная карта

Утром кот Батон не был обнаружен. Понятно, что он сиганул с балкона или не удержал равновесие на перилах и рухнул вниз. Пятый этаж, и высота пугала. Маринка плакала, Ира была в истерике. Павел Петрович потерял источник дохода, сегодня он первый день не идет на свою ненавистную службу, а тут ещё пропажа кота. Невесело начинался новый этап жизни бывшего чиновника.

Клочков умылся, оделся и вышел на улицу. Если бы он не был озабочен поиском Батона, он бы вдохнул полной грудью и наслаждался поздней весной. Всё буйно цвело, благоухало, было тепло и безоблачно. Сегодня не надо ни перед кем дрожать, заискивать, уворачиваться от укусов коллег, бояться заработать сердечный приступ. Но

мешали два обстоятельства: неопределенность и пропавший кот. И, конечно, жена и дочка, которые переживали и за Батона, и за него, отныне официально безработного.

Клочков два раза обошёл дом, говорил «кис-кис-кис», редкие прохожие смотрели на него с любопытством: взрослый дяденька, а ищет какого-то кота. «Ну расклеим объявления о пропаже на подъездах, животное видное, найдется». Ему опять пришли на ум чиновничьи выражения «дорожная карта» и «реперные точки». В переводе на человеческий язык эти два оборота можно перевести как «Куда идти и зачем?». Собственно, это главные вопросы и есть.

И тут в зарослях под балконом раздалось знакомое «мяу». Оказывается, Клочков за эти годы научился отличать Батонский голос от любого другого кошачьего. Кот-летун сидел, спрятавшись от людских глаз, и жалобно смотрел на Клочкова. Черная шерсть в пыли и растрёпана. Батон мяукал и не двигался с места. «Вот ты где, сукин кот!» – обрадовался Клочков, как не радовался никому в последнее время.

Павел Петрович осторожно взял его на руки, Батон мяукнул еще жалостнее. Видимо, он что-то повредил себе, может, лапу, может внутри чего, это уже только ветеринар определит. Ужас и шок выражали его глаза. Как он тут ночь провел, одинокий, ушибленный, среди незнакомых людей и собак-дворняг? Это ведь у него первый раз в жизни, первый раз...

Клочков бережно нёс Батона на руках, как новорожденного, и тот сквозь свои кошачьи страдания благодарно смотрел на бывшего чиновника регионального министерства образования. Павел Петрович поднялся на свой пятый этаж, лифтов в хрущёвках не предусмотрено, и позвонил в свою дверь.

Перед тем как жена открыла, Клочков бросил взгляд на усатую морду. Ему показалось, что кот Батон ему подмигнул и улыбнулся.

«Держись, котыра. Мы прорвёмся», – сказал Клочков и переступил порог.

Аудиоверсию рассказа «Дорожная карта кота Батона» можно найти по адресу: <https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>.

Читает – Павел Половов.

Евгений Сафронов

Попрыгун

*«По-прежнему Ольга Ивановна искала великих людей,
находила и не удовлетворялась и опять искала»*

А.П. Чехов

1.

Я тогда учился на третьем курсе филфака. У нас городок небольшой – всего-то несколько сотен тысяч жителей. Газет – дай Бог с десяток штук, все журналисты знают друг друга как облупленных.

– Ты пиши в любом случае. Примут не примут – вопрос второй. Главное, чтобы к концу пятого курса у тебя было хотя бы с пяток-другой публикаций. На работу тогда точно устроишься, – советовал мне мой дядька, который хоть и приходился мне седьмой водой на киселе, однако помогал нам с мамой частенько. Он уже пенсионерствовал (это его любимое словечко), но в свое время лет двадцать отпахал на ниве местной журналистики.

Я к его советам привык прислушиваться и, как сейчас помню, в середине мая 2012 года пришел в редакцию газеты «Городской пульс». Название для СМИ дурацкое, но люди в «Пульсе» оказались хорошие. Редакторша приняла меня сразу, покивала головой и говорит:

– Пишите, Леша, пишите! Любая городская тема нам интересна. А вообще, легче всего начать с какой-нибудь хорошей истории. Найдите человека поинтереснее – и побеседуйте с ним. У нас есть рубрика «Город и горожане», вот там ваш опус и опубликуем, если, конечно, напишите достойно.

Вот с этой редакторской «установки на добро» всё и началось. Я три дня раздумывал над тем, где бы найти этого самого интересного человека. Хотел сначала даже о дядьке своем написать: вот, мол, аксакал журналистики, вот с кем он встречался и у кого брал интервью. Но тут случилась среда, я вспомнил, что нужно готовиться к практикуму по литературоведению и поскакал в универси-

тет, чтобы занять тетрадку с лекциями у Машки из второй группы. Скакать пришлось на трамвае, который поворачивает возле известной на весь город кирхи.

И вот тогда-то из вагонного окна я впервые увидел Джанджгаву – большого бородача, похожего на Будулая из фильма про цыгана. В руках он держал обычную метлу и медленно рисовал ею по асфальту. Я не шучу: он точно рисовал, а не подметал. И тут пазлы сложились: известная кирха, колоритный бородач, которому наверняка есть что рассказать. Почему бы нет?

Я слез на следующей остановке, напрочь забыв о Машке и ее тетрадке, и поспешил назад к лютеранской церкви. Я встречался с ним всего один раз – до того, как он снова прыгнул.

Дворником Виктор стал всего-то шесть месяцев назад. Из трамвайного окна мне показалось, что ему за пятьдесят, на самом деле ему совсем недавно исполнилось сорок один. Когда мы зашли в его полуподвальчик за кирхой, я замер, разглядывая стены. Они были увешаны рисунками и картинами, выполненными маслом и карандашом – самых различных размеров, в рамках и без.

– Ваши? – я показал на рисунки. Он обвел глазами странных животных, больших стрекоз с миллионами глаз, вытянутые вверх здания, каких-то веселых, немного карикатурных девчонок, прыгающих через резиночки, и Бог весть что еще – всего за один раз разглядеть было невозможно. Затем медленно кивнул, и мы пошли дальше. Я не сразу догадался, что Джанджгава не просто хранил здесь метлу с лопатой, он тут жил.

Мы уселись для беседы на жесткой кровати, к которой был придвинут темный деревянный столик. Больше никакой мебели в комнатухе я не увидел. Дневной свет проникал сюда из узкого прямоугольного окна, иногда заслоняемого тенями идущих людей: оно находилось на уровне колен прохожих.

На улице я с ним перебросился буквально парой слов: мол, вот я начинающий журналист, хотел бы побеседовать – о нем, о городе, о кирхе. Бородач пожал плечами и попросил меня подождать пять минут – пока он дOMETET тротуар. Я обрадовался, так как не ожидал, что мой новый знакомец так быстро согласится.

Теперь же мы сидели в его комнатухе, диктофон в сотовом записывал, и я испуганно перебирал в голове возможные вопросы, с которых журналист-профи начал бы интервью. Но дворник заговорил сам. И во время этой беседы как-то забылось, что именно я беру интервью.

– Вот скажи мне, Леша, есть у тебя родители? Есть... Живы? Вот и хорошо, дай Бог им здоровья. И дом у тебя есть. И школа, куда ты ходил лет десять, – конечно, по одному и тому же маршруту: через какие-нибудь два двора, по тротуару, через парк – затем по зебре или на светофоре через перекресток. Потом парадное крыльцо с четырьмя бетонными ступеньками; одни и те же лица школьных друзей-врагов. И после – университет, да? Катаешься туда-сюда пять раз в неделю? Так? – бородач смотрел на меня и улыбался.

Я кивал, чувствуя себя немного не в своей тарелке: все-таки задавать вопросы должен был я. Да и вопросы были какие-то странные. К чему это он ведёт-подводит?

– Я это к тому, – словно читая мои мысли, продолжает Джанджава, – что мы не выбираем. Вот родился ты в определенной семье или городе – и тут уж хошь-не хошь, но никуда не денешься. Это ладно. Но ведь многие люди и в остальном такой же подход исповедуют: поступили в школу, так в ней с первого до последнего класса и держатся. С работой так же, квартирой, магазинами, друзьями... Так ведь?

– А вы... – я осторожно подбирал слова. – У вас... по-другому?

– Да, – уверенно кивнул бородач. – Я стараюсь это переломить...

2.

– Я родился в Поти. Это в Грузии, там тепло. Берег Черного моря. Моя семья переехала в Россию, когда мне было шесть. У меня осталось от того времени несколько ярких воспоминаний. В порту жила трехногая собака Волна, – обычная дворняга, каких сотни, особенно в небольших городах.

Я ее обожал. Не знаю, почему, но я часто оставался один – мы ведь жили недалеко от портовой зоны. Я любил сидеть на пирсе, который острым концом выдавался далеко в море. Волна лежала рядом, и мы смотрели, как солнце медленно уходит за горизонт. Сзади колыхались небольшие баржи и лодки. Моя рука гладила теплую шерсть дворняги, и счастливее нас не было никого.

А потом ее убили. Не знаю, как это произошло: я нашел черное тельце внизу на старом причале. Я пытался поднять черную проломленную голову, мне всё казалось, что ее хвост сейчас вздрогнет и привычно забьется о землю – от радости, что я пришел. Я бы тогда заплакал, поцеловал ее черный нос, поднял ладонями смешные длинные уши. А потом мы оба пошли бы на наш остроконечный пирс и снова ждали бы, пока солнце скроется в море.

Но Волна лежала, чуть обнажив зубы, и от нее уже начинало пахнуть.

Тогда я оставил собаку у старого причала и пошел смотреть закат один. О том, что ее можно и нужно похоронить, я не думал. Я сел на теплые доски, свесив ноги к темной, вечерней воде, увидел привычную кроваво-красную дорожку, проложенную в волнах за-

ходящим солнцем. И – прыгнул. Впервые. Я тогда еще не знал, не понимал, что произошло.

Очнулся я дома в кровати, рядом – отец и мама. Всё выглядело так, словно ничего не случилось. Или родители сделали вид, что всё нормально. Но в действительности так и было: всё нормально. Я прыгнул, и мы уехали из Поти – буквально через неделю. Хотя до этого никто и не думал оттуда уезжать.

Детсад. Это время я помню лучше. Мы переехали из Поти в Подмоскowie. Здание было одноэтажным, грязно-желтого цвета. Не знаю, помните ли вы тот запах, который и сейчас, наверное, встречает тех, кто заходит в детские сады. Невыносимый запах какао в граненых стаканах с запекшейся коричневатой пенкой на стенках. Иногда – запах запеканки и чуть подгоревшей каши. О, боги, боги мои! Я даже вспоминать об этом не могу без содрогания. А еще – небольшие шкафчики со злыми мордочками мультяшных зверей.

У нашей воспитательницы (милосердная память стёрла ее имя) была привычка не пускать детей в туалет во время тихого часа. На самом деле спать мы должны были часа по два, и где-то к половине этого срока мочевой пузырь начинал переполняться. Что-то внизу давило всё сильнее и сильнее, но я, как и еще 14 таких же мучеников, лежал и не смел пошевелиться.

Многие не выдерживали – особенно девчонки – и продолжали «отдыхать» на мокрых простынях. А затем воспитательница выстраивала детей в ряд и каждому в группе демонстрировала позорную простынь провинившегося.

Однако прыгнул я далеко не сразу – лишь через несколько месяцев, в конце весны. Все дорожки, горки и лазалки подсохли, и нас чаще стали выводить на прогулку. У меня было любимое место – угол деревянной беседки, где грели свои красные и черные тельца муравьи и солдатики. Я садился на корточки и наблюдал за их таинственной работой.

В тот день ко мне присоединились еще двое мальчишек – Мишка и Вовка. Они посидели со мной минуты две, а затем Мишка встал и принялся ногой в дырчатой сандалиии давить обитателей угла. Несколько секунд, замерев, я смотрел, как разбегаются те, кто еще остался в живых, а затем встал и ударил обидчика в лицо.

Влепил я ему порядочно, крику и слёз – до небес. Воспитатель схватила меня за руку и отвела в группу, где под надзором практикантки я должен был стоять в углу долго-долго, пока не осознаю всю меру и тяжесть своей вины.

Сверху над моим углом висели полупрозрачные шторы светлого-синего цвета. Из открытой форточки дул легкий ветер, играющий с занавеской. Ее уголок то и дело касался моей головы, словно успокаивая. Слева на потертых обоях было рваное пятно, похожее на черепаху: четыре неуклюжих, толстых ножки и вытянутая на тонкой шее голова. Я вообразил, что черепаха ожила, тут же сел на ее панцирь, и мы с ней пустились в долгое плавание – с приключениями, островами, затонувшими кораблями и кладами.

И тут что-то срослось и сложилось: ощущение горькой обиды и потери, ласковое прикосновение занавески, манящий силуэт черепахи и острое желание уйти. И я снова прыгнул. На этот раз более осознанно, с постепенным пониманием того, что последует дальше.

Когда я вернулся, почти ничего не изменилось – лишь голова моего гида-черепахи смотрела теперь в другую сторону. И занавески стали чуть светлее, чем были до прыжка.

Через четыре дня родители перевели меня в другой садик.

– Ты думаешь, Леша, я сам себе не задавал этот вопрос? Что значит «прыгнуть»? А хрен знает. Вот честно. Да, русский язык богат, да, заблуждается тот, кто уверяет, что якобы есть такое, чего нельзя выразить словами. Но – есть. Правда. Я могу описать прыжок только так, как рассказал о нем выше...

Хорошо-хорошо, приведу еще пример. В школе я научился рисовать. Наша классуха Вера Федоровна – крошечная женщина со сморщенным, похожим на детский кулачок лицом – заметила мои изрисованные поля в тетрадках. Вместо того, чтобы изругать меня и выставить мои каракули перед всем классом, как белые простыни с еще не просохшими желтыми пятнами мочи, – она встретилась с моей мамой и посоветовала записать меня в детскую школу искусств. Классуха сделала это зря, потому что об учебе я тогда почти забыл: меня захватил белый альбомный лист и карандаши с красками. Я и теперь не могу прожить ни дня, чтобы не нарисовать хоть что-нибудь.

Ведь это потрясающе: вот еще буквально секунду назад ничего нет. Совсем ничего. И вдруг ты видишь там, за дрожащей пленой бумажной границы, нечто иное – какую-то другую жизнь, других существ, удивительное, прекрасное место, куда тебе хочется всем сердцем. Ты чувствуешь, что именно там – родное, твое; те нездешние законы и правила – это твои правила.

И чтобы хоть немного развеять тоску, разорвать бумажную плену, скрывающую родной мир, – ты просто переносишь всё увиденное на бумагу.

Думаешь, Алексей, что я несу романтический бред? Символическую и мистическую труху? Ведь ты – филолог, тебе так и полагается думать. Но я говорю, что видел и чувствовал, говорю, как было и есть...

Вообще-то, школа мне нравилась – поэтому прыгнул я только в восьмом классе. Я тогда влюбился сразу в двух девчонок и начал по очереди ухаживать за ними. Одну звали Ирина, она сидела на уроках прямо передо мной, и ее толстая каштановая коса то и дело прыгала по красивым плечам, когда та вертела головой. А вертела она ей часто: любопытная была девчура.

Другую все звали Катеринкой. Она училась в параллельном классе, уже красила губы, ресницы и считала себя взрослее остальных. Я ее полчетверти провожал до дома и даже два раза поцеловал в щеку.

А потом мне вздумалось нарисовать Катькин портрет. До этого я переносил на альбомные листы разное – в основном, то, что виделось мне сквозь бумажную границу. Я, кстати, до самого универа думал, что все художники так и рисуют: перекладывают на бумагу лишь то, что видят там.

Когда начал рисовать Катеринку, почувствовал, будто куда-то провалился. Так и уснул вечером с карандашом в руке. Утром встал, посмотрел – портрет как потрет. Приношу в школу, на перемене дарю своей зазнобе, она смотрит на него, а потом всучает мне обратно:

«Нарисовал свою Ирисову – вот ей и отнеси!» – и прочь от меня. А Ирисова – это фамилия Ирки из моего класса. Я ничего не понимаю. Переворачиваю портрет, начинаю рассматривать. И удивительное дело: на первый взгляд, на бумаге точно изображено Катькино лицо – с родинкой на подбородке, с челкой на левую сто-

рону, с тонким носом. Но если всматриваешься дольше, то вдруг видишь совсем другое лицо. Иркино. Один в один.

Я подумал-подумал, отнес рисунок домой и спрятал в ящик стола – от греха подальше. И с того момента у меня пропал интерес и к той, и к другой девчонке. Почему? Трудно объяснить. Понимаете... Я вдруг понял, что мне нужен кто-то третий – тот, кто изображен на картине, в которой просвечивала одновременно и Иринка, и Катя.

Прыгнул я через две недели – во время драки с одним десятиклассником. Не помню из-за чего мы подрались: повод, конечно, был. Мы встретились с ним на большой перемене на четвертом этаже – в том месте, куда тайком ходили курить и учителя, и «старшаки». Помню, его кулак по касательной попадает мне сначала в ухо, а затем новый удар – в подбородок. Перед глазами, словно на 3D-экране, возникает карандашный портрет Ирки-Катеринки. А потом – мгновенное перемещение на другую сторону.

В этот раз я очнулся уже в скорой. Как потом мне рассказали, за помощью в кабинет завуча прибежал тот самый парень, с кем мы выясняли отношения на четвертом этаже.

3.

Устроился я на свою первую работу так: у мамы была знакомая на автозаводе, и там потребовался сисадмин. Я в этом немного шарил и решил подзаработать – хотя и учился тогда очно на третьем курсе истфака. Поступил-то я на естественно-географический, но переделался в историки еще на втором курсе.

Именно на автозаводе я постепенно начал понимать, как вообще устроена общественная система рабства – я столкнулся с прижиманиями. Тебе это, Леша, еще предстоит пройти: ты ведь пока учишься, толком нигде не работал, так? Ага. Так вот: прижимать обычно начинают не сразу.

Устроился я, повозился немного с железом, настроил обменник для двух этажей административного здания – всего на 36 компьютеров. Сделал это за четыре рабочих дня. «Ну, думаю, пора и честь знать... Нужно и об учебе подумать». Буквально через десять минут подходит замначальница – такая мадама на шпильках с Эверест и в розовой блузе.

– Витя, у нас тут в литейке у начальника Винда не запускается. Сходите – посмотрите? – и уже не глядит на меня: тут главное меседж донести, остальное – пофиг.

Я, конечно, киваю. Бреду в литейку – а это, на всякий случай, километр туда, километр обратно. Налаживаю комп у начальника цеха. Пока возвращаюсь – звонок. От той же на шпильках-эверестах.

– Виктор, тут в 406 кабинете на 4-м этаже у принтера картридж надо поменять. Сделаете?

– Ок, – отвечаю. – Сотворю.

Пока меняю картридж, узнаю, что в инструментальном цехе проблема: на одном из компов надо установить специально купленную программу. Сами они, видишь ли, не в силах. Ну, куда деваться – иду туда. И такая круговерть – неделю, вторую, третью, четвертую. Какая там учеба – это у сисадмина-то без определенных занятий?..

Но это еще не прижимания. Это так, цветочки. Прижимания начинаются обычно так:

– Виктор, я сегодня с утра зашла к вам – в 8-04. Вас не было на рабочем месте. По данным электронной проходной, вы прошли через турникет 8-07. Еще раз такое повторится – лишим вас 10 процентов премии.

– Ну да, ну да, – киваю. А что еще остается делать? Ну не объяснять же, что застрял по дороге в пробке.

Дальше – больше. Начинаются «домашние задания»: мол, «Витя, тут надо побыстрее, здесь только до утра терпит». Я понимаю, что смогу это сделать на домашнем компе. И постепенно работа перетекает домой. Тут не до рисунков, книг и учебы. Не до творчества и всего остального. Тут везде – один автозавод.

Кстати, именно на первой своей работе я и изобрел этот термин – «прыгать». До того момента я даже не знал, как называть свои мгновенные перемещения туда. Прыгнул я через полгода – срок, между прочим, приличный для того уровня прижиманий, который был на заводе. Официальная формулировка – «уволен по собственному желанию».

Года через два я устроился в одно юридическое агентство – уже после окончания универа. Закончил я без троек, но и без особого багажа знаний: к концу пятого курса я уже не видел смысла в

продолжении учебы – слава Богу, что сей момент совпал с получением диплома.

Прижимать в юрагентстве принялись не сразу, надо отдать им должное. Но через четыре месяца меня уже там и след простыл.

Затем я открыл для себя работу SMM-менеджера. Вот тут-то я себя почувствовал будто в раю: ежедневно что-то новое. Чего стоит ежечасное подвисание в ленте новостей! Скользишь по ней и не знаешь, какое открытие тебя ждет через секунду. У меня даже развилась зависимость: я подвисал в ВК, твиттере и фейсбуке не только по работе, но и просто для удовольствия. Проводил за бесцельным просмотром различных постов много часов, забывая обо всем на свете. А затем стал замечать, что без этого уже просто не могу жить – как наркоман без наркотиков.

Тут уж хочешь не хочешь, но прыгать придётся...

4.

За узким прямоугольным окном уже вечерело. Пора было прощаться. Джанджгава не помнил, какая по счету была работа дворником при кирхе – да это, наверное, и не важно. По нескольким его обмолвкам я понял, что у Виктора однажды даже наметилась семья.

– Но я, как всегда, вовремя прыгнул, – говорил, улыбаясь мой собеседник. Мы пожали с ним руки на пороге, и я вышел на улицу.

Больше мне встретиться с ним не удалось. Возле кирхи я тоже его ни разу не замечал, хотя проезжал там каждый день – кроме выходных.

Как-то, года через два после публикации моей газетной заметки о странном бородаче, я заглянул во двор лютеранской церкви и разговорился с пожилой женщиной, которая работала помощницей пастора по хозяйству.

– А-а, Витя-то? Да он уволился давно... Он вам тоже про «прыганья» свои рассказывал? Да-да, попрыгун еще тот. Он ведь эпилептик, вы не знали? – отвечала она на мои расспросы; говорила женщина насмешливо и немного с сочувствием – тем самым тоном, который появляется при разговоре о дураках и пьяницах. – У него как припадок случится – так он всё, считает, что тогó: в ином мире побывал. И сматывается сразу оттуда, где работал. Я так думаю, что стыдится он своих припадков. А чё тут стыдного: болеет человек. Вот и не держится долго нигде.

Где Джанджгава сейчас живет и работает, моя собеседница не знала.

– А мне и не интересно-то особо: куда-нибудь в дворники подался, а может, и в бомжи. Много у нас таких прыгунов-то по России шастают...

Тогда я спросил ее о рисунках бывшего дворника. Оказалось, что он большую часть раздал, кое-что взял с собой.

– Может, что-то осталось еще в его подвальчике – где инструменты хранятся... – женщина указала в сторону подсобки.

Я упросил ее открыть мне подвал и после недолгих поисков наткнулся там на два рисунка-наброска – один на альбомном листе, другой – на оторванной обложке блокнота. Они и сейчас у меня. Я достаю их тогда, когда вспоминаю о том, что мне уже тридцать семь, что я работаю в одной и той же газете десятый год подряд и что я нигде, кроме своего родного городка, больше не жил.

На одной картине изображен маленький мальчик, над головой которого – большое окно с поднятой ветром занавеской светло-си-

него цвета. На другой нарисована самая обыкновенная дверь, правда, почему-то без ручки и замочной скважины.

Не понятно, закрыта ли дверь наглухо или там есть небольшая щель. Я надеюсь, что щель всё-таки есть – иначе было бы совсем-совсем невыносимо.

Аудиоверсию рассказа «Попрыгун» можно найти по адресу:
<https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>.

Читает – Павел Половов.

Александр Цыганов

Дурачок

– Ну, дурачок он и есть дурачок. Подыми глаза! Во-о-он его домишко стоит. Да выше подымай – на самом холмике дом-краюшка! Старая избушка лесничего там, это потом до неё повырубали. Родник дальше есть, но сам не найдешь его, зря тока проплутаешь – первый раз с Колькой надо идти – лес там не прибран. Колька-то, хоть и за лесничего, а или не прибирает, или прибирает по-своему – дурачок же, – все ноги себе скопытишь.

– А ты, Владимир Михалыч? Покажи мне хоть направление, а я там не собьюсь – географ же, да и карту знаю, – соврал я. Приехав не так давно, я еще не привык к многочисленным обязательным знакам, долгим разговорам за жизнь и, честно говоря, за три дня слегка от них подустал и нового не очень-то и хотел.

– Гео-ограф, – Михалыч усмехнулся. – Недосуг мне сегодня, забор надо поправлять – машинка коза всю мою капусту пожрёт. А что гео-ограф – это хорошо! В нашей школе они во как нужны! Да Колька и покажет – чай, не сломается!

– Да дома ли он? Может, и нет его?

Михалыч задумался...

– Как ни заходил – всегда он дома есть. Ну, и сейчас я же тут стою, а значит, попадешь на него! Во-о-он краюшка и тропинка еще сбоку! Иди-иди, тут недалеко!

Михалыч – мой коллега и практически, как он сам дал понять, родной тут мне отец – школьный завхоз, а по совместительству учитель труда и ОБЖ, низкий, но чрезвычайно широкий мужик, сошел с тропки и указал ладонью вперед и вверх:

– Иди. Колька нестрашный, ему чужая нужда своей ближе!

Иду. Родник мне и впрямь был до зарезу нужен. На картах, что взял я в управлении, его нет, а местная артель остро нуждалась в лесе, вот управление, устав с арендаторами скандалить, и постановило – пройти этот лес, да разведать, что к чему. Потому как если родник, то особо охраняемая земля, и рубить на ней – ни-ни. А начальство местное – то ли не указало место, то ли вообще не в теме. В общем, надо было.

С лесником здесь тоже выходила бюрократическая путаница – по документам им числилась жена председателя, которая по факту уже шестой год жила в райцентре, причем и председатель, и все вокруг указали в качестве ответственного за угодые какого-то «Кольку», и звучало это как-то совершенно безумно:

– Родник в лесу? Да есть! Большой? Большой! За лесника кто? Да есть! Кто за лесника-то? Да Колька – дурачок!

Вот природа здесь мне, безусловно, нравилась. И люди нравились – спокойные, неторопливые, как и всё вокруг. Такие места! Меловые холмы, поросшие рощами и сосняком, под ними – речушки ли, ручьи, текущие неизвестно куда; в расходящихся стрелках слева и справа – поля, давно нетронутые, заросшие молодой травой.

Само село раскинулось за спиной позади – вокруг небольшого пруда и яркого пятна зелени, оставшегося от старинного барского сада. Впереди – пресловутый лес, льющийся от середины огромного холма, даже не холма, а горы, в вышину, куда ни дорог, ни просек. Видно, что гора изломанная, будто разбитая двумя оврагами на три части, из которых правая, дальняя – самая большая, даже отсюда отдавала холодом и каким-то ожиданием, стояла в мрачной неприступности.

И лес впереди другой – ни тебе веселого шелеста, ни ярких вспышек яркой листвы. Старый лес. Сосны не сосны, а какие-то кедры – я даже усмехнутся эдакой своей неосведомлённости, вспомнив недавнее язвительное «гео-ограф»...

Понятно, почему именно на него точат свои пилы частники–артельщики: таких деревьев по всей области еще поискать. Вырубил, продал – тебе не заброшенные поля поднимать. Нет, господа, это мы еще посмотрим!

Только теперь я разглядел домишко, к которому направлялся. Виногато было зрение – я-то оперировал привычными категориями, не сразу оценив размер и холма, и деревьев на нём. Гора!

Домик казался чуть заметным мышонком, прижавшимся к краю одного из оврагов с крутым меловым оползнем. Позади него – довольно широкая поляна, а за ней сразу ствол. Нет, не весь лес, а именно ствол – высоченный, морщинистый, зеленоватый, как из меди литой. Поодаль – еще один, а над всем этим – крона. «Ого!».

– «Недалеко, Михалыч?…» – непечатно чертыхнулся я и полез вверх. Не совсем чтобы полез, пошел, но с усилием, сберегая дыхание. И шагать было, действительно, тяжело. Но раз надо!

– «Коль-ка – ду-ра-чок, Коль-ка – ду-ра-чок…» – хоть помогал я себе, пока шёл, а к середине пути всё равно выдохся. Остановился, оглянулся. Красота!

Холмики и село остались далеко внизу, Михалыч выглядел мухой, присевшей на веточку дороги. Он дружески помахал мне лапкой и что-то не больно торопился к своей козе – Машке с её забором...

Я отдыхал. Действительно: дураком надо быть, чтобы периодически мотаться отсюда туда-сюда. Если только этот Колька не домосед. Вряд ли, судя по услышанным мной рассказам.

Обычный деревенский парень, которого чем-то Бог обидел, даже не пойми, чем. С детства он тут: родителей схоронил, дом родительский сестра забрала – потом продала и с семьёй в город уехала, а он остался. Как с армии пришел, так и остался. Жена? Нету жены. Было, заглядывались девки да бабы, но ... дурачок же...

– А дурачок-то почему? – плечами пожимают. Не знают, привыкли.

Потому что помогает всем и иногда пугает – рассказывали, что у одной бабки корова обезножила, резать хотели. Пришёл, всех разогнал, помял ногой ей живот – встала корова.

Соседям – картошку копает – они зашиваются, торопят, а у самого она стоит, на корню гниёт... Умно ли? Из города ему угля привезли – в школу отдал, – «На что, говорит, мне, пропадёт...»

А Михалыч говорит – в школе если что надо сделать – хочь глобус, хочь микроскоп – надо Кольку попросить. Ничего себе, «дурачок»... Еще рассказывал, что когда в школу он, Михалыч, работать пришел, то бывало сильно на зелёного змея налегал и раз в лесу потерялся, и его Колька чуть живого домой притащил. С тех пор лет двадцать уже – ни-ни...боится, «Колька сказал – помру!»

Стоп! А почему тогда «парень»? Вот ведь, стереотипы! Слышу все время «Колька-Колька»... а по всему, и не парень должно быть, а старше меня, а я уж давно парнем не считаюсь, мужик молодой.

Хотя... Как там, рассказывали – однажды с ребятами вокруг курятника веточек навтыкали – лису, говорят, ловим... К ночи ребята – то мамки по домам разобрали, а этот остался – взрослый ведь, кто его загонит? И поймал лису-то. Потом по деревне ходил, рыбу просил – отучал лису от птицы, рыбой кормил. Дурачок!

Медленно в раздумьях поднимался я в гору. Ох и тяжело! Ноги наливались чем-то мягким и ватным, колени дрожали, когда приподнимал ступню. Медленно тащился, полз. Родник этот! И что один пошёл?

Ближе к дому тропинка стала поприветливей, полегче.

А домик и в самом деле небольшой. Конечно, и не игрушечный, обычная изба, раза в полтора – два поменьше нижних деревенских. За ним сразу – банька, ничем не огороженное подворье – ну, правильно, чего ж тут бояться? Медведей только!

Пара сараюшек, клубника перед крыльцом и сиреневый куст, скрывающий обрыв. Ради интереса я обошел сирень и приблизился к меловому склону. Осыпался он, вероятно, давно, так как сейчас уже край его зарос крыжовником, а в верхней части был выдолблен терраской, на которой – я не поверил своим глазам – разбит огромный, метров в семь шириной и в сорок длиной, цветник.

– Почудилось – пробормотал я и вернулся к дому.

«Как много нам открытий чудных...» – как молитву прошептал про себя, поднялся и постучал в дверь.

– Так не заперто, заходи уж, да?! – сразу же отозвалось из-за неё, словно в сказке, заставив непроизвольно отшатнуться – на миг показалось, что говорит сама изба.

Опасливо потянул ручку на себя, перешагнул порог – проём был высоким, даже нагнуться не пришлось, вошел, щурясь и готовясь к полумраку.

– Да разлепи, не темно у меня, да?! – голос как будто отдалился, что-то в нём сразу было непривычным, нерусским или наоборот – до такой степени... что непроизвольно шагалось вперёд и разлеплялось. Мягкое это «Да!» в конце – звучало одновременно и вопросом и утверждением, как будто напрашивался кто-то или уговаривал – «согласись!» или «можно?».

– Есть кто дома? – с опозданием спросил я, после чего добавил, – Здравствуйте!

– И тебе здоровья, добрый человек! – ответил голос.

Вокруг был дом. Светлый, спокойный и чистый, с ковриками под ногами, травяными запахами чая и солнца. На коврике прямо у ног было нарисовано английское «Hello» со смайликом на конце.

– Сестрёнка привезла, – похвалился хозяин, появляясь из-за шторы справа, – Ноги, говорит, чтобы не мёрзли, ну, и грязь не тащить, да?! Чай готов, пошли!

– Да. – непроизвольно повторил я, глядя на стоящего передо мной. Потом протянул руку, – Александр, Саша по-нашему.

– Николай, – так же просто протянул он руку в ответ, – по-вашему – Коля.

Рукопожатие вышло крепким и удачным – мужики поймут – оно было уверенным и правдивым.

– Не Колька, – чуть подумав, улыбнулся хозяин, – Не люблю. Сюда, – он гостеприимно распахнул шторку и шагнул вперёд.

А я так и не успел запомнить его лица, выделить в нём какие-нибудь выдающиеся или наоборот, отталкивающие, но запоминающиеся черты.

На небольшой, но вполне себе на двоих, кухоньке, мы сели за стол, и я выделил одну черту, пропущенную секунду назад: хозяин был очень высок, крупен и удивительно ладно сложен – не странно, что он смог отсюда, на своих плечах вытащить целого Михайловича – по габаритам он раза в два превосходил меня, голова его касалась макушкой притолоки. А он будто продолжал отвечать на чуть было не заданные мной вслух вопросы:

– Вижу я, что вы с Михалычем идёте. Понял, что по мою берлогу – куда тут еще идти-то? Воду пока поставил – сюда ж подни-

матся еще. С сахаром? – и не спрашивая ответа, чуть внутренне прислушавшись к самому себе, Николай кладёт мне ровно три ложки, моё число. – Смотрю, Михалыч остался, а ты идешь, медленный такой, раздумывая опять же – зайти, не зайти... Э-э-э, думаю, в лес странник собрался. По что в лес? Ягодам не сезон, да и с другого угла сподручнее, грибы здесь отродясь не водились, значит, по иному поводу. И по какому же? – он пытливым взглядом посмотрел мне в глаза.

– Да, на родник мне надо, – опешиваю я, не привыкший к столь скоро заданному вопросу о настоящей цели. – На картах нету его, а нанести надо, чтобы лес не трогали.

Хозяин хмыкнул:

– Хм. Лес не тронут. А на родник надо, это ты верно знаешь, да? Ну пей, после сходим. Вот варенье моё с мёдом вперемешку пробуй. И блины – мне Вадимовна с утра дала – сам-то я не пеку, а чего мне одному печь-то, раз целый день внизу? А ты, значит, учитель?

Диву я потом давался – с чего это как на духу рассказывал я другому, менее часа назад встреченному человеку, и о себе, и о своих поисках и переживаниях: «С кем был! Куда меня закинула судьба...». О том, что приехал ненадолго – на замену – в самом начале, потом – чем занимался, чего хотел, но так и не достиг... затем вообще пустился в какую-то метафизику, самому мне не очень-то понятную.

Николай улыбался и отвечал. И я понимал, что не я, приезжий и городской, тут странно выгляжу, потому, что как раз я – и приезжий и городской, – а вот он выглядит тут странно. В чем именно, объяснить я не мог – но он ощущался еще более приезжим, чем я, иногда и вовсе представляясь мне иностранцем – японцем или, может быть, калмыком.

– Места здесь интересные, ненаглядные. С детства тут гляжу, а наглядеться не могу – что ни листок, так точёный, резчишком по нему боженька прошёлся, и времени зря не потратил, потому как мне показал, а потом ещё ежонка им укроет до весны. Иной листок ма-аленький, а пользы от него – больше чем от целого веника – и хворь снимет и тоску развеет. Да и трепещет на ветке смешно, радуется. Это же великая сила – радость дарить – и человек человеку не каждый может! А тут – листочек на ветке. Да?

Не согласиться было невозможно – так просто и ясно всё выхо-

дило, так верно и друг за другом шло. И встали из-за стола вовремя, и умылись у колодца – «надо так», оказывается, было перед дорогой, и посошки тут же нашлись, и тяжесть в ногах куда-то в землю сгинула, ничем себя не проявляя.

Брели по лесу – тому самому, ненаглядному, большому, где от дерева к дереву нужно было сделать шагов по сто, не меньше. Стволы и уходящие далеко вперед ветви поражали – не видел я раньше такого леса, даже не слышал о таком. Понимал, что ни о какой вырубке, конечно же, и речи идти не может – стоит любому мало-мальски образованному человеку лишь раз увидеть эти деревья...

– Так это не каждый увидит, а увидит, так не каждый поймет. Для кого-то – деревья живые, каждое постарше целой деревни будет, а для кого-то – кубометры, дрова, пепел.

Звуков тут почти не было, как и валежника под ногами – тонкая, мягкая и очень уж газонная какая-то травка. Прохладно скрипели сапоги, и громче всего я слышал своё дыхание.

– Поют птицы, поют. Только высоко, отсюда не слышно. А это капли бьют – им тоже высоко лететь. Ветер сюда не доходит, поэтому тихо, слышно, как шишка летит, когда падает, – мой спутник говорил много, будто хотел выговориться, с немножко неправильной интонацией постоянно удивлённого ребёнка.

Небо было невидимым за высоким и плотным пологом леса, а мы шли именно под пологом, куда не проникнет случайно налетевший дождь. Свет проникал не сверху, а откуда-то сбоку, крался тут и там редкими лучами, появляющимися и исчезающими, как в стоячей воде.

– Почему же не вырастить такое? Можно и такое. Вон, шишку бери и лущи. А потом как человека – возделывай, корми и лелей, чтобы не диким рос, а ценность своей жизни умом понимал.

Иногда Николай останавливался, поднимал с земли то кусочек коры, то длинную, с ладонь, сухую иголку, размахивал ею, как дирижер палочкой, спрашивал меня о чем-то и перебивал, договаривая за меня мои же слова:

– К каким звёздам? А, к этим звёздам! Тут не хитринка нужна, а искра, чтобы правдивое желание было, а не только так вот – пальцем указать и название дать. Хотеть можно и к звёздам, но вот ведь – к звёздам хочется едва, а от ближнего спрятаться – ещё больше хочется, да?

«Мы как медведи тут, – думал я. – Большие, непонятные медве-

ди, облаченные в странные скафандры – пыхтящие, шумные и очень торопливые. Нам и дел-то – мимо пройти, а мы делаем это с шумом, сами того не ведая». А Николай уже рассказывал про свою избу:

– Бывает, что изнутри места больше, чем снаружи увидишь. Это кому как она кажется. Некоторым малой и тесной себя кажет, другому – большой и просторной. От ауры зависит – ха-ха-ха, – смешно, что слово это знаю? Да знаю, да. Где чисто, там не тесно! А где хорошо, там и не жмёт. Живу, мне хватает, да и любому хватит, если лишнего не хватать. С любым домом так, где человек мал, там и дом его мал, пусть хоть дворец это.

К одному из деревьев Николай подошел очень близко. Не без страха подошёл и я. Внутри этого дерева, наверное, целиком поместился бы дом Николая, а может, и не один. Ствол был замшелый, широкий, как подножие маяка, доспехи коры больше напоминали чешую удивительного зверя, в котором даже на расстоянии руки чувствовалось мощное, ритмичное движение.

– Это не шишка, это желудь такой. Другие они, эти дубы, а может, и не дубы они вовсе – сами себя то помнят, то не помнят. Им-то вот уходить и пора, внутри сердцевину железо ест – гора хоть и меловая, но железо снизу идет с водой, подтачивает. Любого железо подтачивает, когда снизу оно и много его, и непонятно, зачем так много.

Как-то неожиданно я понял, что мы вышли на самую вершину холма. Пологий подъём сошёл на нет, стало светлее и оживлённее. Еще одна нотка вплелась в потревоженную нами тишину. «Родник журчит» – догадался я...

– Человек похож на компас. Он может идти прямо, твёрдо указывать направление и достигать своих целей. Или может бесполезно крутиться на одном месте и никуда не идти. Как и компасу – ему не обязательно нужен Северный Полюс, чтобы указывать на него. Иногда достаточно просто положить рядом магнит. Обман ли это? Для компаса – да. Но даже тогда стрелка намагничивается сильнее и впоследствии точнее указывает направление. Да и какая разница – магнит это или мифологический Полюс, который существует только в воображении и на рисунках, если это притягивает? Притягивает – иди. Вон, видишь, крутится. Вот, остановился. И иди...

А вечером, у Михалыча, в доме которого я квартировал, была небольшая разборка.

– Конечно дурачок, – Михалыч вздохнул, – Добрый дурачок. Ну сам посуди, какая еще аура? А этот лес? Нам он не нужен, мы в него не ходим. Жёлуди – шишки! Ты сам себя слышишь? Председателю смотри не ляпни. Пахомыч – хоть и сволочь, но мужик умный, хватистый. Ему свиней кормить нечем, а ты ему про гигантские какие-то дубы! Нахрен они!

– Так ведь их изучать можно! Да и Николай знает, что к чему. Сюда бы учёных! – я пытался быть понятным и логичным. Увы, но мои логические построения были понятны только мне, и сидящий рядом Михайлович методично и четко их разрушал:

– Если он такой умный, чего же он один там? Зачем другим всем помогает, а у самого захудалой коровёнки, лошадки – и то нету?

Взял бы часть своего любимого лесу, срубил бы и вывез – он же лесничий, списал бы как сухостой, Пахомыч бы подмахнул, и всем хорошо! Пахомычу – новый свинарник, себе – лес, что останется арендуй, хоть до скончания времён. Еще и на новый дом хватит. Что, часть отрезать – ума не хватило, зато тебе, студенту мозги запудрить – это мы да!

– При чём здесь это-то? – пытался я возразить: очень уж задевали намеки на собственную мою умственную несостоятельность, – Не в деньгах дело же!

– Не в деньгах, а в их количестве! А при том! Думаешь, твою карту прямо ждут все в управлении хозяйствования, да? Да-а-а! Сто раз, поди уж, всё давно поделили, спят и видят, чтоб только когда по закону. Нет, если по закону рубить нельзя – это мы за! Нельзя тогда рубить! Кто за? Я – за!

– Так и я – тоже за!.. – несмело начал я, но Михалыч тут же и перебил, достав откуда-то снизу фляжку и гранёный прозрачный стакан:

– Мне нельзя, а тебе налью. Пей у меня! Чтобы голова работала. И кури еще, кури – а то свежий воздух, он, знаешь ли, пьянит. Особенно когда много его... Дураки. Ему про реальность говорят, про документы и про подписи, а он... Не пойму я, а значит, никто не поймёт. Ведь всегда дурак человек, если ему не надо ничего! Если своего ему не жаль другому отдать, а за чужое он горой стоит, нас от самих себя сторожит. Колька-то дурачок, ему в руки насрать, он простит, утрётся и дальше тебя любить будет. Такой он потому что, знаем мы его! А ты-то куда? А я-то куда с тобой? Эх, дурачок!

Карту в управлении все-таки приняли. С Николаем мы потом ещё год общались, посиживали и бродили по окрестностям – хотел привести к нему детей, чтобы он рассказал им о родном крае и поведал о удивительных его историях и преданиях – их он, оказывается, знал множество, – но сам Николай воспротивился, дескать, рано им. Думаю, причины были иные. На переданные мной слова Михалыча, он пожал плечами и хмыкнул:

– Отрезать часть того, что любишь? И при этом пытаться остаться собой? Глупо ведь, да?

Да, это было бы глупо. Через год я уехал в город, где в университете, оказывается, никто и слыхом не слыхивал ни о каком реликтовом лесе. Да и средств на исследования у нас теперь уже не выделяют, а потому все современные исследовательские работы делаются по материалам уже существующих исследовательских работ – такой вот замкнутый круг..

А ещё через год Николай исчез – и ни Михалыч, да и вообще никто не знал – куда. Тогда я вернулся в деревню, в истории которой стало одной легендой больше.

У местного арендатора умерла дочь – приехала из города, купалась и утонула. Хоронили её на деревенском кладбище – арендатор был мужик местный, все его предки там лежали. И уже почти было похоронили, да только остановил процессию Колька-дурачок. Хотели его мужики шугануть от гроба – куда там – здоровенный он, всех раскидал и перепугал. А потом подошёл к гробу, потряс покойницу за плечи и закричал: «Ну чего ты лежишь? Вставай! Подыми глаза!».

Михалыч там был, картина, по его словам, была жуткая:

– Там как с коровою. Вылезла девка из гроба и пошла. В белом платье, как была и в церковь – молиться. Батюшку чуть кондрашка нехватила. А попов слетелось потом – целых пять! Велели никому не сказывать ничего. Этот – ясно дело, сразу и дочь увёз, и всю аренду свою задаром раздал... а Колька исчез... Вот ведь, я, дурачок, ему после тебя всё про лес продать, да про деньги. Зачем ему деньги, раз он такое творить мог? Вон его домишко, живи теперь. Иди, дорогу ты знаешь...

07.10.2018 г.

Миша Сланцев

Рожь во спасение

повесть

Глава 2. Питие и бытие¹

Мышка бежала, проводом махнула, тут и оно и разбилось. Не яичко, над которым бились-бились, а отношение Ивана Окрошина к водке. О сколько нам открытий чудных готовит мировая сеть, особенно когда надо убить время. Туда, в мутт Интернета только нырни, и дня как не бывало. Но нашего героя (хотя ничего геройского он в жизни не совершил) интересовало лишь это простое пятибуквенное слово. В один из октябрьских вечеров, вернувшись домой после дежурства в супермаркете, он и забил его в поисковик....

Вообще у Ивана в жизни было не одно разочарование. Когда ему было четыре годика, мама привезла ему из тогда еще Ленинграда игрушечную машинку. Импортную, грузовую, со звучным, трещотным названием «Татра». Колесики шумят, кузов красный. Вжи-и-и, поехали! Загрузились – выгрузились, снова в путь по однокомнатной квартире. Это сейчас у детишек нет того трепета перед игрушками. Сейчас их завалились, везде, разных. И обилие сливается в безликую игрушковую массу, нырять в которую неинтересно – ни детям, ни взрослым детям. Это о пользе советского дефицита: что добыто с трудом, то и ценишь. Расставаться со своим грузовиком Ванечка не хотел ни днем ни ночью.

Перед сном парковал машинку под кроватью, и засыпал с ощущением, что она там стоит, ждет завтрашнего выезда. С этой «Татрой» могли сравниться только гедзеэровский электровоз с вагончиками. Но поезд ездил только по рельсам, которые еще надо было проложить. А машинка, ведомая Ваниной рукой, ехала куда хотела, ну то есть куда хотел Ваня, то есть водитель, высший разум...

¹ Первая глава повести «Рожь во спасение» была опубликована в сборнике «Зелёная лампа. Том 1». Книгу можно найти по адресу: <http://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka/zelenaya-lampa>

Человек рождается и начинает быть несвободным. Маленький Ванечка не был исключением. По утрам его бабушка водила в садик, в первое место социализации. Там сажали на горшок, потчевали тошнотворной манной кашей и бледным противным омлетом, выводили гуськом на прогулку, заставляли спать в тихий час на скрипучих раскладушках – ужас какой. И эти воспитатели-нянечки, представители могучего государства, зорко следили, чтобы активные и подвижные детишки, которые хотели только бегать и играть, не открывали глаза во время нелепого и бесконечного дневного сна. И так – до вечера, желанного и долгожданного, пока мама или папа не разлучали вас с остальными согруппниками.

Конечно, Ваня не хотел расставаться со своей машинкой. Родители не разрешали ее брать в садик, и от этого пребывание в дошкольном учреждении стало еще томительнее, несмотря на обилие общения с другими мальчиками и девочками. И однажды, когда мама была в хорошем настроении, он спросил:

– А можно я свой грузовик в садик возьму?

– Можно, сынок. Только на один день. У вас там в садике других игрушек много, – и она потрепала по пшеничным, вечно непослушным волосам. Это было счастье: добрая мама, которая сняла такой важный запрет. Другие игрушки, другие. Это общественные игрушки, ими все играют. А это – своя.

Конечно, из этой затеи ничего хорошего не вышло. Все мальчики захотели поиграть именно в его машинку, вырывали ее друг у друга, кричали, спорили, кто будет первый, угостили друг друга несколькими тумаками и затрещинами. Конечно, в этом естественном отборе победу одержал самый сильный мальчик, драчун и забияка, Володенька Карпов. В девяностые он организует бизнес по турецким шмоткам. Володенька завладел машинкой Ванечки и стал, как говорила бабушка, «играться». Да с таким остервенением, что сломал ее, хрупкую. Ваня – в рёв, горький, отчаянный. Воспитательница, конечно, вмешалась и конфисковала несчастное транспортное средство, а Ванечку и Володеньку расставила в разные углы, в коих они простояли аж двадцать минут. Ванечка как инициатор провокации и как нарушитель устоев (пронос личных игрушек в общественное воспитательное учреждение противоречил моральному кодексу советского малыша), а Володенька просто как бузотер (бить других мальчиков и брать чужое тоже нехорошо). Досталось от воспитательницы и пришедшей вечером маме – мамы тогда боялись и уважали воспитательниц. Ну а венцом незадавшегося дня стал папин ремень. Есть подозрение, что тогда и маме досталось от папы, но об этом история умалчивает.

Потом были, конечно, и другие обидные несправедливости. В третьем классе Ваня кормил после школы бездомную собаку, рыжую, ребра торчат. Носил хлеб, кусочки колбасы, той самой, дефицитной, которую иногда родители привозили из Москвы. А благодарная, но глупая псина так цапнула руку дающего, что Ваня две недели ходил забинтованный, а ему для профилактики бешенства еще и уколы кололи. За собакой приехали мужики и запахали ее в фургон на глазах детей всего двора. Она визжала и скулила. Видел это и Ваня, потому что его дворовые приятели прибежали к нему домой с криками: «Там Рыжика увозят!!!». Хотелось самому визжать и скулить.

В девятом классе начал робко дружить с девочкой, из «бэшек», то есть из параллельного. Провожал из школы, бывал с ней в кино,

экономил на завтраках и обедах, хотел видеть ее на переменах. Ждал этих перемен, как раньше утра, чтобы поиграть со своей трагически погибшей в руках Володеньки Карпова машинкой «Татра». А уж Юля-то была лучше машинки: то косички рыжеватые заплетет, то распустил волосы, взгляд любопытный, насмешливая, родинка на правой щеке маленьким пятнышком. Поцеловать для Вани это пятнышко было самым большим счастьем. Чем его привлекала Юлька? Конечно, тем, что была Самой Красивой Девчонкой на Свете. Ваня хотел, чтобы она стала только его девчонкой. В ней чувствовалось зарождающееся женское тепло и не было ни намека на стервозность. Юлькины глаза распахивались и словно обездвигивали его. Слова не шли на язык. А дома он писал письма, которые ей никогда не показывал.

Из-за них русачка неожиданно отметила, что Ваня Окрошин стал неплохо писать сочинения. Ошибок уйма, стиль страдает, но тема раскрывается оригинально, особенно когда Ваня расписал отношения Обломова и Ольги. В сочинении он утверждал, что самая большая беда для человека, когда ему свыше было многое дано, – талант, способности, материальная обеспеченность, ради которой уже не надо вкалывать день и ночь, а он не воспользовался этим, прожёл жизнь, не принес пользы ни себе ни людям. А еще у него, условного Обломова, была женщина, которая хотела ему посвятить себя, но посмотрела-посмотрела и, плюнув, ушла.

В общем, Ваня увидел однажды вечером во дворе Юльку, которая целовалась в засос с каким-то парнем, старше и, видимо, сильнее его. Тот елозил рукой по её телу, по Юлькиному, желанному, но недоступному для Ивана телу, и она это позволяла. Окрошин вмешиваться не стал (толку-то!), хотя чувствовал, что как будто в него смачно плюнули, да ещё и поглумились. Он вернулся домой и украл у отца бутылку «Пшеничной», полученной после долгого стояния в очереди («Куда прёшь?», «Тебя тут не стояло!», «Я за мужиком занимал!», «Две в одни руки!»). На дворе свирепствовал «сухой закон» с безалкогольными свадьбами, водкой в чайничках и вырубкой крымских виноградников. Иван тогда напился первый раз в жизни. Сквозь обиду он с интересом наблюдал, что с ним делает водка. Сознание поплыло, мысли были как в мясорубке. «Вот что значит «пить горькую». Эх, Юлька-Юлька, б... ты этакая! Я ж люблю тебя! Или любил. Юлька-Юлька...». На следующий день голова впервые

раскалывалась, Ивана периодически рвало вчерашней едой и мерзко пахнувшими бывшими иллюзиями.

Интересно, что при всей трагичности ситуации, всей её холоднотности, Иван не был Ромео, готовым из-за любви травить себя и окружающих. Шок от «Юльки-Юльки» был уже меньшим, чем от поломанного в детском саду грузовичка и увезенного на убой Рыжика. Очень переживал, конечно. Но в тот сентябрьский вечер 1989 года он разочаровался в двух изначально волшебных вещах: в прекрасной половине человечества и в водке, что не мешало впоследствии употреблять и одно, и другое. Ближайший повод подвернулся на школьном выпускном, где изрядно выпили и юноши, и девушки. Прошли годы, и как-то раз он случайно встретил на улице «Юльку-Юльку». Стало понятно, что самое лучшее и интересное в её жизни уже произошло. Изможденное лицо, взрослый сын, муж то ли есть, то ли нет, дешевая куртка с вьетнамского рынка, воспитательница в детском саду, может, даже в том, где хрустнул сломанной машинкой один из восторгов маленького Ванечки. Хотя нет, тот самый садик за неимением детей закрыли и переделали под магазин сантехники. Окрошин смотрел на то, что осталось от былой первой любви, и понимал, что он совсем о ней забыл, словно и не было никогда её. Столько страданий было, а видишь ли, Лета полная. Такая вот чистка мусорной корзины памяти. Конечно, обменялись телефонами, и, конечно, никто никому не позвонил...

Всякое было не очень приятное. В августе 1991 года он хотел поехать в Москву защищать демократию от танков и ГКЧП. Потом, когда страна обнищала и обандителя, он догадался, что его вновь обманули, оказывается, эти дядьки с трясущимися руками хотели спасти ситуацию. Ему было до смерти больно смотреть, как «Буря», слетавший в автоматическом режиме в космос, превратился в металлолом, как потомки Гагарина утопили в Тихом океане станцию «Мир», как пьяный Президент России пытался дирижировать оркестром.

Родители Ивана работали на оборонном предприятии «Орбита», но в «лихие» оно разрушилось, тысячи людей потеряли работу, вклады, уверенность в светлом будущем под рекламное подмигивание Распутина с бутылки. Кто-то пошел торговать на рынки, у кого-то опустились руки, кто-то запил (спирт «Рояль»), одеколон, портвейн с тремя семерками, ну и водяра, самогон вонючий, сивушный, иногда

с димедролом для пушшего одурения), кто-то уехал искать счастья в столицы-заграницы. Теперь по «Орбите» бродили лишь охранники и устраивали свадьбы многочисленные своры диких собак.

Чего за эти годы только не было. «Перестройка» уступила лихим годам, девяностые были вытеснены «стабильными» нулевыми с водкой «Путинка», и в каждую микроэпоху люди в России пили, но пили разное. Даже за последние 30 лет многое изменилось, что уж там говорить о столетиях русского питья. А тут Иван Окрошин, сам достаточно русский человек, открывает Интернет и что узнаёт? Что водка – это не русский национальный, не традиционный и не напиток! И это стало одним из серьезных разочарований. Потому что, читал Окрошин, нынешняя водка – эти ректификат, это простой раствор воды и спирта. А идеально чистый этиловый спирт впервые получили в середине 19-го века вроде как французы, и никак не русские. Сделали они его при помощи особых колонн, которых в то время в России, а тем более на Руси не было. И что изобретение водки Менделеевым – это чушь собачья. И что водкой называли совсем другое питьё. И что водке как раствору спирта всего-то 150 лет. А вот водке как напитку, который можно сделать дома (в этом признак «национальности» и «традиционности») вообще лишь лет тридцать – именно тогда появились первые домашние ректификационные колонны.

«Вот те на, – подумал Окрошин, – опять пошатнулись устои. А что же тогда русский национальный крепкий напиток?». Некий мужик, очень подробно описавший историю этого дела, утверждал, что таковой напиток имеется и называется он зерновой самогон, хлебное вино или полугар. Вот это, дескать, – истинный русский напиток, которому несколько веков. По сути – это виски, только прозрачный, не выдержанный в бочке. А что выдерживать, чего ждать-то? И самое главное, что технология за века особо не изменилась – перегоняй брагу. И так делал и делает весь мир – те же французы – коньяк, немцы – шнапс, мексиканцы – текилу, чехи – сливовицу да грушовицу. Что росло в изобилии, из того и гнали: виноград, фрукты, агавы, сахарный тростник – тут фантазия и разнообразие природных даров породили разное содержание бутылок. И только Российская Империя при последнем царе на государственном уровне ввела продажи спиртового раствора, который сначала назывался казенным вином и только с 1936 года – водкой. Советская власть

ничего частного не приветствовала, поэтому сохранила не только госмонополию на водку, но и технологию её производства, такую, что у себя на кухне ты её не сделаешь, а за самогон понесёшь ответственность. Вот за что, пожалуй, и стоило свергнуть Николая Второго, ну не убивать, конечно, а сделать почетным пенсионером – за приобщение людей к такой водке – якобы чистой, но на самом деле страшно разрушительной для организма и сознания.

Одной рукой – борьба с трезвостью, а другой – водочные денежки идут государству, а сегодня ещё и алкобизнесу, думал Окрошин. Отсюда – гонения на самогонщиков. Но самое главное: именно они, домашние винокуры и винокурки, являются продолжателями вековых традиций приготовления крепкого алкоголя. «Дарья Петровна сама отлично готовит водку». Строго говоря, в фильме «Собачье сердце» речь шла не о водке в нынешнем понимании, а о самогоне. Получается, что именно самогон, то есть хлебный дистиллят профессор Преображенский вкушал с таким аппетитом. А уж он-то всякую каку точно бы в рот не потащил. Значит, самогон бывает прекрасным на вкус. Правда, те образцы, которые Окрошин пробовал в деревне у родственников и у тети Маши с улицы Мира, были премерзейшими. После них был как топор в башке, а во рту, словно кошки насрали.

Весь двадцатый век домашнему производству крепких напитков приходилось несладко. После начала экспансии ректификата к власти пришел Ильич, который однажды характерно высказался: «Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно (это уже доказано) и должно делать из торфа. Надо это производство спирта развить». Говорят, что сталинская коллективизация началась отчасти оттого, что крестьяне в конце двадцатых не хотели сдавать хлеб государству, а излишки зерна пускали якобы на самогон. Дескать, сам Иосиф Виссарионович в 1928 году проехался по Сибири и лично в этом убедился. Как и у Ильича, у Отца народов наверняка возникло возмущение: как они смеют делать алкоголь из чего-то съедобного, тем более из хлеба? Как результат – раскулачивание, ссылки, голод, террор. Но ничего не поделаешь: государство стало хозяином и хлеба, и водки. При Хрущеве и Брежневе самогон бытовал в основном в деревнях, в городе безраздельно господствовала «беленькая». Окрошин помнил обилие пьяных мужичков в своем городе, они шатались, их жены ругались, скандалили, было

много спящих на лавочках, на травке в парках и скверах, советская милиция таковых забирала в вытрезвители, потом возвращала в семью, на производстве таких чехвостили и воспитывали на собраниях трудовых коллективов. Это не мешало в целом идти к светлому будущему стройными рядами, особенно на демонстрациях 1 мая и 7 ноября. Впрочем, в те годы по праздникам был и коньяк – молдавский, а если повезет, и армянский. Попадалась и такая экзотика, как «Рижский бальзам»...

А вот Горбачев объявил войну всему спиртному. Оно, конечно, и рождаемость повысилась, и нация оздоровилась. Много самогонщиков за «перестроечное» пятилетие было оштрафовано и даже присело в местах не столь отдаленных. А люди стали травиться суррогатами, пробовать наркотики. Ну а Борис Николаевич, будучи большим любителем прибухнуть, открыл алкогольные шлюзы и разрешил людям гнать самогон для своих нужд. Разгул свободы, понимаешь.

Молодые годы Ивана Окрошина пришлось именно на девяностые, – отвязные, трагические, творческие. Как-то раз они с товарищем Степой Колотовым изрядно употребили. Водка вздурила головы, и в тот февральский вечер 99-го было весело и тянуло на подвиги. Но просто купить еще горячительного было скучно. «А давай я буду Чапаевым, а ты – моим конём!» – предложил Иван. Стёпе идея понравилась. Окрошин вскочил на спину друга и они вторглись в пространство винного магазина с криками: «Впере-ёд! Даёшь мировую революцию! За тырныционал!» – и ржанием. Милостивая продавщица, понятное дело, офонарела, не ожидали такой шутки и немногочисленные покупатели. «Товарищ работник торговли, приказываю вам незамедлительно выделить бутылку «Кедровой» командиру Красной армии и чекушку «Ржаной» моему верному коню!» – отчеканил Иван, а Степан раскатисто заигогокал, зафыркал и забил «копытом». «Чапаев» сделал несколько кругов по торговым площадям, потом спешился, «привязал» коня к прилавку и стал разглядывать этикетки. Экипаж ППС приехал неожиданно оперативно. Иван со Степаном вмиг изобразили трезвость. Это у них получилось, потому что общение с двумя правоохранителями получилось таким:

- Граждане, предъявим документики.
- А на каком основании?

– Поступил оперативный сигнал о хулиганских действиях.

– В том, чтобы один гражданин передвигался на другом гражданине, нет состава хулиганских действий, – внятно сказал Иван и протянул удостоверение сотрудника пресс-службы администрации города N.

– Ваше нет состава, – добавил трезвым голосом «конь» и протянул милиционерам водительское удостоверение.

– Они скакали тут, шумели, – возмущалась продавщица.

– Прошу заметить, что ни одна статья административного кодекса не налагает ограничений на свободу передвижения на ином гражданине при согласии этого гражданина в темное время суток при наличии у данных граждан хорошего настроения, не нарушает общественный порядок и общепринятые нормы морали.

– Ваше не нарушает, – подтвердил «конь».

Тут ППСники дружно расхохотались, махнули рукой и ушли восвояси не составив протокола. Иван изобразил, что подвел «коня» под уздцы к кассе.

– Простите нас, девушка. Мы не хотели вас напугать. Я хотел только напоить своего вороного скакуна и немножко напоиться сам.

– Ваше как бы да, – поддержал наездника «конь».

Друзья привстали на колени и картинно-комично склонили головы.

– Ладно, ладно, хватит. Проехали. Давайте пробью вашу водку и идите уже, – она явно успокоилась. Хоть какое-то развлечение. А то сидишь за кассой, сидишь, деньги, бутылки, так и жизнь проходит.

Друзья приобрели две «Ржаной» и шоколадку.

– А шоколадка – это вам, девушка, за принесенные нами эмоциональные эти... потрясения, – выдал «конь» Степа. – Кстати, как вас, девушка, зовут?

– Катя, – неожиданно улыбнулась будущая Стёпина жена.

– Пошли уже, конь педальный! – призвал товарища Иван.

Конечно, не все нетрезвые истории заканчивались так весело. То и дело криминальные сводки (с-водки!) пестрели чуть ли не каждый день таким: сидели приятели, выпивали, выпивали-выпивали, а потом один другого ножом. Или так: сидели-сидели, проснулась ревность – результат: задушил, не помнит, как. Другой пил-пил, сел за руль, въехал в столб. Выпил неизвестной спиртосодержащей – не

смогли откачать. Циррозы, сердце, агрессия, дети-инвалиды. Тысячи и тысячи застолий заканчивались похоронами.

Окрошин видел, что с тех пор класс самогонщиков только ширился и укреплялся. К нынешним временам появились специализированные магазины с винокурным оборудованием на любой вкус и объем. И вот наконец-то в 2015 году государство разрешило предприятиям производить заводской самогон, утвердив ГОСТ на зерновой дистиллят. В этом оно, похоже, захотело перехватить инициативу у домашних винокуров, изрядно расплодившихся в нашем Отечестве. Но – поздно: джинн уже выпущен из аппарата.

Иван продолжал изучать эту тему, а также с удовольствием читал художественные произведения, связанные с напитками. Джоанн Харрис – «Ежевичное вино», Рэй Брэдбери – «Вино из одуванчиков»... Сколько книг говорят о том, что в иной бутылке находится не просто алкоголь, но и сама история. Во французских винах и коньяках остается вкус винограда, который вобрал то самое солнце, тот самый неповторимый воздух, дожди, которые шли в тот год, когда был собран урожай. В том напитке – аромат тех событий, конкретного уголка прекрасной Франции. Особые ощущения – попробовать вино года выпуска, когда ты родился. Наполняя бокал, ты словно окунаешься в то время, или, точнее, время вливается в тебя, и ты ощущаешь его оттенки. Да, тот год был именно таким – терпким, с оттенком земляники. В «Бехеровке» – чешские травы, вокруг которых кружились чешские пчелы, там сновали чешские ящерицы. В армянском арцахе в самом деле есть частица гор, древних песен и звук дудука. В текиле замуровано мексиканское солнце и темперамент, не говоря уже о голубой агаве, произрастающей на песках. В мескале плавает личинка бабочки по имени Хуанито. В шотландском виски северный ветер с моря, торфяной привкус, кельтские говоры и недвижная дубовая бочка. Поэтому так ценятся бутылки со старыми напитками, открывший древний сосуд пробует прошлое на вкус. В растворе этилового спирта, который по недоразумению назван русской водкой, нет ничего. Ни привкуса, ни истории, – неважно, где и когда она произведена. Водка – это «Черный квадрат» Малевича в мире алкоголя. И поэтому не имеет значения, из чего она сделана, потому что главное – «цедваашпятыоаш».

Может, хотя бы вода из водки родная, несущая привкус местных рек, озер, родников, подземных источников? Может, в «Байка-

ле» вода из Байкала? Читаем: помимо спирта этилового ректифицированного – вода исправленная. Ее фильтруют и «умягчают» так, что даже она лишается индивидуальности, географической привязанности. Это мертвая вода.

Все алкогольные напитки в мире сохраняют вкус и запах того, из чего они сделаны, и только наша водка стремится их убить, убеждался Окрошин. И правильно: ни древесина, ни газ этилен не особо вкусненькие. Конечно, лес-кругляк и нефть с газом это, к сожалению, современное наше всё, но чтобы этим чокаться и заливать в себя... Посмотрим на этикетки. Убожество содержимого компенсируется избытком лейблов. Вот «Зимняя дорога», в которой нет ни зимы, ни дороги, ни похрустывания копыт или валенок по снегу. Вот «Хлебная слеза», где ни одно зерно не пострадало, ни одна крестьянка не всплакнула о своей нелегкой доле. «Ржаная». Как говорится, на заборе тоже написано, а там – дрова. Кстати, «Дрова» – одно из самых честных и приближенных к истине названий. Вот «Русская». Чем она русская? Песнями, сказками, избами? Традицией технологии? Да ничем. Не может быть русским вещество, разбитое до молекул и синтезированное в спирт. Миллионы лет жили всякие динозавры, лягушки, рыбы, росли леса, – все это умерло и превратилось в уголь или в нефть. Вот, что такое водка – это как безликая нефть, однородная масса, это спиртовое абсолютное ничто. Вот односолодовый шотландский виски – это нечто. Хотя некоторые извращенцы поганят его кока-колой. «Ха-ха, эти хлюпики-иностранцы не пьют водку в чистом виде, они мешают её в коктейли и потягивают через трубочку! Фу! Бе-е! То ли дело мы, русские удалцы, нахлобучим стакан, крякнем, рукавом занюхаем». Дурное дело нехитрое. Идиотизм как предмет национальной гордости.

В музее водочного заводчика Петра Смирнова в городе Мышкин Ярославской области висит надпись: «Только водка из России – настоящая русская водка». Конечно, для 20 века и современности эта надпись лживая. Но она верна для века 19-го, когда наша водка была ржаным дистиллятом. Именно этой водкой Петр Арсеньевич покорил Европу и Америку и сделал её (кроме шуток!) русским национальным достоянием. У той водки сегодня были бы все шансы стать объектом нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, как сегодня пивная культура Бельгии. Вот это и была бы настоящая русская водка, а не обман, величайшая вековая афера, во многом

трагическая. И только сегодня появился шанс возродить истинно русский крепкий напиток, который встанет в один общемировой ряд с коньяком, виски, сливовицей, текилой и ромом, даже украинской горилкой, и рожь, русский хлебушек, нам во спасение.

Ну и что после этого всего пить? Так, чтобы было хорошо, вкусно, весело и не отравиться? Так и напрашивается цитата из бессмертной ерофеевской поэмы «Москва – Петушки»: «Беда! Нет у меня ничего такого, что было бы Тебя достойно. Кубанская – это такое дерьмо! А российская – смешно при Тебе и говорить о российской...».

«Хочешь сделать хорошо – сделай сам», – решил Иван Окрошин и тем самым скорректировал свой жизненный путь.

Продолжение следует...

Павел Половов

В голове моей без рифмы и без смысла
огрызки мыслей мечутся по кругу.
Бывает, что система вдруг зависла.
Перезагрузим, если мы нужны друг другу.
А мы – нужны!

Бывают стихи грустные, бывают – не очень.
Для тебя напишу любые. Какие ты хочешь?
Верю, строчкам этим – место в твоей душе.
Если где-то не к сердцу слово – гони взащей!

Тихим ветром зароюсь в волосы,
теплым солнца лучом – поцелую.
Птичьей песней пришлю тебе новости,
летом жарким тебя обниму я!
Лесом светлым тебя успокою
и журчаньем ручья обрадую,
разбросаю цветов по полю...
Поволнуюсь тучами: «Ладно ли?»,
Я раздвину пределы вечности,
серебристой луной приласкаю,
для тебя разрисую местность, и
всё под взглядом твоим станет раем!

Ты меня не люби, – скучай.
Замечай, что меня рядом нет.
Наливаешь, к примеру, чай,
«А где Пашкина кружка?». Нет...

Замечай, что руки нет в руке.
Замечай, открывая дверь.
Ты не бейся, как я, в тоске,
ты мне сердце свое доверь.

Закрывая глаза, вспоминай,
что не видела нынче меня.
Ты меня не люби! Скучай.
Просто помни, что где-то есть я.

Без царя в голове мне совсем неплохо.
А вот без души-царицы можно и сдохнуть.

Выпить жена не даёт, а до свадьбы сама наливала...
Вот они, бабы!

Друг в дом мой вошел,
сапоги снимать начинает...
Быстро открою окно!

Розы в каплях росы...
Любимой – лишь свежие чувства!

Мария Шакун

Мы прорастаем сквозь века
И расстоянья – туда,
Где над камнями бежит вода,
Обманчиво неглубока,
За окнами сад, обед горяч,
Не нужно идти на войну.
И мы прорастём в такую страну –
Сколько её ни прячь.

Холодный такой, неприятный уже ветерок,
Пролезающий в горло, вызывающий хрипоту,
Две девочки в полупустом вагоне метро
Упоённо целуются, как в старом клипе taTu.
Представляю себя на месте одной из них,
А на месте другой мне некого представлять,
Срочно надо придумать, кому позвонить
Утром 29 февраля.
Напротив входа горит ночное кино,
А может, кабак, в общем – культурный центр.
И жизнь не кончена в 24:00 –
Бог его знает, что там ещё в конце.

Можно выжить – в своей особой манере,
Изучая энциклопедии и словари,
А потом повеситься – непременно в «Англетере»,
За мгновенье до вспышки ядерной зари.
Не так безопасно бегать по улицам с криком,
Сзывая богоизбранный миллион,
Но зато газеты напишут о самом великом
Пророке или безумце настоящих времён.
И совсем тяжело до тридцать эдак пяти безвестно
Пропадать в районе четвёртого или пятого этажа,

А потом написать том первый «Конец света»
И том второй «Как нам его избежать».

Мария

Что в имени твоём? ночные разговоры
Успеха никому, дитя, не принесли.
Своей рукой сотри вчерашние узоры,
Из гаваней чужих уходят корабли,
И на другом краю в разгаре день и лето.
Играй, дитя, играй, до имени ли тут.
Помимо всех цветов есть два неглавных цвета,
Что каждому в судьбу такого наплетут...
Танцуй, дитя, танцуй, Земля – твои подмости,
Довольно нам Кассандр, довольно нам Сибилл,
Играй, дитя, играй, танцуй во имя тѣзки,
А той, что родила ли, той, что возлюбил –
То не твоя, дитя, и не Его забота,
Об этом не сказать в вечерних новостях,
Танцуй, пока весна, и полночь, и суббота,
Как будто рядом – рай, и всё вокруг – пустяк,
Всѣ морок и соблазн, напрасные беседы...
Что в имени твоём, как ни произноси,
Играй, дитя, играй с рожденья до победы.
До краха. До конца.
Помилуй и спаси.

*«Кто не знает, в какую гавань плывет,
для того нет попутного ветра».*

Сенека

Я искал твою улицу с помощью карты Земли,
Не сменяя с лица разноцветные капельки снега.
Я не знал, куда плыть
(ты ведь помнишь, как пишет Сенека),
Я бы знал, куда плыть, только наши следы замели.
Я искал твою улицу. Так непривычно искать,

Словно тонкую линию плоскости левой ладони,
Словно вдруг проявляются в нашем приятельском тоне
Твои губы вблизи от чьего-то чужого виска.

Для счастья нужно очень и очень мало,
Гораздо меньше, чем выбор мужчин и женщин.
Я смотрю на небо в зелёную гладь канала,
Не разделяя воды и звезды движенье.
Ибо наша жизнь есть выбор того, что мы ценим
В бескрайних песках того, что дано от природы.
А вода и звезда бывают единым целым,
Не теряя при этом ни сущности, ни свободы.
Ибо наша жизнь заключается в некоей точке,
Для которой историк не вынет пера из пенала,
А вода и звезда всё движутся поодиночке,
А для счастья нужно по-прежнему очень мало.

Где же вы – Петры, Иаковы, Иоанны,
Красили жёлтым нарциссы, чинили краны
На небе, дышали парами бензина...
А она любит всех, но ищет отца для сына
Или дочери (Только Чтоб Был Здоровый),
Можно про всё забыть и начать по новой,
Для неё нет разницы – тот или этот свет,
Она растворится в толпе через пару лет,
Для неё тогда будут все пути одинаковы.
Где же вы – Петры, Иоанны, Иаковы,
Ваша тяга к блюду и спирту, склонность к простуде,
Она выйдет навстречу некоему Иуде,
И уж он-то научит ваших детей уму.
Но детям неважно – к свету или во тьму,
Потому что наличие им дороже аспекта.
А теперь она каждую ночь зажигает с кем-то
Новым. Не всякий запретный плод –
Яблоко. Обещает встретиться (врёт и не врёт –
Только Чтоб Был)... и ей не нужны дары.
Где вы – Иоанны, Иаковы и Петры?

Московские каникулы

Коллизии Москвы – движенье бесконечно,
Неоновая муть и огоньки болот.
Коллизии судьбы – неведомое нечто
Не выведет меня, а дальше заведёт.
Коллизии Москвы – стоять на повороте,
Чего-то не уметь, чего-то не хотеть.
Коллизии весны – котята в подворотне
И лёгкое пальто на согнутом локте.
Коллизии Москвы – никто не дышит в спину,
Не заставят гнать, как белка в колесе.
Коллизии любви – я больше не покину
Быть может, никого. И, может быть, совсем.

Щелчок замка – почти щелчок затвора,
Десятки стен, протёртые спиной.
Не выпрыгнуть, как чёртик на пружинке,
И не поджечь мосты и корабли –
Ведь слаженность ладонного узора

Не разобьёшь, меня путь земной,
И слаженность того, что не сложилось,
Не разобьёшь, меня путь Земли.
На сотках матушки-земли.

Пришло предчувствие иного
И плещется из берегов,
Ещё не знаю, для кого
Я напишу всерьёз и много.
Как будто нежные рисунки
Мороза, ускользаешь ты,
И лишь какие-то черты
Запоминаются.
На сутки.

Февральская капель стекает с крыш
В подставленные веером ладони –
Кидались в ночь, искали лучшей доли:
Авось отыщешь, вдруг да не сгоришь,
Трамваи превращались в поезда
И мерились часы длиной свечки,
Но сложенное мною слово «вечность»
Вдруг оказалось кубиками льда.

Смотришь иной раз
на какого-нибудь
наивного,
думаешь злорадно:
«ну, давай, давай,
надень мои ботинки
пройди по моей дороге»
(и прочую высокопарную глупость).
Смотришь
думаешь
смотришь
думаешь...
а дорога-то непонятно куда
и ботинки
на размер меньше
оба левые
эх.

Сведения об авторах

Сергей ГОГИН

Родился в 1964 году в Уральске. В 1981 году окончил среднюю школу №1 в Ульяновске, в 1986 году – Ульяновский политехнический институт. С 1989 года – в журналистике.

Работал на областном радио и телевидении, в городской газете «Симбирский курьер», вел авторскую программу на ТРК «Европроект», работал в журнале «Журналистика и медиарынок» (Москва). В 1996 году закончил магистратуру Американского Университета в Вашингтоне, округ Колумбия, США, по специальности «Журналистика и массовые коммуникации». В настоящее время – свободный журналист, переводчик, руководитель литературной студии «Восьмерка», ведущий английского разговорного клуба «Crossroads».

Стихи публиковались в ряде сборников и альманахов: «Первый снег» (Саратов), «Карамзинский сад» и «Симбирск» (Ульяновск), в журналах «Октябрь», «Нева», «Журнал ПОэтов» и др. Рассказы публиковались в альманахах «Карамзинский сад» и «Странник» (Саранск). Издал три сборника стихов – «Колодцы снов» (2000 год), «Ночь сторожей» (2008 год), «Круги света» (2016 год).

По циклу верлибров «Про маленького человека» поставлен спектакль «Маленький человек с большим сердцем» (постановка Алексея Храбскова), который в 2014-2017 годах шел в Ульяновском областном драмтеатре.

Миша СЛАНЦЕВ

Псевдоним одного из авторов сборника.

Илья ПАВЛОВ

Родился в 1980 году в городе Ульяновске.

Путешественник, участник фольклорно-этнографических экспедиций, участник народного коллектива «Фольклорный театр «Веретено». Фотограф, специалист в области электротехники.

Публикуемый в данном сборнике рассказ – дебютный.

Алексей ЛАНЦОВ

Поэт, художник, литературовед. Родился в России, в Красноярском крае. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета им. И.Н. Ульянова. С 2006 года живёт в Финляндии.

Автор книг стихов «Русская тоска» (Ульяновск, 2003) и «Бесстрашные глаза» (СПб., 2018), а также монографии «Будут все как дети Божии...»: Традиции житийной литературы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (СПб., 2011).

Павел ПОЛОВОВ

Родился в селе Тагай Майнского района в 1978 году. По маминой линии, дед Григорий – кубанский казак, бабушка Елена – терская казачка, по папиной – дед Василий симбирский (донской) казак, бабушка Нина – крестьянка.

Закончил Тагайскую школу-интернат, где работали родители. Учился в Ульяновском педагогическом университете на филфаке. Работал в Тагайской

средней школе, в Тагайском Доме культуры, в Майнском Доме культуры.

Сейчас работает журналистом, поет в вокальном коллективе Майнского РДК «Душенька» и сводном казачьем хоре Ульяновской области.

Евгений САФРОНОВ

Родился в 1981 году.

Автор четырех книг, в том числе – «Ерошкин – предсказатель из Кувая» (Ульяновск, 2015), «Экспедиция. Бабушки офлайн» (Москва, 2018). За сборник «Ерошкин...» в 2016 году получил Международную литературную премию имени И.А. Гончарова.

Отдельные рассказы и повести публиковались в журналах «Симбирскъ», «Волга. 21 век», «Карамзинский сад», «Литерра Nova», сборниках «Отражения», «Первая роса», «Зеленая лампа. Том 1», «Новый Венец», интернет-журналах «Пролог», «Иная реальность».

Многие годы собирает сведения о людях, которые обладают необычными, сверхъестественными способностями. В художественной форме обобщает свои наблюдения, почерпнутые из встреч и интервью с реальными рассказчиками.

Кандидат филологических наук, член Союза писателей России, фольклорист. Соавтор сайта *Ул-литка*.

Андрей ЦУХЛОВ

Родился в 1975 году в городе Сланцы Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета (1997).

Занимался в литературном объединении «Стрежень» на Нижней Террасе (руководитель В.А. Масюков). Преподавал русский язык и литературу в Ульяновском педагогическом колледже №4. Работал корреспондентом в газете «Ульяновск сегодня», в пресс-службе Законодательного Собрания Ульяновской области.

Публиковался в ульяновских газетах, литературных журналах и альманахах «Северный царь», «Карамзинский сад», «Симбирскъ», «Мономах», сборнике «Зеленая лампа. Том 1».

Автор изданных в Ульяновске поэтических сборников «Четверговый дождь» (2000), «После четвергового дождя» (2006) и «Сверчок и поезд» (2011).

Член Союза писателей России. Соавтор сайта *Ул-литка*.

Александр ЦЫГАНОВ

Родился в Ульяновске в 1976 году.

«Считаю свой город самым лучшим и спокойным на свете, для меня он – очаровательная мистическая сказка. О себе и своих родственниках могу пошутить: «В моём роду было всего два вида профессий: военные и учителя. Я побыл еще и журналистом».

Со школьного возраста начал писать стихи и рассказы, в 8 классе начал работать корреспондентом одной из областных газет. Вероятно, из любви к литературе в 1994 поступил на филологический факультет УлГПУ, где сразу же попал в университетское поэтическое объединение «Парус».

Автор семи сборников стихов, рассказов и повестей. Также увлекается музыкой, работал с такими Ульяновскими рок-группами

как «Spray», «Bad Dreams», «73 регион». Краевед, автор сборника «Указатель периодической печати Симбирска-Ульяновска».

В настоящее время работает учителем литературы в 55 школе, является победителем областного конкурса «Учитель года-2005», городского и регионального этапов конкурса «Учитель года-2019», победителем ПНПО «Лучшие учителя России».

Мария ШАКУН

Родилась в 1978 году в Ульяновске. В 2000 году окончила Ульяновский государственный университет.

Публикации в периодических изданиях: «Мономах», «Карамзинский сад», «Стрежень», «Ульяновская правда», «Берега» (журнал молодых писателей ПФО), альманах «Чёрный вторник» (Набережные Челны), коллективные сборники ульяновских авторов, в том числе антология «Ульяновская словесность. Начало XXI века».

Изданы два сборника – «Городские сны» и «Время ангела».

Член Союза писателей России.

Содержание

<i>Михаил Матлин</i> «Зелёной лампы негасимый свет...»	5
<i>Сергей Гогин</i> Избранное	8
<i>Евгений Сафронов</i> Помаево – село, которого нет (повесть)	18
<i>Андрей Цухлов</i> Теремок (рассказ)	54
<i>Андрей Цухлов</i> Гимн пчеловечеству (стихи)	70
<i>Евгений Сафронов</i> Догхантер. Радужный мост (повесть)	84
<i>Александр Цыганов</i> «Мне так удобны малые тревоги» (стихи)	178
<i>Алексей Ланцов</i> Голубоглазый соул (стихи)	183
<i>Илья Павлов</i> Предчувствие (рассказ)	194
<i>Миша Сланцев</i> Дорожная карта кота Батона (рассказ)	200
<i>Евгений Сафронов</i> Попрыгун (рассказ)	232
<i>Александр Цыганов</i> Дурачок (рассказ)	244
<i>Миша Сланцев</i> Питие и бытие (глава из повести)	254
<i>Павел Половов</i> «А где Пашкина кружка?» (стихи)	266
<i>Мария Шакун</i> Московские каникулы (стихи)	268
Сведения об авторах	274

Литературно-художественное издание

Коллектив авторов

Зеленая лампа. Том 2. Сборник

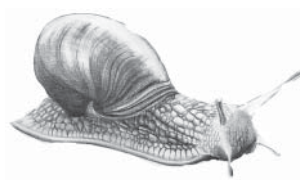
Электронное издание

Ул-Литка, 2019

Верстка Е.В. Нувитов

Формат 60x90/16.

<https://ulgorod-folk.wixsite.com/ul-litka>

COLLINS